

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая Наука 3 *2015*

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ФУНКЦИИ АКАДЕМИЧЕСКИХ
И ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ**

МОСКВА
2015

ИНИОН РАН

***Центр социальных научно-информационных
исследований***

Отдел политической науки

Редакционная коллегия:

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, главный редактор,
Л.Н. Верчёнов – канд. филос. наук, *И.И. Глебова* –
д-р полит. наук, *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук,
М.В. Ильин – д-р полит. наук, *О.Ю. Малинова* –
д-р филос. наук, зам. главного редактора, *П.В. Панов* –
д-р полит. наук, *С.В. Патрушев* – канд. ист. наук,
Ю.С. Пивоваров – академик РАН, *А.И. Соловьёв* –
д-р полит. наук, *Р.Ф. Туровский* – д-р полит. наук,
И.А. Чихарев – канд. полит. наук

Редакторы и составители номера –
д-р полит. наук *В. С Авдонин*,
д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственные за выпуск –
А.Н. Кокарева, В.Н. Ефремова

Политическая наука: Науч. журн. / РАН. ИНИОН.
П 50 Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки;
Росс. ассоц. полит. науки; Ред. кол.: Мелешкина Е.Ю.
(гл. ред.) и др. – М., 2015. – **№ 3: Социальные и полити-
ческие функции академических и экспертных сооб-
ществ** / Ред.-сост. номера Авдонин В.С., Малинова О.Ю. –
312 с.

Рассматривается влияние научного и экспертного знания на поли-
тические и социальные процессы в современном мире. Анализируются
различные аспекты этого явления: институциональный, когнитивный,
социальный. Особое внимание уделяется взаимодействию академи-
ческих и экспертных сообществ с властными структурами и общест-
венными организациями, роли академического знания в принятии
политических решений.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	6
--------------------------	---

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБЩЕСТВО

<i>А.С. Макарычев.</i> Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти	9
<i>В.С. Авдонин.</i> Политическая наука в институтах РАН: Институциональное измерение и наукометрические показатели	27
<i>А.Ю. Сунгуров.</i> Экспертные сообщества и власть: Модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации ..	53

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>А.Н. Кулик.</i> Между властью и обществом: К вопросу о роли публичных интеллектуалов в установлении повестки дня в современной России	71
<i>Д.В. Ефременко.</i> Фабрики мысли и внешнеполитическая повестка современной России	91
<i>В.Н. Ефремова.</i> Экспертные рейтинги как инструменты оценки деятельности глав регионов (на примере рейтингов эффективности губернаторов)	112

КОНТЕКСТ

<i>Л.В. Сморгун.</i> Региональные политологические сообщества в советское время	125
<i>Н.В. Борисова, К.А. Сулимов.</i> Университетское сообщество между глобальностью и локальностью: Вызовы и ответы	138

<i>Л.А. Фадеева, К.А. Пунина.</i> Университет в региональной публичной политике: Российские практики в сравнительной перспективе	150
<i>А.Б. Макаров.</i> Академическая политическая наука на Урале. Обзор результатов важнейших философско-политических исследований Института философии и права УрО РАН	161
<i>В.А. Иноземцева, Е.И. Черненко.</i> Экспертное сообщество Республики Карелия: Опыт участия в публичной политике	175

РАКУРСЫ

<i>Дж. Капано, Л. Верзичелли.</i> Nemo profita in patria: Трудный путь итальянской политической науки к общественному влиянию	184
<i>А.Ю. Беляев.</i> Взаимосвязь между степенью общественного влияния фабрик мысли и политической поляризацией общества (на примере США)	212
<i>О.Ю. Малинова.</i> Кто формирует общественное «лицо» профессии: Сравнительный анализ репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ	225

ОБСУЖДЕНИЯ

«Круглый стол» «Политическая наука в институтах РАН: История, современное состояние, перспективы»	237
---	-----

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>И.А. Фокин.</i> Институциональная инфраструктура политической науки в современной Украине	252
<i>Е.А. Глухова.</i> Практики интеграции экспертного знания в процесс принятия решений в рамках института уполномоченного по правам человека	267

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛЫ

<i>Е.А. Вандышева. Переосмысливая общественное участие: Обзор публикаций в «Журнале публичной политики» за последние пять лет</i>	<i>276</i>
<i>М.А. Соколов. Ежегодный альманах «Публичная политика»</i>	<i>286</i>
<i>Ключевые слова и аннотации</i>	<i>290</i>
<i>Сведения об авторах</i>	<i>305</i>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В этом номере мы представляем читателям различные версии подходов и трактовок темы «Академические и экспертные сообщества в политической науке». Проблематика научных сообществ, важная и интересная для любой науки, для политической науки выглядит особенно актуальной. Полипарадигмальность, многовекторность, междисциплинарность политологического знания делают вопросы о его научном сообществе / сообществах не такими простыми. Как построена сложная сеть или иерархия таких сообществ, какова их внутренняя организация, как они взаимодействуют между собой, публичной сферой, практической политикой, областью теоретического знания? Это лишь часть вопросов, освещаемых нашими авторами на страницах этого номера журнала.

В традиционной рубрике «Состояние дисциплины» мы публикуем три статьи, которые представляют разные способы понимания отношений между социальными науками и обществом, отражающие три наиболее значимых, на наш взгляд, подхода, — условно их можно определить как конструктивистский, классический (мертоновский) и постмертоновский (или «постклассический» — в социологии науки). Анализируя отношения государства и экспертных сообществ, А.С. Макарычев апробирует возможности социального конструктивизма и постструктурализма. В.С. Авдониин явно вдохновляется классическим мертоновским подходом к исследованию науки и научных сообществ. А.Ю. Сунгуров ведет свой анализ, скорее, в русле популярного сегодня постмертоновского, или «постакадемического», подхода в социологии науки, делающего акцент на исследование экспертных сообществ и так называемой «экспертной науки», или «науки модуса 2». Авторы используют

различные аргументы и способы анализа, о состоятельности и убедительности которых судить читателю. В то же время эти статьи как бы задают формат для представления темы номера и в других рубриках.

В рубрике «Идеи и практика» представлены некоторые результаты исследовательского проекта, посвященного роли экспертных сообществ в формировании общественной повестки дня. А.Н. Кулик анализирует возможности влияния публичных интеллектуалов в современной российской политической системе. Определяя повестку дня как перечень проблем, подлежащих обсуждению членами некоего сообщества, он предлагает различать публичную (актуальную с точки зрения общества) и политическую, институциональную (принятую государством) повестку. Д.В. Ефременко рассматривает роль фабрик мысли в обсуждении внешнеполитических проблем. В.Н. Ефремова пытается ответить на вопрос, в какой мере экспертные рейтинги эффективности губернаторов могут рассматриваться в качестве инструмента влияния экспертного знания на политический процесс.

Рубрика «Контекст» в этом номере практически целиком посвящена тематике региональных политологических сообществ. Несмотря на централизацию российской науки, регионы играют в ней все более заметную роль. Л.В. Сморгунев демонстрирует, что предпосылки этого были заложены еще на советском этапе: в статье, публикуемой в рамках подготовки к празднованию 60-летия РАПН / САПН, он рассказывает о региональных отделениях Советской ассоциации политической науки. В статьях известных пермских исследователей Л.А. Фадеевой и К.А. Пуниной, Н.В. Борисовой и К.А. Сулимова в качестве центров таких сообществ рассматриваются университеты. А.Б. Макаров отписывает академическую политическую науку на Урале. В.А. Иноземцева и Е.И. Черненко исследуют экспертный потенциал регионального сообщества политологов в Карелии.

В рубрике «Ракурсы» мы публикуем результаты эмпирических исследований экспертных сообществ. Дж. Капано и Л. Верзичелли анализируют возможности общественного влияния современной политической науки в Италии. А.Ю. Беляев на примере американских фабрик мысли проверяет наличие взаимосвязи между степенью их общественного влияния и политической поляризацией общества.

О.Ю. Малинова попыталась выяснить, кто формирует общественное лицо профессии «политолог» в России, для чего провела контент-анализ годовой подшивки десяти печатных СМИ, сопоставив результаты с РИНЦ.

В рубрике «Обсуждения» мы представляем материалы «круглого стола» «Политическая наука в институтах РАН: история, современное состояние, перспективы», проведенного в рамках традиционной Конференции РАПН в ноябре 2014 г. В нем принимали участие в основном ученые академических институтов. Понятно, что их заботит, прежде всего, состояние академического компонента российской политической науки и академического сообщества. Но эти проблемы, учитывая роль академических ученых в нашей политологии, могут быть интересны и другим читателям.

Рубрика «Первая степень» представлена двумя молодыми исследователями: Е.А. Глуховой (ВШЭ, Санкт-Петербург) и И.А. Фокиным (ИНИОН, Москва). В работе Глуховой описываются практики интеграции экспертного знания в процесс принятия решений на примере института регионального уполномоченного по правам человека. Статья Фокина дает общую панораму структурной организации политической науки в современной Украине. Она ценна богатым эмпирическим материалом, к аналитической обработке которого исследователь делает первый приступ.

В рубрике «Представляем журналы» мы знакомим с двумя изданиями, интересными с точки зрения темы данного номера. Е.А. Вандышева рассказывает о достаточно известном и рейтинговом международном издании «Journal of public policy» («Журнал публичной политики»). Публикации там весьма престижны и высоко оцениваются по международным стандартам качества. Российский ежегодный альманах с почти таким же названием «Публичная политика» (обзор М.А. Соколова) пока только готовится стать собственно журналом и привлечь новый круг читателей.

В.С. Авдонин, О.Ю. Малинова

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБЩЕСТВО

А.С. МАКАРЫЧЕВ ГОСУДАРСТВА, ЭКСПЕРТНЫЕ СООБЩЕСТВА И РЕЖИМЫ ЗНАНИЯ-ВЛАСТИ

Введение

Проблему коммуникации государства и экспертных сообществ, которая является ключевой для данной статьи, можно формулировать с точки зрения соотношения различных типов власти – административно-управленческой и эпистемологической (когнитивной). В академической литературе существуют, по крайней мере, две конкурирующие друг с другом точки зрения на природу этой проблемы. Согласно первой из них, научное знание представляет собой один из инструментов (возможно, важнейший) конструирования коллективных политических субъектов, легитимированный сверху волей суверена, которая выступает необходимым условием социального функционирования знания как такового. Вторая позиция исходит из противоположной исходной точки: профессиональное знание (по крайней мере, достойное такого названия) должно быть рациональной альтернативой «слову суверена» [Медведев, 2014], что лежит в основе не переводимой на русский язык концепции *governmentality*, разработанной Мишелем Фуко. Она описывает практики управления с точки зрения их соответствия рациональному знанию, вырабатываемому, в том числе, и экспертными сообществами [Joseph, 2010, p. 223].

В обоих случаях мы имеем дело с режимами знания-власти, которые отличаются друг от друга не только разным сочетанием этих двух компонентов, но и различной степенью политизации. Скажем, управленческая элита чаще всего является источником деполитизирующих импульсов, в то время как политические смыслы привносятся в пространство принятия решений идеологизированной частью экспертного сообщества.

Настоящую статью я начну с дискуссии о том, как совместимые друг с другом подходы социального конструктивизма и постструктурализма можно использовать для изучения взаимоотношений государства и экспертных сообществ. Я проанализирую аргументы каждой из двух названных выше моделей, в основном применительно к российской ситуации, и остановлюсь как на внутренних функциях различных режимов знания-власти, так и на их внешних проявлениях, в том числе связанных с «мягкой силой».

«Лингвистический поворот» и режимы знания-власти

В литературе часто встречаются попытки бинарного противопоставления государства как носителя управленческой власти и экспертного сообщества как выразителя власти эпистемологической. С точки зрения конструктивизма эта дихотомия смотрится более сложно, поскольку субъектности и государства, и экспертного сообщества формируются в результате той или иной конфигурации дискурсов, имеющих множественные истоки.

Согласно социально-конструктивистскому подходу, государство и экспертные сообщества в процессе постоянной коммуникации взаимно формируют (конституируют) идентичности друг друга, что хорошо отражается в концепте политико-академического комплекса как общего пространства, связывающего воедино государственных служащих (чиновников) и их коллег из научных сфер. Конструктивистская точка зрения предлагает такой взгляд на взаимоотношения между экспертами и лицами, принимающими решения, в центре которого находятся взаимная обусловленность их ролей и взаимозависимость социальных пространств, которые они конструируют. Наиболее важными элементами такого подхода являются дискурсивные и коммуникационные формы властных от-

ношений, связывающие когнитивных акторов, обладающих ресурсом знания, с управленческими элитами. Такой ракурс, с моей точки зрения, помогает в понимании ситуаций, которые можно определить как конкуренцию, или коллизию, различных реальностей, каждая из которых представляет собой социальный конструкт, не столько изначально предназначенный для определенной аудитории, сколько формирующий эту аудиторию, подобно тому, как любой дискурс не столько отражает реальность, сколько конструирует ее, включая коллективных «говорящих субъектов».

Этот подход хорошо дополняется идеей «лингвистического поворота» в изучении политических (в широком смысле слова) процессов, суть которого состоит в понимании того, как дискурсы (речевые акты) через систему коммуникаций формируют социальные конвенции и нормы. По мнению немецких авторов, фундаментальным отличием «языкового поворота» стало признание того, что «ответы на различные претензии на выражение правды нельзя искать в самой природе. Оправдание, фальсификация или подтверждение наших заявлений представляют собой социальные процессы, происходящие в определенном социальном контексте. Если он меняется, то меняется и смысл слов, а вместе с ним и условия, при которых претензии на правду заявляются и обосновываются... Это означает радикальный разрыв с позитивистскими традициями в науке. Правда становится не предметом соотношения между неким заявлением и фактом, на основе чего мы можем тестировать теории в отношении внешней реальности, а вопросом конвенций и консенсуса. Наука, соответственно, это не монолог о разуме и не нейтральное приложение логических законов и статистических закономерностей, а вид языковой игры» [Albert, Kessler, Stetter, 2008, p. 52].

Иными словами, социальные реальности – это «игры в социальные взаимодействия», в ходе которых экспертные сообщества контролируют главный ресурс – «признанное», интеллектуально легитимированное знание. Именно это и является источником «когнитивной власти» как способности определять рамки формирования и восприятия идентичностей и интересов субъектов социальных взаимодействий [Antoniades, 2003, p. 29]. Соответственно, главным предметом изучения в рамках данной парадигмы становятся условия возникновения различных дискурсивных зон и

практик, которые сочетают в себе отношения как конвергенции (притягивания друг к другу) смыслов, так и их дисперсии (рассредоточения, распыления) [Widder, 2004, p. 416]. Этот взгляд кажется плодотворным не только с теоретической точки зрения, но и в практическом плане, при попытке понять конфликтные ситуации, развивающиеся по принципу сталкивающихся друг с другом различных (порой полярно противоположных) реальностей, каждая из которых является социальным конструктом, порождением определенной комбинации разных типов и способов осуществления властных отношений.

Такой подход к описанной проблеме состоит в ее рассмотрении сквозь призму тех концептов, которые не столько разделяют «знание» и «власть» как различные формы социальных пространств, сколько представляют их в неразрывном единстве, как взаимно обуславливаемые сущности. Из этого следует, что отношения между государством и эпистемологическими сообществами приобретают форму режимов власти-знания, которые формируют различные рамки, или «стили политического мышления» [Merlingen, 2006, p. 183]. Два из них в дальнейшем анализе я выделю особо.

Экспертные сообщества и суверенное «тело» нации

Первая модель взаимоотношений между государством (властной элитой) и экспертизой исходит из их инструментального содержания. Ее сторонники видят суть проблемы преимущественно в выработке оптимального формата того продукта, который исследователи-профессионалы могут предложить на политическом рынке [Voeten, 2013], либо в поиске наиболее эффективных форм участия ученых в политике [Точка зрения, 2013].

В России такая утилитарная постановка вопроса часто приводит к мнению о том, что функция экспертов – это разработка государственной идеологии на основе «возрождения исторической памяти» и «понимания исторической цели существования России как цивилизации» [Golubchikov, 2013, p. 109]. В качестве другого отзвука той же логики можно рассматривать предположение о том, что суверенной России необходимы собственные школы в науках о политике и международных отношениях, со своим инструментарием,

проблематикой и тематическим фокусом, свободным от западоцентризма. Понятно, что в основе проектов создания «своих» научных школ лежит неприятие претензий Запада на универсализацию своего партикулярного режима знания-власти. Однако при этом сама попытка построить альтернативу «западной» науке на основании того, что «наши» ученые по своей природе другие (например, не обслуживают интересы своих политических элит), кажется наивной и обреченной на неудачу. В. Тольц справедливо полагает, что если Восток исторически был объектом империалистических устремлений Запада, то из этого едва ли следует, что Восток способен предложить собственную категориальную концептуализацию мира [Тольц, 2012, с. 41–69]. Иными словами, критика Запада вполне возможна на языке самих же западных – генеалогически и содержательно – концепций. Все это имеет прямое отношение к России, режимы знания-власти которой хотят встроиться в антиколониальные дискурсы, в том числе и академические, но при этом не могут предложить содержательную альтернативу западному дискурсу, постоянно оперируя его понятиями.

Пожалуй, главный парадокс первой модели состоит в том, что точка зрения о предназначении исследователей снабжать власть политико-идеологическими аргументами неизбежно наталкивается на расплывчатость дискурсивных границ современного государства, и Россия не является в этом плане исключением. Например, во многих случаях сложно установить, делается то или иное заявление от имени государства, или же оно является мнением эксперта, состоящего на государственной службе, но не представляющего государство. Под воздействием большого числа факторов, так или иначе связанных с глобализацией, современное государство децентрируется и регулярно освобождает себя от тех функций, которые могут быть более эффективно использованы квази- либо окологосударственными институтами. Хорошим примером в этом плане являются немецкие партийные фонды, использующие для своей деятельности по всему миру государственные деньги, но имеющие большую свободу рук при определении формата и приоритетов своей работы. В наиболее радикальном варианте мысль о расплывчатости границ трансформируется в представление о государстве как о «дискурсивном симулякре, знаке без референта» [Selby, 2007, p. 329].

Для нашего анализа это означает, что государство не столько производит политически значимые смыслы, сколько их присваивает и управляет ими. Швейцарский исследователь Филипп Казула [Casula, 2013] уловил важную отличительную особенность нынешнего российского режима: национальный лидер – это фигура, парадоксальным образом стоящая вне политики, т.е. не нуждающаяся в рутинных публичных процедурах для регулярного подтверждения своей легитимности, включая, например, участие в полноценных политических дебатах. Путин, по версии Ф. Казулы, – это «пустой означающий», т.е. символ, не привязанный к определенному смыслу. С одной стороны, он понимает, что демократический дискурс – это способ «пристегивания» России к Западному ядру современного мирового порядка. Но, с другой стороны, эта кажущаяся универсальность тут же подрывается тезисом о том, что каждая демократия специфична и не нуждается во внешней легитимации, что приводит к наполнению «пустого означающего» консервативно-националистическими идеями. Соответственно, В. Путина нет смысла обвинять в непоследовательности или отсутствии сущности – это не только его сознательная линия, но и источник его власти, поскольку она дает ему возможность ситуативно определять политическую грань, отделяющую легитимное от нелегитимного, «свое» от «чужого». Все ключевые концепты, используемые Кремлем – «фашисты», «Европа», «русский мир», «евразийская цивилизация» и пр., – являются дискурсивными конструктами, которыми Кремль манипулирует при проведении своей политики.

Такая подвижность политической семантики вызывает у многих исследователей ассоциации с пустотой как с онтологической категорией, описывающей российское бытие как лишенное центра, т.е. консенсуально понимаемых смыслов, более или менее устойчивых идентичностей, норм и ценностей [Gunter, 2013, p. 105]. Многие авторы ставят под сомнение укорененность любых идеологических форм в сегодняшней России. На примере того, что Кремль и привлекает националистов для поддержки своих проектов, и одновременно подавляет национализм, Люк Марч делает вывод о том, что у правящего режима нет устойчивой идеологии. Перед лицом идеологических вызовов Кремль часто занимает «глубоко административную позицию» [March, 2012, p. 402].

Идеология для него – это один из способов легитимации отношений власти. Причем эта идеология – парадоксальным образом – постполитична в том смысле, что она базируется на артикуляции своих позиций как самоочевидных, естественных и не требующих доказательств. Любопытно в этом контексте смотреть ссылки Л. Марча на Карла Шмитта [см.: March, 2012, p. 409]: их можно понять в том смысле, что глубокие акценты на фигурах «врагов России» в путинском дискурсе объясняются не столько политизацией этого дискурса, сколько, наоборот, – желанием создать для него комфортные постполитические ниши, в которых он не вступал бы в прямое столкновение со своими оппонентами. В этой логике за государством закрепляется некая «надполитическая» роль, основанная на убеждении в том, что единственным легитимирующим основанием политики является не рациональность решений, а эмоционально поддерживающее ее большинство [Larson, Shevchenko, 2014, p. 269–279].

Элементом, подчеркивающим зависимость официального дискурса от изначально внешних по отношению к государству публичных нарративов, стала феноменальная популярность в российской политической элите теорий заговора. Окультизм и конспирологическая литература стала нормой в российских книжных магазинах. Конечно, «темные тайные силы» существуют в массовом общественном сознании и на Западе, но они редко интегрируются в доминирующий дискурс, оставаясь на его обочине и принимая скорее протестную форму [Raikka, 2009, p. 185–201]. В России же конспирология стала частью гегемонистского, т.е. доминирующего в официальных кругах, дискурса, который внутри себя порождает огромное количество того, что я бы назвал трэш-дискурсами. Их сложно классифицировать по относительно устоявшимся в науке критериям, поскольку они представляют собой смесь воображения, иррациональности и имперского мессианства [Шнирельман, 2012, с. 107].

Многие из «заговорщических» идеологем придуманы не в Кремле, а за его пределами, и их достаточно сложно типологизировать, на что указывает немецкий исследователь Андрэас Умланд: например, для него Александр Дугин – и «правый грамшист», и консерватор, и фашист [Умланд, 2012, с. 401–407]. А. Умланд верно подметил метаполитическое начало в той социальной функции,

которую выполняет этот персонаж. Если понимать метаполитику в категориях Жака Рансьера и Славоя Жижека, то мы увидим здесь любопытный парадокс: А. Дугин, являющий собой один из ярчайших примеров подавления академического дискурса политико-идеологическим, подспудно тяготится этим политическим обременением. Соответственно, он пытается перевести свой дискурс в сферу неких консенсусно принимаемых «истин», базирующихся на категориях, якобы не нуждающихся в обсуждении. С моей точки зрения, эта тенденция характерна отнюдь не только для А. Дугина – метаполитическим (в более широком смысле – постполитическим) становится весь гегемонистский дискурс Кремля: он претендует не на победу аргументов в их публичном состязании, а на технологию вертикального навязывания идеологием, не признающих себе альтернативы. Этот «псевдореализм» в качестве своего эффекта порождает типичные идеологемы, преимущественно имперские [Laruelle, 2012], чем активно пользуется государство.

При этом для их производителей и потребителей совершенно не важно, верны ли их основания аналитически. Но одно дело, когда теории заговора воспроизводятся в публицистике или художественной литературе, и совсем другое – когда ими засоряется академический дискурс. Именно низкий профессионализм политологической среды позволяет многим фантазиям мимикрировать под научные рассуждения гиперреалистического типа [Heathershaw, 2012, p. 627].

Governmentality и политическая рациональность

Вторая модель базируется на описании функций аналитиков как производителей особого типа дискурса, не тождественного дискурсу суверенной власти, и уходит корнями в концепцию *governmentality*, получившую широкую известность благодаря работам Мишеля Фуко. По словам одного из последователей французского философа, *governmentality* как совокупность рациональных программ, технологий и стилей мышления «выводит свои принципы из природы управляемого объекта, а не из интересов суверенного правителя или из религиозного порядка, освященных традициями» [Merlingen, 2006, p. 182]. Иными словами, существует

принципиальная разница между двумя типами властных отношений: суверенная власть, стремясь к централизации и унификации, действует посредством юридических запретов и применения силы, в то время как модель *governmentality* функционирует вне логики консенсуса и без использования насилия.

Но конфигурации, складывающиеся между этими видами власти, всегда ситуативны, и вполне реальны расклады, при которых суверенная власть либо совпадает по своим управленческим параметрам с *governmentality*, либо активно и сознательно использует ее в качестве ключевого стратегического ресурса. Однако такие варианты возможны лишь при условии того, что сама суверенная власть осознает необходимость внутренних трансформаций и не претендует на то, чтобы оставаться монопольным центром политических и управленческих практик. Пожалуй, наиболее удачным примером в этом плане является Европейский союз, который сознательно предпочитает строить свою внутреннюю и международную субъектность не через импульсы и инициативы, генерируемые «сверху» суверенной властью, а через сложную систему рациональных правил и институтов, в основе которых лежат доминирующие представления об эффективности и соответствующих нормах. Именно академическим сообществам принадлежит важнейшая роль в легитимации представлений о нормах, вне контекста которых модель *governmentality* будет попросту дисфункциональна. Будучи социальными конструктами, нормы для их имплементации требуют консенсусного понимания, что отражает, в частности, получившая широкую известность далеко за пределами научных кругов характеристика ЕС как «нормативной силы», данная датским профессором Ианном Маннерсом. В этом контексте важно понимать, что за каждой европейской нормой, как правило, стоит не воля суверена (которому ЕС давно уже, следуя известной метафоре Мишеля Фуко, «отрубил голову») и, тем более, не ссылки на религиозные традиции, а рационально просчитываемые управленческие варианты. Можно, допустим, сослаться на дискуссии вокруг таких нормативно плотных концептов, как безопасность, изменение климата, либерализация или прозрачность (особенно на энергетических рынках ЕС): ведущими голосами в публичных дебатах и, соответственно, акторами *governmentality* являются признанные эксперты в соответствующих сферах. Это делает ЕС «пост-

политическим» субъектом, отдающим предпочтение технократическим (управленческим, проектно-ориентированным) решениям перед сугубо политическими. Именно в этом следует искать корни модели «игры с положительной суммой», известной в английском языке как *win-win situations: governmentality* в данном случае выступает как инклюзивная технология горизонтального вовлечения партнеров в общий нормативный порядок через передачу знаний, трансфер успешных практик и лучшего опыта – т.е. все то, что отрицается радикальными сторонниками идей цивилизационного, экономического или политического суверенитета России.

При этом в ситуациях, когда суверенитет из юридического регистра возводится в ранг главенствующего политического принципа и мерила качества властных отношений, *governmentality* превращается в один из противовесов – и даже конкурентов – такому волонтаризму суверенной власти. Такая ситуация предполагает разграничение между «политическим» (сферой принятия решений, основанных на групповых интересах или на субъективной политической воле) и «объективным» (знанием о том, какова цена этих решений и их долгосрочные социальные и финансовые эффекты) [Edkins, 2005, p. 68]. В российском контексте следы столкновения двух логик – суверенной власти и *governmentality* – можно найти в дискуссиях об управленческих последствиях присоединения Крыма для регионов РФ [Зубаревич, 2014], проведения спортивных мегасобытий при их гигантских бюджетах [Немцов и Мартынов, 2013] или реализации под эгидой государства глобальных энергетических проектов [Крутихин, 2014].

Другим вариантом описания глубинного отличия между суверенной властью и *governmentality* может быть разделение на нормативные и аналитические рамки принятия решений, что тоже имеет прямое приложение для анализа ситуации в России. Нормативные рамки, которыми активно пользуется суверенная власть, предполагают обсуждение того или иного общественно значимого вопроса на морально-эмоциональном уровне с неопределимым определением правильных и ложных линий поведения. Аналитические же рамки опираются, прежде всего, на рациональность и причинно-следственные факторы [Rothman, 2011, p. 54]. Не сложно увидеть, что в России нормативно-эмоциональные дискурсы преоблада-

ют над рационально-аналитическими, что практически не оставляет оперативного простора для реализации модели governmentality.

«Мягкая сила» дискурсов?

Исходя из сказанного выше, можно прийти к нескольким соображениям о том, как режимы знания-власти дают различные эффекты с точки зрения системы внешних связей государства, представляющих собой ту сферу, на которой хорошо видны эффекты двух моделей и стоящих за ними логик. Исходя из разграничения двух представленных выше моделей, можно утверждать, что существуют, соответственно, два разных инструментария, с помощью которых реализуются коммуникации с внешней средой, включая «мягкую силу» как один из ключевых концептов в этой сфере. Часто разговоры о «мягкой силе» России в мире сводятся к простому перечислению культурных достижений как к самодостаточному аргументу, доказывающему претензии страны на привлекательность и влияние. Однако «мягкая сила» имеет глубоко дискурсивную природу и в значительной мере опирается не только на действия, предпринимаемые государством, но и на обмен посланиями внутри профессиональных экспертных сообществ различных стран [Lane, 2014]. Исходя из сказанного выше, можно выделить две различные «модели мягкой» силы применительно к России.

Первая модель предполагает взаимодействие с теми международными партнерами, которые разделяют набор основных догматов, при помощи которых Россия описывает свою суверенную внешнеполитическую философию. Несмотря на засоренность российского режима знания-власти конспирологическими идеологиями, возникшими за пределами государства и адаптированными им, российский гегемонистский дискурс тем не менее содержит в себе определенный коммуникационный потенциал, который может быть использован как компонент «мягкой силы».

Наибольшие шансы встретить понимание и даже симпатию в некоторых кругах стран Запада может иметь российская версия реализма, заметно активизировавшаяся во внутрироссийских дебатах в последние годы. Так, одна из ключевых фигур американского неореализма Джон Мершхаймер полагает, что в нынешнем кризисе

в Украине в значительной мере виноваты Соединенные Штаты, пошедшие по пути поддержки либеральных иллюзий о продвижении демократии в зоне российского влияния [Mearsheimer, 2014]. Его коллеги-реалисты – например, Дмитрий Саймс – строят свою аргументацию именно на основе реалистической рациональности во взаимоотношениях с Россией. В соответствии с рецептами внешнеполитического реализма Д. Саймс пишет, что «наш наиболее адекватный ответ России должен состоять в том, чтобы убедить ее выбрать самоограничение и, по возможности, сотрудничество» [Simes, 2014, p. 9]. С точки зрения Д. Саймса, обязательства перед союзниками предполагают, что США не должны подвергать их избыточной опасности и создавать ситуации, при которых Россия захочет показать силу и тем самым фактически поставит Америку перед дилеммой – война или унижение. Одна из проблем американской политики состоит, по его мнению, в том, что дискуссии о России оказались излишне персонифицированы концентрацией внимания на фигуре В. Путина и на его внутренней политике. Д. Саймс согласен с тем, что президент России действительно дает много поводов относиться к себе критически, а его постоянные отступления от демократических стандартов управления внутри страны достойны осуждения. Однако в итоге внешняя политика Б. Обамы оказалась под властью моральных аргументов, в результате чего само понимание интересов России стало нерелевантным, поскольку эти интересы связывались с режимом, обладающим сомнительной репутацией и легитимностью. Морализм Вашингтона выражался и в том, что он взял на себя и своих союзников функцию репрезентации «международного (со) общества», что облегчалось отсутствием в мире (гео) политического противовеса Западу. Это привело, по мнению Д. Саймса, к тому, что первый случай насильственного отторжения части территории европейского государства состоялся в Косове, и именно под влиянием морально-этических соображений. Аннексия Россией Крыма была лишь отражением этого прецедента. Этот тезис, часто используемый Кремлем в свое оправдание, можно трактовать и как указание на имитационный и реактивный характер внешней политики России, сводящейся к подражанию Америке. Однако Д. Саймс не видит в сложившейся ситуации ничего нового: следуя традициям реализма, он полагает, что в мире мало что изменилось за последние столе-

тия, и в подтверждение этого активно использует исторические аналогии: попытки изоляции крупной державы всегда приводили к новым альянсам и реконфигурации сил.

Такая позиция показывает, насколько близки друг другу аргументы Кремля и американских реалистов-консерваторов. Это касается тезисов об искусственной природе Украины как государства, нелегитимном характере смены власти в Киеве, неспособности санкций оказать эффект на поведение Кремля, негативной оценки роли М. Саакашвили на посту президента Грузии и пр. В том же русле Пол Старобин [Starobin, 2014, p. 21–29] считает, что США должны прекратить тешить себя иллюзиями, регулярно предсказывая скорый упадок России. Многие в Кремле согласились бы с ним в том, что отношение к России должно быть делом не эстетического вкуса, а холодного расчета. Из такой логики следует, что для этого надо перестать представлять Россию как страну, принципиально несовместимую с западными подходами к политике. Россия, безусловно, является для США соперником, однако не выходящим за пределы западного опыта конфликтного, но управляемого взаимодействия с державами, оспаривающими западную гегемонию.

Отказывая России в захватнических планах, Якуб Григель и Весс Митчел [Grygel, Mitchell, 2014, p. 37–44] считают, что своими действиями в Украине В. Путин просто хотел проверить систему безопасности, сконструированную США. Это, безусловно, недружеские, но по-своему объяснимые действия, требующие для своего понимания опыта управления рисками и реакциями на угрозы времен «холодной войны». Еще один американский реалист, Николас Гвоздев [Gvosdev, 2014, p. 14–26], предлагает пойти на прагматичный компромисс с Кремлем через «нейтрализацию» украинского вопроса. Он воспроизводит многие кремлевские аргументы о геополитической и экономической значимости Украины для России, но при этом намекает фактически на возможность раздела не только сфер влияния, но и самой Украины.

Возможность Кремля найти общий язык и выстроить систему коммуникации с некоторыми силами в странах Запада усиливается регулярно дающей о себе знать нормативной зависимостью России от Запада, что заставляет Москву разрабатывать свою систему политических посланий, адресованную западным странам, – в частности, через Валдайский или Селигерский клубные форматы

[Мийссен, 2012, р. 132–157]. Евроцентричность значительной части политической элиты России отмечает, например, Дмитрий Шляпентох [Shlapentokh, 2014]: для него отрицание рядом консервативных фигур, приближенных к Кремлю, привлекательности европейских ценностей балансируется перманентным тяготением России к Европе как к потенциальной стратегической союзнице. Даже уже упоминавшийся А. Дугин эпистемологически зависим от западных концепций, и разорвать эту связь не в силах даже самая жесткая националистическая риторика. Альянс Кремля с европейскими правыми – та часть евразийского проекта А. Дугина, которая оказалась в настоящее время политически востребованной и реализуемой на практике.

Таким образом, российский гегемонистский дискурс и производная от него «мягкая сила» встраиваются в структуры международной анархии, идентифицируемые реализмом как ключевая характеристика международных отношений. В этом контексте знание и понимание тех дискурсов, с помощью которых Россия описывает свои «ролевые идентичности» – от «общего европейского дома» до «консервативного поворота», – помогает восстановить как линии преемственности, так и точки разрыва между ними. Структура российского внешнеполитического дискурса показывает, что некоторые из аргументов Кремля вполне могут найти аналоги в западных академических кругах, что вносит дополнительную интригу в дискурсивное противостояние России и Запада, свидетелями которого мы сейчас являемся.

Что касается *второй модели* «мягкой силы», основанной на модели *governmentality*, то она строится на совершенно другой логике, а именно на возможности управления на расстоянии процессами, протекающими в странах – объектах «мягкой силы». В этом смысле *governmentality* – как способ трансграничного трансфера знаний и управленческих технологий – является неотъемлемой частью механизмов глобализации и, более конкретно, «глобального управления» [Weidner, 2009, р. 390]. Принципиальным при этом остается ключевое положение Мишеля Фуко о том, что стратегическая цель *governmentality* – расширение спектра возможностей вовлеченных в нее социальных и профессиональных акторов, а значит – расширение пространства свободы. Именно «мягкие» технологии корректирующего воздействия на страны-объекты – в

виде системы стимулов, создания совместных информационных и аналитических площадок, применения рейтинговых приемов и т.д. — делают governmentality эффективным способом содействия развитию на основе определенного нормативного порядка. Как уже говорилось, именно так действует ЕС, в том числе в рамках программы «Восточное партнерство», реализуя — при самом активном участии европейских эпистемологических сообществ — модель либеральной «нормативной силы».

Соответственно, специфика governmentality как формы мягкой силы состоит в создании условий не для геополитического доминирования посредством навязывания определенного способа действий, а для возможности сделать рациональный выбор в максимально свободных для этого условиях и нести за этот выбор ответственность. Как и любой тип «мягкой силы», governmentality — через передачу экспертного знания, разработку стандартов и механизмов оценки проектов, индикаторов развития и пр. — прежде всего формирует и инвестирует в среду, в рамках которой могли быть реализованы либеральные принципы «надлежащего управления» (good governance) [Joseph, 2009, p. 416].

Заключение

Исходя из упомянутого в начале статьи «лингвистического поворота», можно резюмировать, что смысл взаимодействия государства и эпистемологических сообществ состоит в возникновении «гетерогенных дискурсивных зон» [Widder, 2004, p. 416], в которых формируются политические и управленческие практики и модальности власти. Роль мозговых центров и научно-аналитических институтов при этом состоит в выработке повестки дня и в контроле за ней [Gallarotti, 2011, p. 29]. Иными словами, экспертиза в качестве своей основной функции производит «дискурсивные структуры легитимации» [O'Mahony, 2010, p. 65] определенного нормативного порядка, либерального или консервативного.

При этом было бы значительным упрощением сводить роль тех или иных школ внутри политико-академического комплекса к обслуживанию меняющихся идеологических потребностей элитных групп [Shakleyina, Bogaturov, 2004, p. 38]. Их система идейных

предпочтений может меняться в течение одного политического цикла от неолиберальной стратегии встраивания в глобально доминирующие структуры до атаки на них с консервативных антизападных позиций, в чем можно найти подтверждение обозначенной выше гипотезе о государстве как институте, который присваивает и управляет когнитивными и эпистемологическими ресурсами (идеями, концепциями, стратегиями), но не производит их.

Возвращаясь к исходным теоретическим положениям моего анализа, можно утверждать, что для обеих моделей коммуникации между «знанием» и «властью» ключевым компонентом является социальное конструирование признания и легитимации экспертного знания в процессе сложных взаимодействий между ними [Cross, 2013, p. 159]. В первом случае объектом легитимации становятся идеологемы, которые циркулируют на рынке политических идей и которые можно использовать для строительства «мостов» с академическими сообществами других стран, придерживающихся аналогичных или схожих позиций. Во втором случае легитимируются технические нормы и управленческие практики, не лишенные нормативного фундамента, но переносящие акцент на постполитические компоненты властных отношений. Это – две параллельные реальности, которые многое объясняют в неспособности России и Европы говорить на одном языке.

Список литературы

- Зубаревич Н.* Четыре России отменяются // Новая газета. – М., 2014. – 20 декабря. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/66622.html> (Дата посещения: 15.04.2015.)
- Крутихин М.* Газпром – не коммерческая организация, а инструмент политики // Новая газета. – М., 2014. – 8 октября. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/economy/65619.html> (Дата посещения: 15.04.2015.)
- Медведев С.* Слово суверена: почему для понимания Путина нужен немецкий философ // Forbes. – М., 2014. – 15 мая. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/257241-slovo-suverena-pochemu-dlya-ponimaniya-putina-nuzhen-nemetskii-filoso> (Дата посещения: 15.04.2015.)
- Немцов Б., Мартынов Л.* Зимняя Олимпиада в субтропиках. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.putin-itogi.ru/zimnyaya-olimpiada-v-subtropikakh/> (Дата посещения: 15.04.2015.)

- Тольц В.* Петербургское востоковедение начала XX века и критика европейской науки о Востоке // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – М., 2012. – № 2. – С. 41–69.
- Точка зрения: Участие ученых в политике // Постнаука. – М., 2013. – 29 августа. – Режим доступа: <http://postnauka.ru/talks/16221> (Дата посещения: 15.04.2015.)
- Умланд А.* «Евразийские» проекты Путина и Дугина – сходства и различия: об истоках и роли правоэкстремистского интеллектуализма в неавторитарной России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – М., 2012. – № 2. – С. 401–407.
- Шницерльман В.* Хазария, Апокалипсис и «Мировая Закулиса»: как преподавательница французского бросила вызов Западу // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – М., 2012. – № 2. – С. 100–110.
- Casula Ph.* Sovereign democracy, populism, and depoliticization in Russia. Power and discourse during Putin's first presidency // Problems of post-Communism. – Washington, D.C., 2013. – Vol. 60, N 3. – P. 3–15.
- Cross M.K.D.* Rethinking epistemic communities twenty years later // Review of international studies. – Kent, 2013. – Vol. 39, N 1. – P. 137–160.
- Edkins J.* Ethics and practices of engagements: Intellectuals as experts // International relations. – N.Y., 2005. – Vol. 19, N 1. – P. 64–69.
- Gallaroti G.* Soft power: what it is, why it's important, and the conditions of its effective use // Journal of political power. – Abingdon, Oxfordshire, 2011. – Vol. 4, N 1. – P. 25–47.
- Golubchikov M.* Literature and the Russian cultural code at the beginning of the 21 st century // Journal of Eurasian studies. – Oxford, 2013. – N 4. – P. 107–113.
- Grygel J., Mitchell W.* Limited war is back // The national interest. – N.Y., 2014. – September – October. – P. 37–44.
- Gunter H.* Post-Soviet emptiness (Vladimir Makanin and Viktor Pelevin) // Journal of Eurasian studies. – Oxford, 2013. – N 4. – P. 100–106.
- Gvosdev N.* Ukraine's ancient hatred // The national interest. – N.Y., 2014. – July – August. – P. 16–24.
- Heathershaw J.* Of national fathers and Russian elder brothers: Conspiracy theories and political ideas in post-Soviet Central Asia // The Russian review. – N.Y., 2012. – N 71, October. – P. 610–629.
- Joseph J.* Governmentality of what? Populations, states and international organizations // Global society. – Abingdon, Oxfordshire, 2009. – Vol. 23, N 4. – P. 413–427.
- Joseph J.* The limits of governmentality: social theory and the international // European journal of international relations. – L., 2010. – Vol. 16, N 2. – P. 223–246.
- Larson D.W., Shevchenko A.* Russia says no: Power, status, and emotions in foreign policy // Communist and post-Communist studies. – Oxford, 2014. – Vol. 47, Iss. 3–4. – P. 269–279.
- Lane D.* Soft power, dark power, and academic cooperation // Дискуссионный Валдайский Клуб. – 2014. – 10 November. – Mode of access: http://valdaiclub.com/russia_and_the_world/73844.html (Дата посещения: 15.04.2015.)

- Laruelle M.* Conspiracy and alternate history in Russia: A nationalist equation for success? // *The Russian review*. – N.Y., 2012. – N 71. – P. 565–580.
- March L.* Nationalism for export? The domestic and foreign-policy implications of the new 'Russian idea' // *Europe-Asia studies*. – L., 2012. – Vol. 64, N 3. – P. 401–425.
- Mearsheimer J.* Why the Ukraine crisis is the West's fault // *Foreign affairs*. – N.Y., 2014. – September – October. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (Дата посещения: 27.05.2015.)
- Merlingen M.* Foucault and world politics: Promises and challenges of extending governmentality theory to the European and beyond // *Millenium: Journal of international studies*. – L., 2006. – Vol. 36, N 1. – P. 181–196.
- O'Mahony P.* Habermas and communicative power // *Journal of power*. – Abingdon, 2010. – Vol. 3, N 1. – P. 53–73.
- Raikka J.* On political conspiracy theories // *The journal of political philosophy*. – Oxford, 2009. – Vol. 17, N 2. – P. 185–201.
- Simes D.* Reawakening an Empire // *The national interest*. – N.Y., 2014. – July – August. – P. 5–15.
- Shakleyina T., Bogaturov A.* The Russian realist school of international relations // *Communist and post-Communist studies*. – Oxford, 2004. – N 37. – P. 37–51.
- Shlapentokh D.* The great friendship: Geopolitical fantasies about the Russia / Europe alliance in the early Putin era, (2000–2008) – The case of Alexander Dugin // *Debate: Journal of contemporary Central and Eastern Europe*. – L., 2014. – Vol. 21, N 1. – P. 49–79.
- Starobin P.* The eternal collapse of Russia // *The national interest*. – N.Y., 2014. – September – October. – P. 21–29.
- Voeten E.* What do policymakers want from academics // *The Washington Post*. – Washington, D.C., 2013. – 25 September. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2013/09/25/what-do-policymakers-want-from-academics/> (Дата посещения: 15.04.2015.)
- Weidner J.* Governmentality, capitalism, and subjectivity // *Global society*. – Abingdon, Oxfordshire, 2009. – Vol. 23, N 4. – P. 387–411.
- Widde N.* Foucault and power revisited // *European journal of political theory*. – Thousand Oaks, Calif., 2004. – N 3–4. – P. 411–432.

В.С. АВДОНИН

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В ИНСТИТУТАХ РАН:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
И НАУКОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ¹**

Советская, а позже российская политическая наука с момента своего становления была самым тесным образом связана с академическими институтами. Здесь работали многие ее создатели, формировались исследовательские программы, начинало складываться научное сообщество, возникала и собственно институционализация. Об этом говорится в целом ряде публикаций историко-научного, мемуарного и науковедческого характера [Воробьев, 2004 а; Пляйс 2007; Черкасов, 2000 и др.], где академический исток политологии в современной России раскрыт весьма убедительно и достаточно подробно. Сложнее дело обстоит с объяснительными компонентами, относящимися к проблематике последующего развития политической науки в России. Как правило, в работах на эти темы в целом констатируется восходящий тренд ее развития, особенно в рамках ряда субдисциплин, а также отмечаются различные проблемы интерналистского и экстерналистского характера [Воробьев, 2004 б; Ильин, 1999; Шестопап, 1999; Патрушев, 2004; Пляйс, 2002; Политическая наука в современной России... 2004; Политическая наука в России... 2006; 2008 и др.]. При этом тема академической доминанты и роли академических институтов в развитии политической науки, столь важная на этапе становления,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00808 «Политическая наука в институтах РАН».

если и не исчезает совсем, то начинает звучать приглушенно¹. Значит ли это, что академическая составляющая в этом развитии ослабевает? С чем это может быть связано? Какое влияние это может оказать на экспертные возможности политической науки в России в перспективе? Эти и другие подобные вопросы, на наш взгляд, актуальны сегодня, а ответы на них пока не очевидны – особенно если учитывать проблемный контекст, созданный институциональной реформой академической науки, проводящейся властью в последние годы.

В данном материале мы намерены уделить внимание следующим сюжетам. Во-первых, отметить основные вехи процесса академической институционализации политической науки в постсоветский период; во-вторых, рассмотреть формальную структуру этой институционализации, представленную в институтах РАН в настоящее время; в-третьих, охарактеризовать особенности этой институциональной организации в аспекте влияния на институционализацию отечественной политической науки, в том числе на научное обеспечение ее экспертных возможностей. При этом не ставится задача подробного историографического исследования процесса ее становления или описания текущего состояния в жанре справочного пособия или эмпирического исследования в духе социологии науки. В анализе этой проблематики предполагается использовать в основном методы институционального рассмотрения форм организации науки, а также количественные методы наукометрии, в отдельных случаях обращаясь к методам исторического и тематического обзора.

Проблемы институционализации политической науки в Академии наук в постсоветский период

Советская модель институционализации науки через государственную Академию наук в современных исследованиях рассматривается неоднозначно. По ней высказываются как критические [Хромов, 2002; Мейсен, 1990; Белановский, 2005], так и

¹ Понятия «академический», «академическая наука» и др. применяются в данной статье в значении, прежде всего, относящемся к Академии наук и институтам Академии наук. Это связано с российским контекстом, в котором все чаще, особенно в ходе дискуссий о реформах отечественной науки, используются различия: «академическая наука», «вузовская наука», «экспертная наука» («экспертное знание») и т.д.

противоположные им суждения¹. С нашей точки зрения, важно подчеркнуть, что при всех недостатках она строилась с учетом ряда важных черт академизма, выделяемых как в историко-научной литературе [Пономарева, 1999], так и в литературе классической мертоновской традиции социологии науки [Merton, 1972; Merton, 1977; Storer, 1966; The Cambridge history of science, 2003; Парсонс, 2002; Мирская, 2005; Мотрошилова, 2010; Философия науки, 2010; Социология науки, 2010]. Прежде всего, это конституирующая и координирующая роль академий в развитии науки, обеспеченная адекватным природе самой науки авторитетом академического знания; более рельефно выраженные в академии признаки науки как таковой: автономия и этос науки, престиж научной профессии, фундаментальность и строгость академического знания и др.

Несмотря на серьезные проблемы, конфликты и даже трагические эксцессы (репрессии против ученых, разгром ряда научных школ, направлений и др.), академическая модель организации науки сохранялась в СССР длительное время и демонстрировала заметные на мировом фоне успехи советской науки. За академической наукой были закреплены в основном функции фундаментальных исследований, координирующие и направляющие функции в науке, она отличалась и большей автономией и свободой поиска на переднем крае исследований, связями с мировой наукой, обладала рядом статусных привилегий.

Академическая модель после ряда экспериментов в целом была распространена и на общественные науки, хотя здесь имела своя специфика, связанная, прежде всего, с идеологической природой советского политического режима. Общественные науки жестче контролировались идеологически и были теснее интегрированы с партийным идеологическим аппаратом. Но академическая модель организации науки находила проявление и здесь, создавая определенные возможности для автономии исследований и свободы научного поиска. В ряде исследований о послесталинском развитии советских социальных наук предложена концепция о формировании в них своего рода двухуровневой структуры научной рациональности: ритуального и догматизированного уровня в теории

¹ Дискуссии вокруг Академии наук неоднократно возникали и до реформы РАН. См., например, дискуссию в журнале «Отечественные записки» в 2002 г. [Хромов, 2002], на сайте Polit.ru в 2005 г. [Лейбин, 2005] и др.

и относительно автономного и свободного поиска на уровне эмпирических исследований конкретных проблем [Brie, 1997]. В первую очередь это было характерно для социальных наук в Академии. Хорошо известны примеры из истории советской социологии, философии, права, науки международных отношений и др., когда академические исследования конкретных и даже фундаментальных проблем вступали в конфликт с догмами официальной идеологии, что влекло санкции против ученых и порождало фронду официальному обществоведению в недрах Академии наук [Черкасов, 2004; Davydova, 1997; Галкин, Патрушев, 2000 и др.].

Формировавшаяся в академических институтах советская политическая наука в полной мере отличалась этими чертами, поскольку выступала в качестве альтернативы политическому учению официального марксизма-ленинизма. Ее становление шло постепенно и получило активное развитие только в условиях перестроечных реформ, когда она сама стала выступать интеллектуальным ресурсом реформаторов [Политические институты и процессы, 1986]. Включение общественных наук Академии в перестроечный курс было очевидным и составляло его важный ресурс [Лаптев, 2001; Медведев, 2010].

Академические экономисты, правоведы, социологи и представители только возникавшей политической науки, несомненно, внесли определенный вклад в формирование курса реформ в этот период. Его неудача, провал перестройки, закончившейся кризисом и развалом советской системы, требуют отдельного разговора и выходят за пределы данной статьи.

Кризис в науке после распада СССР обычно связывают с кризисом государственного финансирования. Несомненно, этот аспект имел огромное значение и для науки в целом, и для академической науки в особенности, так как поставил ее на грань выживания [Мирская, 2000; Лесков, 2001]. Но кризис имел и другие аспекты и не сводился только к сокращению финансирования. Он затрагивал и сложившуюся модель академической организации науки. Для нового политического режима Академия наук теряла значение в качестве традиционного ключевого звена организации науки по целому ряду причин. Это были как стратегические причины, вытекающие из общей концепции рыночных реформ, предполагавшей усиление рыночного регулирования, в том числе и в

области управления наукой, так и различные ситуативные факторы экономического, политического и даже персонального характера. Среди последних можно, например, отметить такое обстоятельство, как выбор после некоторого колебания Ельциным новой команды реформаторов и экспертов, которая, в отличие от предшествующей группы, действовавшей при Горбачёве, была значительно меньше связана с Академией наук. Радикальный курс рыночных реформ встречал критику в лице ведущих академических ученых-экономистов (академики Абалкин, Львов и др.), что усиливало отчуждение между властью и Академией наук. В целом обществоведческая часть Академии скорее оппонировала проводимому реформаторскому курсу, не поддерживая, прежде всего, его радикальный характер и критикуя экономические и политические просчеты, что стимулировало власть к поиску альтернативных способов экспертизы политических решений.

Для политической науки, которая формировалась в академических институтах, эта ситуация была в целом неблагоприятной. Разумеется, на нее разрушительно действовал финансовый кризис в Академии. Но также положение осложняло и нарушение коммуникации с властными структурами в плане востребованности политологической экспертизы. Это происходило в условиях, когда неопределенность и проблемы в практической политике нарастали, а спрос на политическую информацию и ее анализ был очень велик. Но он удовлетворялся большим количеством разнородных и ситуативно ориентированных экспертов, среди которых представители академических институтов занимали далеко не главное место [Социальные исследования в России, 1998; Политическая наука в России... 2008]. В условиях высокой политической динамики и приоритета ситуативных, текущих оценок формировались секторы неакадемической политической аналитики и вузовской политологии.

Столкнувшись с этими проблемами, политическая наука, формировавшаяся в Академии, перенесла центр тяжести на более свойственные академизму задачи: исследование долговременных тенденций политической трансформации, анализ проблем теории и методологии политических исследований, знакомство с мировой политической наукой и зарубежным опытом, презентация классики политической мысли. Акцент на эти тематические направления был замечен в работе академических институтов в области политической науки в 90-е годы [Ильин, 1999; Отечественная политология...

2001; Политические институты... 2001; Казанцев, 2001 и др.]. И хотя он не решал проблем востребованности академической политической науки и не способствовал институционализации в ней развитого поля политического консалтинга, все же позволил преодолеть к концу 90-х наиболее острую фазу кризиса.

Часто здесь указывают на то, что социальные науки в Академии, в том числе и политическая, смогла найти дополнительный источник поддержки в виде зарубежных грантов [Социальные исследования в России, 1998; Политическая наука в России... 2008]. И это действительно так, поскольку она имела более тесные связи с мировой наукой, и это дало определенные преимущества в соискании грантов. Но тут важно отметить и особенность этой грантовой поддержки. В отличие от проектов вне Академии, тематика которых в большей мере зависела от грантодателей, проекты ученых академических институтов, как правило, были ориентированы на интересы самих исследователей, учитывая их высокую квалификацию и компетентность. Многие фонды предпочитали выдавать гранты компетентным профессионалам в соответствии с их интересами и не навязывать им свою тематику [Sozialwissenschaft in Russland, 1997]. Все это позволило академической политической науке выживать без радикальной смены исследовательских форматов с академических на прикладные.

На рубеже 2000-х годов наблюдалось некоторое оживление политической науки в академических институтах, появилась тенденция к ее консолидации и восстановлению лидирующих позиций в отечественной политической науке. В этом ключе пыталось действовать руководство РАПН, в состав которого входило много академических ученых, и существовавший тогда профильный Институт сравнительной политологии¹. Можно добавить, что это происходило на фоне некоторого сближения (или компромисса) власти и Академии наук, что иногда связывают с крупными поста-

¹ В частности, по инициативе избранного в тот период президентом РАПН (2001–2004) директора ИНИОНа Ю.С. Пивоварова проводилась работа по налаживанию координации академических институтов в области политической науки и повышению их роли в политологическом сообществе. (Автор выражает признательность С.В. Патрушеву за предоставленную информацию и сохранившиеся материалы этих мероприятий.)

ми в правительстве академика Е.М. Примакова и его важной ролью в переходе власти от Ельцина к Путину¹.

В целом этот тренд не принес существенных результатов, предлагавшиеся проекты во многом не реализовались, в 2005 г. был упразднен путем слияния с другими институтами и Институт сравнительной политологии. После некоторой стабилизации и смягчения финансового кризиса в академической науке к ней опять стали предъявлять претензии и требовать реформирования². Анализировать все аспекты и факторы этих процессов здесь не представляется возможным. Ограничимся общим суждением, что тогда (в середине 2000-х), несмотря на отдельные неблагоприятные моменты, в политической науке в Академии просматривался тренд на ее сохранение в качестве основной части отечественной политической науки и консолидирующего ядра научного сообщества. Прошедшие десять лет, однако, показали, что отношение власти к политической науке в Академии не улучшалось. Скорее, росло скрытое недовольство сохранением академической автономии науки в условиях активно укреплявшейся бюрократической вертикали. Негласный компромисс 2000-х был нарушен, и в 2013 г. на фоне усиления консервативных и авторитарных черт правящего режима власть начала проблемную и сомнительную реформу РАН, создающую для политической науки в институтах Академии новое усложнение ситуации.

Политическая наука в организационной структуре институтов РАН

В настоящее время в РАН нет какого-то отдельного профильного учреждения или института, в котором была бы сосре-

¹ Е.М. Примаков, как известно, в январе 2000 г. отказался от выдвижения на пост президента России, что существенно облегчило проведение президентской кампании Путина. В дальнейшем он содействовал организации встречи уже избранного президентом Путина с учеными Академии наук [Путин, 2000], что привело к улучшению на какое-то время отношений власти и Академии.

² Большой резонанс, например, вызвало проведенное по заказу властей исследование социолога С. Белановского [Белановский, 2005], весьма негативно оценивавшее положение дел в институтах РАН и содержащее предложения по реформированию академической науки.

точена деятельность в области политической науки. Она представлена в 18 учреждениях, входящих в структуру четырех отделений Академии и Президиума: Отделения общественных наук, Отделения глобальных проблем и международных отношений, Отделения историко-филологических наук, Президиума РАН, Уральского отделения, а также Санкт-Петербургского и Южного научных центров¹. Здесь речь идет, прежде всего, о формальной институционализации политической науки, т.е. о тех институтах, где имеются отдельные подразделения, центры, группы и сектора, тематически связанные с политической наукой. Кроме того, в институтах Академии есть исследователи и проекты, ориентированные на тематику политической науки, но не входящие формально в специализированные подразделения, а ведущие работу в рамках других, смежных подразделений. Институционализация политической науки, таким образом, представлена в институтах РАН как в виде «жесткой», формальной, так и «мягкой» или слабоформализованной моделей.

Базовым для политической науки в Академии считается Отделение общественных наук, включающее Секцию философии, социологии, психологии, политологии и права, которая курирует работу четырех институтов, где имеются структурные подразделения, работающие в области политической науки.

Ведущая роль в политических исследованиях в этом отделении принадлежит Институту социологии. Здесь создан профильный для политической науки *Центр политологии и политической социологии*. В его составе работают четыре отдела: *Отдел анализа социальных и политических процессов*; *Отдел сравнительных политических исследований*; *Отдел политических отношений*; *Отдел сравнительного изучения политических систем*. Исследования по политической науке ведутся и в ряде других непрофильных подразделений института. Институт дает весомую часть объема академических публикаций по политической науке, здесь также базируется ряд ведущих изданий политологического профиля.

Второй важный для политической науки институт этого отделения – Институт философии. Здесь имеются два профильных

¹ Данные в основном приводятся на начало 2015 г. [Отделения... Б.г.]. В этот период еще продолжалось действие так называемого «моратория» на структурные преобразования в системе институтов РАН, которые в принципе предполагаются реформой, начатой в 2013 г.

сектора: *Сектор философских проблем политики* и *Сектор истории политической философии*. Кроме того, в Институте базируется *Факультет политологии* Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), имеющий в своем составе четыре кафедры.

Два других института Отделения – Институт социально-политических исследований и Институт государства и права – и в плане публикационной активности, и в плане занятых исследованием политики сотрудников имеют для политической науки в Академии уже меньшее значение. Хотя в них есть структурные подразделения и авторы, выпускающие работы по этой тематике, их число невелико, и к тому же самостоятельный статус политической науки здесь выражен слабее. В первом случае она сближается с социологией, во втором – с юридическими науками. В Институте государства и права, который сыграл важную роль в становлении политической науки в СССР и в современной России, на базе этих традиций формировалось субдисциплинарное направление юридической политологии, представленное в ряде секторов и отделов этого института. Но в настоящее время оно столкнулось с трудностями, осложнившими его институционализацию в Академии¹.

В трех институтах этого Отделения (за исключением Института государства и права) работают аспирантуры, докторантуры и диссертационные советы, присуждающие ученые степени по политическим наукам.

В Отделении глобальных проблем и международных отношений ключевое значение для политической науки имеет Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН). Политическая наука здесь представлена в рамках нескольких структурных подразделений различного статуса: центров, отделов, секторов, групп. Прежде всего, это *Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований*, в составе которого работают: *Отдел внутриполитических процессов*, *Сектор прикладных социально-политических исследований*, а также группы по изучению политических институтов и проблем общественно-политического развития. Кроме этого, политическая

¹ См.: Материалы «круглого стола» «Политическая наука в институтах РАН: История, современное состояние, перспективы», опубликованные в этом номере журнала.

наука применительно к международной тематике присутствует в *Отделе международно-политических проблем, Отделе европейских политических исследований*, а также в *Центре международной безопасности* и *Секторах политического и культурологического анализа*, где изучаются проблемы модернизации стран Востока и взаимодействия политики и религии, и *Теории политики*. Здесь же издается важный профильный для политической науки журнал «Мировая экономика и международные отношения».

Помимо ИМЭМО в рамках Отделения работают также пять институтов международно-регионального профиля. В институтах этого типа политическая наука представлена достаточно активно, а среди их сотрудников значительное число имеют степени по политической науке. Вместе с тем особенностью политических исследований здесь является их включенность в контекст исследований международного, регионального и страноведческого характера.

В Институте США и Канады политическая наука представлена, прежде всего, в рамках внутривнутриполитического направления – в *Центре внутривнутриполитических исследований* и в *Центре социально-политических исследований США*. Но также она присутствует и в подразделениях внешнеполитического направления института – в *Центре исследований внешнеполитического механизма США*, *Центре военно-политических исследований* и *Центре военно-промышленной политики США*.

В Институте Европы приоритетными являются два направления: интеграционное и страноведческое. Политическая наука представлена и в том и в другом. В *Отделе исследований европейской интеграции* работает *Центр политической интеграции*, где интеграционный процесс в Европе исследуется с позиций политической науки. В институте есть также *Центр партийно-политических исследований* и несколько страноведческих центров: *Центр британских исследований*, *Центр германских исследований*, *Центр французских исследований*, *Центр Северной Европы*, *Центр иберийских исследований*, где изучаются политические процессы.

Сходным образом политическая наука представлена и в трех других институтах регионального профиля. Там она используется, прежде всего, в страноведческих исследованиях в многочисленных отделах и секторах этих институтов. В то же время в них имеются и специальные научные подразделения, в которых проводятся ис-

следования преимущественно политологического характера с учетом, разумеется, соответствующего региона. В Институте Африки работает *Центр социологических и политологических исследований*, в Институте Дальнего Востока – *Центр политических исследований и прогнозов*, в Институте Латинской Америки создан *Центр политических исследований*, включающий *Группу анализа политических, этнических и международных проблем* и *Группу политической конъюнктуры*.

Во всех институтах этого отделения есть аспирантуры, докторантуры и диссертационные советы по присвоению ученых степеней по политическим наукам.

В Отделении историко-филологических наук политическая наука представлена заметно скромнее. Отделение курирует три института, где в той или иной мере проводятся исследования политологического характера. На общем фоне повышенной активностью в этой сфере выделяется *Институт востоковедения*, хотя специального подразделения политологического профиля в институте нет. Политические исследования в основном включены в деятельность страноведческих отделов и секторов. При этом в институте есть совет по защите диссертаций по политическим наукам (единственный в институтах этого отделения).

В двух других институтах специальные подразделения политологического профиля существуют. В *Институте этнологии и антропологии* политической наукой занимаются в подразделениях *Центра этнополитических исследований*, в котором осуществляется программа фундаментальных и прикладных исследований. В *Институте российской истории РАН* профильным для политической науки является *Центр изучения новейшей истории России и политологии*.

Помимо институтов трех названных отделений крупный центр политической науки в Академии – *Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН)*, входящий в структуру учреждений при Президиуме РАН. По значимости публикаций в данной области он является третьим в системе РАН после ИМЭМО и Института социологии. Политическая наука представлена там, прежде всего, в специализированном *Отделе политической науки*, где имеются два сектора: *Сектор теории и методологии политической науки* и *Сектор российской политической науки*.

Кроме того, политические исследования проводятся и в других подразделениях института: в *Центре научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем*, включающем несколько отделов и секторов, в *Центре россиеведения*, в *Центре перспективных методологий социальных и гуманитарных исследований* и в *Центре по изучению проблем европейской безопасности*. В институте также базируются бюро основной профессиональной организации российских политологов – РАПН и общественно-научный Московский роккановский центр. Здесь издается профильный журнал «Политическая наука».

За пределами Москвы наиболее значим для политической науки в Академии Институт философии и права Уральского отделения РАН в Екатеринбурге¹. Политическая наука представлена в нем в основном в *Отделе философии*. Формально в структуру института входит также *Пермский филиал по исследованию политических институтов и процессов*, но сейчас он переведен в состав Пермского научного центра УрО РАН. Еще два академических институтских центра, связанных с политической наукой, находятся в Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону. В Социологическом институте РАН в Санкт-Петербурге есть *Отдел социологии власти*, а в Институте социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН – *Отдел политологии и конфликтологии*.

Разумеется, исследования в области политической науки проводятся также в других, не отмеченных здесь учреждениях и структурах Академии. Но их объем относительно невелик, а жанр статьи не позволяет упомянуть всех.

Общая статистическая картина результатов работы институтов РАН в области политической науки представлена в табл. 1. Она составлена по данным РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)². Сразу оговоримся, что данная картина приближительна и может не отражать всех деталей, а в чем-то и искажать действительность, так как в системе учета данных РИНЦ имеются про-

¹ Подробнее об исследованиях ученых этого института рассказывается в статье А.Б. Макарова «Академическая политическая наука на Урале», опубликованной в этом номере журнала. Также работы ученых института были представлены в журнале «Полис» № 4 за 2006 г.

² Российский индекс научного цитирования. – Режим доступа: <http://elibrary.ru>

блемы и недостатки. Прежде всего, она не полна и может не отображать часть публикаций, какие-то данные в ней могут быть устаревшими и не учитывать изменений, считается также, что в ней могут быть проблемы и с отнесением публикаций к тематике и т.д. Тем не менее ее работа совершенствуется, и она остается основной признанной базой данных о российской науке.

Таблица 1

**Некоторые наукометрические
показатели политической науки в институтах РАН**

Институты РАН	Доля публикаций по тематике «Политика и политические науки» в общем количестве публикаций организации, в %	Число публикаций организации по тематике «Политика и политические науки» за 5 лет (2010–2014)	Общее число цитирований публикаций организации по тематике «Политика и политические науки» за 5 лет (2010–2014)	Число авторов организации, входящих в ТОП – 100 российских политологов
1	2	3	4	5
ИМЭМО	38,4	963	1164	12
Институт социологии	18	597	927	5
ИНИОН	5,1	323	479	6
Институт философии и права УрО РАН	29,5	231	376	11
Институт США и Канады	36	397	311	1
Институт востоковедения	8	239	282	
Институт Европы	22,3	196	307	2
Институт философии ¹	2,2	89	256	2
Институт Африки	14,2	143	248	1
Институт российской истории	3,2	88	157	
Институт этнологии и антропологии	3,5	85	156	

¹ Здесь возможны проблемы с идентификацией публикаций по тематике. Часть публикаций могла быть учтена по тематике «Философия и философские науки».

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
Институт государства и права	3,5	70	132	
Институт социально-политических исследований	14	73	71	
Институт Дальнего Востока	22,4	125	40	
Институт экономики	1,5	65	62	
Институт Латинской Америки	15	38	36	
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН	16	33	44	
Социологический институт Санкт-Петербургского научного центра РАН ¹	ок. 3	10	6	

Институциональный потенциал и проблемы политической науки в институтах РАН

Даже этот достаточно краткий обзор существующей на сегодня организационной структуры политической науки в академических институтах позволяет судить о некоторых ее особенностях. Прежде всего, очевидна ее высокая дифференциация, которая влечет за собой, с одной стороны, достаточно широкий и многоплановый фронт исследований, с другой – развитие субдисциплинарных специализаций. В целом это соответствует природе и характеру (дивергентному и междисциплинарному) политической науки как она представлена в современной классификации наук [Алмонд, 1999; Almond, 1990; Becher, Trowler, 2001].

Также очевидно, что в этой дифференцированной структуре имеются ведущие звенья и элементы, обладающие более значимым ресурсным потенциалом и отличающиеся более высокой активностью и продуктивностью по сравнению с другими. В данном случае

¹ Здесь возможна проблема неполноты данных. При выборочной проверке автор не обнаружил в базе РИНЦ ряда известных ему публикаций этого института.

это относится к более развитой формальной институционализации в академических институтах таких субдисциплинарных областей политической науки, как политическая социология, политическая философия / политическая теория, международная политика, сравнительная политология. Это во многом обусловлено историческими традициями становления политической науки в Академии через институционализацию преимущественно в рамках этих предметно-тематических областей. Но это отражает и более общую тенденцию, связанную с ролью Академии в обретении и закреплении за этим знанием статуса научности и его институциональной автономии. Здесь можно привести формулировку В.Г. Федотовой: «Под академической наукой понимается не просто знание, создаваемое в Академии наук, а фундаментальное научное знание, добываемое в науке как социальном институте, опирающемся на определенный этос, в ходе ее саморазвития, ориентированном на получение истины» [Федотова, 2014, с. 44].

Это находит отражение в академической структуре науки, где получают развитие компоненты, способствующие такой самостоятельности. Прежде всего, это область рефлексии относительно истории, теории, методологии самой этой науки, области с наиболее развитыми по критериям современной научности методами исследований, а также области со сложившимися традициями. Все это дает возможность формировать набор критериев, позволяющих отделять научное познание в данной области от других познавательных форм и, следовательно, укреплять дисциплинарную автономию данной науки [Этос науки... 2005; Luhmann, 2009; Patzelt, 2013].

Наиболее развитые в институциональном плане компоненты академической структуры, тем самым, выполняют применительно к политической науке не только исследовательские, но и институциональные функции, закрепляющие ее самостоятельный, автономный статус. Важным аспектом научной автономии и профессионализации являются коммуникации, по существу, конституирующие научное сообщество. Эту функцию во многом выполняют профессиональные научные журналы [Социология науки, 2010; Философия науки, 2010; Степанов, 2013]. В этом плане показателен состав ведущих в российском политологическом сообществе научных журналов (табл. 2.). В их первой десятке больше половины – журналы, прямо или косвенно связанные с академическими институтами, а

два из них – «Полис. Политические исследования» и «Мировая экономика и международные отношения» (МЭиМО) – со значительным отрывом возглавляют рейтинг политологических журналов в течение многих лет.

Помимо рейтинга РИНЦ предлагаются и другие. В частности, недавно был опубликован рейтинг научных журналов по политологии, составленный экспертами НИУ ВШЭ. Но и в нем из пяти журналов двух высших категорий («Полис. Политические исследования», МЭиМО, «Международные процессы», «Политическая наука», «Pro et Contra») четыре связаны с академическими институтами¹.

Это обстоятельство позволяет говорить о влиянии академических научных традиций и критериев отбора материалов для публикаций на формирование и развитие всего научного сообщества. Опирающаяся на них публикационная политика в основном разделяется большей частью этого сообщества в качестве оптимального критерия деятельности в области политической науки.

Кроме того, академические институты продолжают занимать ведущие позиции в таком научном жанре, как подготовка и издание монографий. Этот вид публикаций является вполне традиционным для академической науки и предполагает систематизированное и углубленное рассмотрение крупных научных проблем, составляя важный компонент институционализации и автономии науки. В количественном плане по выпуску индивидуальных и коллективных монографий в области политической науки крупные академические институты РАН заведомо превосходят все другие научные и экспертные учреждения, работающие в этой сфере. При этом особенно важно, что намного выше цитируемость академических монографий, чем произведенных в неакадемической сфере². То есть в целом влияние академических институтов на научное сообщество в секторе монографических работ, играющих заметную роль в обобщении исследовательских результатов и закреплении научных стандартов, остается значительным и даже доминирующим, способствуя институционализации научных практик.

¹ По данным: [Экспертная оценка российских... 2015].

² По данным: <http://elibrary.ru/orgs.asp> (Дата посещения: 25.04.2015.)

Таблица 2

ТОП-10 российских журналов по политической науке в РИНЦ¹

Название журнала	Издатель / ассоциированность редакции	Доля статей по политической науке в публикациях журнала в % ²	Число публикаций / цитирований журнала в РИНЦ	Рейтинг SCIENCE INDEX ³ журнала в 2014
Полис. Политические исследования	Редакция журнала / Институт социологии РАН, РАПН	95	2245/33595	5,225
Мировая экономика и международные отношения	Изд-во «Наука» / ИМЭМО РАН	71	2281/22168	4,942
Международная жизнь	Редакция журнала / МИД РФ	96	1731/4273	3,689
Россия реформирующаяся ⁴	Институт социологии РАН	49,5	293/989	1,449
Международные процессы ⁵	Научно-образовательный форум по междунар. отн. / МГИМО (У), ИМЭМО РАН	43	712/1710	1,110
Власть	Редакция журнала / Институт социологии РАН	90	4487/10165	0,907
Политическая наука	ИНИОН РАН	98	829/1822	0,730
ПОЛИТЭКС	СПбГУ	96	793/1000	0,572
Ab imperio	Международный журнал, аффилир. с амер. Ассоц. славянских исслед.	96	1342/1743	0,539
Полития	Редакция журнала	94	445/1772	0,529

Еще один показательный момент касается кадрового потенциала академических институтов РАН в области политической науки. Работающие там ученые занимают в исследовательском по-

¹ Таблица составлена на основе данных: [Каталог журналов].

² Из списка исключен журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика», издающийся НИУ ВШЭ, так как публикации по тематике политической науки составляют в нем лишь около 18%.

³ Введен в РИНЦ как более объективный показатель по сравнению с традиционными импакт-факторами. Расчет SCIENCE INDEX см: [Методика расчета...], а также [Григорьева, Зарипова, Кокарев, 2015].

⁴ Ежегодник. Включен также в SCIENCE INDEX журналов по социологии.

⁵ Включен также в SCIENCE INDEX журналов по историческим наукам.

ле отечественной политической науки лидирующие позиции, и устойчивое внимание к их публикациям в научном сообществе выше, чем к публикациям любой другой категории авторов. По интегральному показателю, учитывающему связь между количеством научных публикаций и их цитированием (индекс Хирша), они составляют самую значительную часть лидирующей группы. В топ-10 наиболее цитируемых российских политологов их 50%, в топ-50 – 46, в топ-100 – 43%¹. Если же брать этот показатель с учетом второго места работы, то он будет еще выше. Разумеется, высокие персональные рейтинги ведущих академических ученых обеспечиваются не только за счет их публикаций в рамках соответствующих институтов, а формируются с учетом более широкого круга их работ. Тем не менее сам факт их присутствия во главе рейтинга в таком количестве говорит о признании и влиянии статуса ученых из академических институтов в научном сообществе российских политологов.

Представленная картина, свидетельствующая об особой значимости политической науки в институтах РАН для развития отечественной политической науки в целом и, в особенности, для ее самостоятельности и автономии, не должна, разумеется, скрывать и имеющиеся проблемы.

В тематически-содержательном плане можно назвать уже отмеченную выше проблему неравномерного представления в академических институтах поля политических исследований. На фоне институционально развитых и активно разрабатываемых исследовательских областей в академических институтах есть и направления, представленные весьма скромно. И это не только какие-то экзотические тематики, но и вполне актуальные и статусные субдисциплины, активно развивающиеся в современной политической науке [The world of political science..., 2012]. Это относится, например, к экономической политологии или, как ее иногда называют, новой политэкономии. Данное направление имеет в Академии меньше традиций и развивается менее активно. По понятным причинам в академических институтах слабее представлена отрасль исследования политических технологий, больше ориентированная на практические задачи. Но также недостаточно развитыми выгля-

¹ По данным: <http://elibrary.ru/authors.asp> (Дата посещения: 25.04.2015.)

дят и такая инновационная область, как политология Интернета и новой информационно-технологической среды, и ряд других.

Проблемным аспектом для политической науки в институтах РАН представляется и недостаточная координация исследований, порождающая трудности трансферта знаний между специализациями и субдисциплинами. И это вызвано не только традиционно развитыми в Академии научными специализациями, но и институциональными обстоятельствами, связанными, в частности, с сегментацией политической науки как между институтами, так и между отделениями. Некоторая проблема здесь может возникать в связи с дуализацией массива исследований в академических институтах, выделением и обособлением в нем обширного поля международных, международно-региональных и страновых политических исследований, представленных в институтах международного профиля.

Можно отметить и тенденцию ослабления организационного взаимодействия академических институтов со структурами профессионального сообщества отечественных политологов (РАПН, РАМИ, Академией политической науки). При создании главной профессиональной организации российских политологов – РАПН – роль представителей академических институтов была определяющей, что и в дальнейшем оказывало на нее большое влияние [Воробьев, 2004 а; Патрушев, 2004]. Но в последнее время ее взаимодействие с Академией стало ослабевать¹. Возникла тенденция к усилению автономии в сообществе «вузовской политологии» и перестроению в этом духе существующих и созданию новых организаций (например, Российского общества политологов с отчетливой «вузовской» направленностью).

Фоном для подобных тенденций является государственная политика в области науки, важными компонентами которой в последние годы стали институциональные реформы вузовской и академической науки. С одной стороны, был взят курс на «усиление науки в университетах», с другой – на «оптимизацию» науки в Академии. Законодательно реформа Академии была, как известно, проведена властями внезапно, в духе некоей спецоперации, что вызвало возмущение ученых. При этом о проблемах Академии было

¹ Эта проблема, в частности, отмечалась на «круглом столе» «Политическая наука в институтах РАН: История, современное состояние, перспективы», материалы которого опубликованы в этом номере журнала.

известно давно. И в этом смысле проблемы академической политической науки в целом похожи на проблемы всей Академии: недостаток финансирования, старение кадров, наличие отстающих подразделений и сотрудников, неразвитость современных технологий обеспечения исследований и т.д. Разумеется, они влияют на качество работы институтов Академии. Но вряд ли это качество можно повысить, просто сократив науку в Академии и «перенеся» ее значительную часть в университеты.

В табл. 3 приведены сравнительные данные базы РИНЦ по институтам РАН и трем крупнейшим российским университетам в области политической науки за период наиболее активного развития программы «Наука в университетах». (В этот период показатели университетов непрерывно росли, а показатели институтов РАН несколько снижались.)

Таблица 3

**Сравнение наукометрических показателей институтов РАН
и трех крупнейших российских университетов в области
политической науки¹**

Организации	Число публикаций организации по тематике «Политика и политические науки» за 5 лет (2010–2014)	Общее число цитирований публикаций организации по тематике «Политика и политические науки» за 5 лет (2010–2014)	Средний коэффициент цитирования	Число авторов организации, входящих в ТОП-100 российских политологов
РАНХиГС при Президенте РФ	2048	1110	0,54	3
МГУ им. М.В. Ломоносова	1599	1587	0,99	11
МГИМО (У) МИД России	1359	1661	1,22	11
Университеты всего	5006	4358	0,87	25
Институты РАН ²	3762	4950	1,32	43

¹ Таблица составлена на основе данных: <http://elibrary.ru/orgs.asp> (Дата посещения: 25.04.2015.)

² Институты РАН из табл. 1.

Из табл. 3 видно, что суммарно университеты превзошли институты РАН по числу публикаций, но по-прежнему отстают в цитировании и наличии ведущих ученых. Если к первой тройке университетов добавить вторую (СПбГУ, РГГУ и НИУ ВШЭ), то число публикаций увеличится еще примерно на 2,5 тыс., а число цитирований – примерно на 2,3 тыс. При этом коэффициент цитирования фактически остается прежним (0,88), а число ведущих ученых в институтах РАН все равно будет больше. Однако надо учесть, что многие ведущие ученые РАН преподают в этих университетах и участвуют в их публикационной деятельности. Так что определенная часть университетских публикаций и, особенно, цитирований обеспечивается учеными РАН. Это подтверждает, например, МГИМО (У) МИД России, где работает больше всего ученых из институтов РАН: число цитирований его публикаций наибольшее среди всех университетов, а коэффициент цитирования близок к академическому.

Что касается неакадемических аналитических и консалтинговых центров (фабрик мысли), как коммерческих, так и связанных с государством, то в наукометрической базе РИНЦ по политической науке продукция даже самых крупных из них представлена незначительно. Во всяком случае, она не сопоставима с показателями крупных академических институтов и университетов. Возможно, это связано с эксклюзивным и непубличным характером их работы. Но тогда их деятельность не вписывается в само определение науки как познавательной деятельности и социального института, что предполагает доступность ее результатов для использования, проверки и критической оценки профессиональным научным сообществом. Вероятно, их деятельность значима в основном в каком-то другом смысле, за пределами собственно науки, в пространстве так называемого «постакадемического» знания [Федотова, 2014; Гребенщикова, 2012].

* * *

Таким образом, политическая наука, представленная в институтах РАН, остается важнейшей частью российской политической науки и фактически сохраняет статус ядра научного сообще-

ства. Она занимает существенное место в ее исследовательском пространстве, особенно значимое по ряду научных направлений, специализаций и типам публикационной активности. Но еще важнее ее роль в институционализации отечественной политической науки как в плане когнитивных критериев научности (критическая рефлексия и разработка теории и методологии), так и в плане критериев и стандартов научной коммуникации в сообществе.

Она не свободна от проблем и неблагоприятных тенденций, которые должны преодолеваться. Дальнейшее ослабление и упадок ее институциональной роли с большой вероятностью будут вести к упадку и деградации политической науки в России, к утрате ею статуса самостоятельного и критического способа объективного познания мира политического. Размывание и утрата критериев самостоятельности политической науки были бы крайне неблагоприятны как для корпуса эмпирических исследований, так и для политической экспертизы и практической политики. Экспертиза и аналитика, не опирающиеся на критическую рациональность науки и не отличающиеся ее от соображений житейского смысла, пропагандистских клише или псевдонаучной мифологии, выглядели бы жалко. Но еще хуже, что такая «экспертиза», будучи внедренной в практическую политику, могла бы представлять угрозу и причинять вполне реальный вред политическому процессу в нашей стране.

Список литературы

- Алмонд Г.* Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманн. – М.: Вече, 1999. – С. 69–112.
- Белановский С.* Оценка состояния РАН. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2005/12/15/ran/print/> (Дата посещения: 23.04.2015.)
- Воробьев Д.М.* Политология в СССР: Формирование и развитие научного сообщества // Полис. – М., 2004 а. – № 4. – С. 169–178.
- Воробьев Д.М.* Развитие политологического сообщества в постсоветской России // Полис. – М., 2004 б. – № 6. – С. 151–161.
- Галкин А.А., Патрушев С.В.* Политическая наука стала у нас расти на выжженном пространстве / Интервью с доктором политических наук, профессором А.А. Галкиным. – М., 2000. – Режим доступа: <http://www.ran.ru/in.php?part=1&gr=1655&d=5005&n=35&p=0&to> (Дата посещения: 28.04.2015.)

- Гребенищикова Е.Г.* Этос «постакадемической» науки и трансформация нравственных императивов производства знания // *Философия образования*. – М., 2012. – № 1. – С. 33–38.
- Григорьева И.Е., Заринова З.Р., Кокарев К.П.* Хороши ли журналы, в которых размещены ваши статьи? // *Полис*. – М., 2015. – № 3. – С. 147–159.
- Ильин М.В.* Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // *Полис*. – М., 1999. – № 6. – С. 135–143.
- Казанцев А.А.* Политическая наука: проблема методологической рефлексии // *Полис*. – М., 2001. – № 6. – С. 51–63.
- Каталог журналов / Научная электронная библиотека. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/titles.asp> (Дата посещения: 30.05.2015.)
- Лантес И.Д.* Власть без славы. – М.: Олма-пресс, 2001. – 446 с.
- Лейбин В.* Спор о реформе науки // *ПОЛИТ. РУ*. – М., 2005. – 23 мая. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2005/05/23/sci/> (Дата посещения: 30.05.2015.)
- Лесков Л.* О реформе научной деятельности в России // *НГ-Наука*. – 2001. – № 3, 21 марта. – С. 3.
- Медведев Р.А.* Советский Союз: последние годы жизни. – М.: АСТ, 2010. – 637 с.
- Мейен С.В.* Академическая наука? // *Вопросы философии*. – М., 1990. – № 9. – С. 16–25.
- Методика расчета интегрального показателя научного журнала в рейтинге Science Index / Научная электронная библиотека. – Режим доступа: http://elibrary.ru/title_profile.asp?id=8990 (Дата посещения: 25.04.2015.)
- Мирская Е.* Российская академическая наука в зеркале социологии // *НГ-Наука*. – 2000. – № 5, 24 мая. – С. 13.
- Мирская Е.З.* Р.К. Мертон и этос классической науки // *Философия науки*. – М.: ИФ РАН, 2005. – Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. – С. 11–27.
- Мотрошилова Н.В.* Создание Р. Мертоном классических парадигм социологии науки: взгляд их XXI века // *Социология науки и технологий*. – М., 2010. – Вып. № 4, Т. 1. – С. 45–83.
- Отделения Российской академии наук // *Российская академия наук*. – Режим доступа: <https://www.ras.ru/sciencestructure/departments.aspx> (Дата посещения: 25.04.2015.)
- Отечественная политология: Итоги XX века: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. политологии и правоведения, Ин-т сравнит. политологии, Российская ассоциация политической науки. Отв. ред. Ильин М.В. – М., 2001. – 177 с.
- Парсонс Т.* О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 880 с.
- Патрушев С.В.* Российская ассоциация политической науки: формирование и консолидация политологического сообщества // *Россия и современный мир*. – М., 2004. – № 1. – С. 217–221.
- Пляйс Я.А.* Новый этап в развитии политической науки в России // *Полис*. – М., 2007. – № 3. – С. 155–164.
- Пляйс Я.А.* Отечественная политология на рубеже XX и XXI вв. // *Полис*. – М., 2002. – № 2. – С. 175–179.

- Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра (Материалы научного семинара) // Полис. – М., 2006. – № 1. – С. 141–150.
- Политическая наука в России: Проблемы, направления, школы (1990–2007) / Редакколл.: О.Ю. Малинова и др. – М.: РОССПЭН, 2008. – 463 с.
- Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. Ежегодник РАПН. – М.: РОССПЭН, 2004. – 456 с.
- Политические институты и процессы. Ежегодник САПН 1985. – М.: Наука, 1986. – 248 с.
- Политические институты на рубеже тысячелетий. – М.: Феникс+, 2001. – 480 с.
- Пономарева В.В. Академия наук и становление научного знания в России // Общественные науки и современность. – М., 1999. – № 5. – С. 5–16.
- Путин В.В. Выступление на встрече с академиками Российской академии наук // Президент России. – М., 2000. – 16 августа. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21528> (Дата посещения: 30.05.2015.)
- Социальные исследования в России. – Берлин; М.: Полис, Berliner Debatte, 1998. – 302 с.
- Социология науки: Учеб. пособие / Составитель Э. Мирский. – М., 2010. – Режим доступа: <http://courier.com.ru/pril/posobie/0.htm> (Дата посещения: 18.03.2015.)
- Степанов Б. Конференция «Академические журналы: организация науки и трансляция знания». – М., 2013. – Режим доступа: http://igiti.hse.ru/Meetings/Conferences/Journals_report (Дата посещения: 12.04.2015.)
- Федотова В.Г. Академическая и (или) постакадемическая наука? // Вопросы философии. – М., 2014. – № 8. – С. 44–54.
- Философия науки. Общий курс / Под ред. Лебедева С.А. – М.: Академический проект, 2010. – 731 с.
- Хромов Г. Российская академия наук: история, мифы и реальность // Отечественные записки. – М., 2002. – № 7. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_24.html (Дата посещения 12.04.2015.)
- Хромов Г. Российская академия наук: история, мифы и реальность // Отечественные записки. – М., 2002. – № 7. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_24.html (Дата посещения: 30.05.2015.)
- Черкасов П.П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. – М.: Весь мир, 2004. – 572 с.
- Шестопал Е.Б. Трансформация политологического сообщества в постсоветской России // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. – М., 1999. – № 1. – С. 23–39.
- Экспертная оценка российских научных журналов по версии НИУ-ВШЭ (2015) // ПОЛИ. РУ. – М., 2015. – 8 апреля. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2015/04/08/list_journals/#politology (Дата посещения: 17.04.2015.)
- Этос науки на рубеже веков // Философия науки. – Вып. 11. – М., 2005. – 342 с.
- Almond G.A. A discipline divided: Schools and sects in political science. – Newbury Park, Calif.: Sage, 1990. – 348 p.
- Becher T., Trowler P.R. Academic tribes and territories: Intellectual inquiry and the culture of disciplines. – Buckingham: Open univ. press. 2001. – 239 p.

- Brie M.* Eine Gesellschaft erkennt sich selbst: Russische Sozialwissenschaften im Wandel // Sozialwissenschaft in Russland. – Berlin: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 1997. – Bd. 2. – S. 328–374.
- Sozialwissenschaft in Russland. – Berlin: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 1997. – Bd. 2. – 392 S.
- Luhmann N.* Die Wissenschaft der Gesellschaft. – Fr.a.M.: Suhrkamp, 2009. – 732 S.
- Merton R.* The sociology of science: An episodic memoir // The sociology of science in Europe / Ed. by R. Merton and J. Gaston. – Chicago: Southern Illinois univ. press, 1977. – P. 3–144.
- Merton R.K.* The institutional imperatives of science // Sociology of science / Ed. B. Barnes. – L.: Penguin Books, 1972. – P. 65–79.
- Patzelt W.J.* Einführung in die Politikwissenschaft. – 7. Aufl. – Passau: Wissenschaftsverlag Richard Rothe, 2013. – 344 S.
- Storer N.W.* The social system of science – N.Y., L.: Holt, Rinehart and Winston, 1966. – 180 p.
- The Cambridge history of science. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – Vol. 7: The modern social sciences / Ed. by Th. M. Porter, D. Ross. – 790 p.
- Davydova I.* Die Novosibirsker soziologische Schule. Austieg und Niedergang eines regionalen sozialwissenschaftlichen Zenthums // Sozialwissenschaft in Russland. – Berlin: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 1997. – Bd. 2. – S. 151–172.
- The world of political science: A critical overview of the development of political studies around the globe, 1990–2012 / Trent J., Stein M. (eds.). – Opladen; Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers, 2012. – 188 p.

Приложение

Сайты институтов РАН

- Институт Африки. – Режим доступа: <http://www.inafran.ru>
- Институт востоковедения. – Режим доступа: <http://www.ivran.ru>
- Институт государства и права. – Режим доступа: <http://www.igpran.ru>
- Институт Дальнего Востока. – Режим доступа: <http://www.ifes-ras.ru>
- Институт Европы. – Режим доступа: <http://www.ieras.ru>
- Институт Латинской Америки. – Режим доступа: <http://www.ilaran.ru>
- Институт мировой экономики и международных отношений. – Режим доступа: <http://www.imemo.ru>
- Институт научной информации по общественным наукам. – Режим доступа: <http://www.inion.ru>
- Институт российской истории. – Режим доступа: <http://www.iriran.ru>
- Институт социально-политических исследований. – Режим доступа: <http://www.ispran.ru>
- Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. – Режим доступа: <http://www.ssc-ras.ru/page471.html>

Институт социологии. – Режим доступа: <http://www.isras.ru>

Институт США и Канады. – Режим доступа: <http://www.iskran.ru>

Институт философии. – Режим доступа: <http://www.iph.ras.ru>

Институт философии и права УрО РАН. – Режим доступа: <http://www.ifp.uran.ru>

Институт экономики. – Режим доступа: <http://inecon.org/>

Институт этнологии и антропологии. – Режим доступа: <http://www.iea-ras.ru>

Социологический институт РАН. – Режим доступа: <http://socinst.ru/ru/inst>

А.Ю. СУНГУРОВ

**ЭКСПЕРТНЫЕ СООБЩЕСТВА И ВЛАСТЬ: МОДЕЛИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ
И УСЛОВИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ**

При анализе политических процессов различной природы и уровня исследуются, как правило, их основные акторы – государственная власть в целом и ее отдельные «ветви» и структуры, политические партии, группы интересов, гражданские организации. При этом вне фокуса внимания часто остаются тем или иным образом организованные сообщества людей, обладающих «властью особого рода – властью называть вещи их именами», т.е. представители академического и экспертного сообщества. Роль этих участников политического процесса становится особенно велика при подготовке, принятии и реализации политико-управленческих решений, для обозначения которых в английском языке используется термин *policy*. В этой статье мы рассмотрим некоторые из существующих сегодня представлений о характере взаимодействия экспертных сообществ и власти в процессе подготовки и принятия политико-управленческих решений, выделим три возможные модели такого взаимодействия, а также сформулируем условия реализации этих моделей.

Модели взаимодействия власти и экспертного сообщества

Несмотря на существенное развитие представлений о сложном и взаимовлияющем характере власти и экспертного сообщест-

ва [Балаян, 2015; Волынкина, 2011; Казакова, 2012; Малинова, 2013; Noppe et al, 2013; The politics of scientific advice, 2011], сегодня, особенно в российской научной литературе, много внимания уделяется так называемому линейному характеру этого взаимодействия, или, по терминологии современного классика в области публичной политики Шейлы Джасанофф (Sheila Jasanoff), линейно-автономной модели.

В рамках этой модели научные факты устанавливаются без какого-либо учета возможных общественно-политических последствий. И лишь затем эти факты учитываются при решении общественно-политических проблем, соответственно, политические решения созревают по мере перехода от научно установленных фактов к ценностям. Ученым дается право обосновывать качество и цельность их открытий и результатов по своим собственным правилам, перед тем как суждение политиков вступает в игру. Отступление от этого идеала угрожает превратить науку в инструмент политики. В случае потери автономии наука, как считается в рамках этой модели, не сможет предоставить лицам, принимающим решения, объективную информацию о функционировании природы или общества [Jasanoff, 2011].

Такой подход на первый взгляд кажется вполне оправданным, особенно в нашей стране, где в годы советской власти ученые были объектом жесткого давления партийно-государственного аппарата и силовых структур. Однако в странах с устойчивым демократическим режимом, где такое давление стало скорее исключением, чем правилом, возникли сомнения в адекватности линейно-автономной модели реальной практике взаимодействия власти и экспертного сообщества. Прежде всего эти сомнения связаны с тем, что любой ученый является в то же время и членом общества, в котором он живет, поэтому он не может гарантировать свою беспристрастность к любой проблеме, которую изучает. Например, вопрос о строительстве атомных станций в определенном регионе страны может касаться его лично. Чем ближе изучаемый вопрос к социальной и политической жизни общества, тем сложнее ученому контролировать свою собственную научную беспристрастность. Выходом в этой ситуации могут и должны стать различные формы внутренней оценки качества научных работ, классическими примерами которых могут служить обсуждения их результатов на на-

учных семинарах и конференциях, а также практика рецензирования поступающих в научные журналы текстов научных статей. О подобных и иных практиках внутреннего контроля качества научных работ пишет, в частности, Даниэль Саревитц [Sarewitz, 2011].

Вместе с тем эти механизмы также могут давать сбои, особенно при исследовании систем с высокой степенью неопределенности, при изучении редко повторяющихся событий и т.д. [Oreskes, 2011]. Известно также, что в процессе развития науки периодически возникают ситуации, когда позиции, сильно отличающиеся от принятой в научном сообществе парадигмы, игнорируются этим сообществом, а после смены парадигмы в процессе научной революции становятся началом нового и перспективного научного направления [Кун, 2009]. Кроме того, среди общественных активистов (например, из «зеленого» движения) часто возникает скептицизм к научным данным в области состояния окружающей среды, выполненным по заказу правительств [Oreskes, 2004].

Еще одна и, возможно, более важная причина сущностного ограничения применимости линейно-автономной модели – это то, что она не учитывает существования так называемых пограничных структур (boundary structures), возникающих на границах между системой научного знания и системой власти – в данном случае системой администрирования, управления различными политиками (policy) в данной местности, стране или регионе. Понятие (и даже теория) таких пограничных структур было предложено для границы «наука – власть» в 1999–2000 гг. Дэвидом Гастоном [Guston, 1999; 2000] и развита затем в работах ряда авторов (см.: [Miller, 2001] и статьи А.Ю. Беляева и Е.А. Глуховой в этом номере журнала).

Важно также учитывать, что в современных органах власти, в администрациях различного уровня работают образованные люди, и некоторые из них имеют опыт серьезной научной деятельности. Однако они встроены в иерархическую властную систему, и им всегда не хватает времени, основное количество которого уходит на рутинную, повседневную работу. Если же к ним подключаются представители экспертного сообщества и активисты групп защиты общественных интересов, то в результате могут сложиться так называемые коалиции общественных интересов (Advocacy coalitions), которые, в соответствии с концепцией Пола Сабатье и Хэнка

Дженкинс-Смита, выступают источниками и организаторами продвижения инноваций в области публичной политики, подготовки и принятия политико-управленческих решений [Сабатье, Дженкинс-Смит, 2008]. Все это свидетельствует, на наш взгляд, в пользу недостаточности линейно-автономной модели.

Вместо нее Шейла Джасанофф предлагает новую модель, которую она назвала моделью *virtuous reason* (возможный перевод – модель «действенных оснований»). В рамках этой модели не делается резких разграничений между научным знанием и поисками общественного блага, в ее фокусе вопрос о том, как интеграция науки и политики может помочь лучшему достижению желаемой публичной цели. Здесь делается акцент не на инструментализации науки, а на согласовании научных выводов с широким набором социальных ценностей, особенно с учетом угрозы неизвестности и невежественности. При этом, как отмечает Джасанофф, любые реформаторские усилия должны признавать, что процесс оценки справедливости научных рекомендаций для использования в улучшении той или иной политики (policy) жизненно связан с институциональной историей и культурой, что делает любые универсальные панацеи как неосуществимыми, так и нежелательными [Jasanoff, 2011, p. 21].

По мнению редакторов коллективной монографии, посвященной опыту научных консультативных советов, все множество существующих вариантов их создания и деятельности может рассматриваться как варианты ответа на две потенциальные угрозы. Во-первых, любой публичный совет уважаемых обществом экспертов в случае его игнорирования властей предрержащих может нанести ущерб легитимности власти. Во-вторых, подчиненность консультативного органа воле правительства угрожает авторитету ученых. Отсюда следует, что конкретная форма организации любого консультативного органа отражает конфликт между независимым и зависимым «советованием» [The Politics of scientific advice, 2011, p. 10]¹.

¹ Подчеркнем здесь труднопереводимое на русский язык использование термина «advice», который естественно переводится как совет. А вот уже широко применяемый, в том числе и в официальных названиях таких советов, термин «Advice committee» сложно перевести как «советовательный комитет», в этих случаях мы будем использовать термин «консультативный комитет». Однако в

С позиции организационного подхода эти консультативные структуры подробно анализировались в рамках уже упоминавшейся концепции «пограничных структур» Дэвида Гастона [Guston, 2001]. Исходно под пограничными структурами понимались организации, обладающие следующими свойствами: «(1) они помогают преодолеть границу между наукой и процессом принятия политических решений, (2) они существуют между двумя социальными мирами, обладающими определенными ответственностью и подотчетностью к обеим сторонам границы, (3) они обеспечивают пространство для легитимизации пограничных объектов благодаря тому, что они одновременно достаточно пластичны, чтобы адаптироваться к локальным нуждам и ограничениям обеих сторон, нанимающих их, и, с другой стороны, достаточно надежны, чтобы поддерживать общую идентичность сквозь границы» [Cash, 2001, p. 439].

В качестве примеров таких пограничных структур вначале рассматривались преимущественно научно-консультативные советы, созданные при органах власти. Главным достоинством подобных «пограничных структур» считается их способность обеспечить «институциональное пространство, в рамках которого могут развиваться и эволюционировать долговременные двухсторонние коммуникации, развиваются новые технологии управления, и сами границы оказываются преодоленными. Пограничные организации становятся динамичными структурами, отвечающими изменяющимся интересам акторов по обе стороны границы» [Cash, 2001, p. 450]. Сегодня к «пограничным структурам» относят уже и организации типа фабрик мысли [Medvetz, Power, 2012].

Эти «пограничные организации» становятся важным элементом ряда моделей трансфера знаний от академической науки к

этом случае исчезает такое важное свойство «Advice organization», как субъектность авторов этих советов, которые могут даваться не только по запросу лиц, принимающих решение, но и по собственной инициативе представителей экспертного сообщества. В термине же «консультативный совет» субъектность участников нивелируется: консультации по определению даются только по запросу власти, инициативная консультация – это нонсенс. Такое различие отражает и слабую пока субъектность российского экспертного сообщества. Исключением являются немногие устойчивые организации типа фабрик мысли, например Центр стратегических разработок образца 2011–2013 гг. Но это уже другая форма структур-медиаторов, или «пограничных организаций».

промышленной индустрии. Например, в варианте модели «Тройной спирали» в качестве третьего партнера подразумеваются правительственные структуры, а в варианте модели «Наука – режим 2» знание производится уже с учетом его применения. Это подразумевает, в свою очередь, что те, кто планирует его использовать, скорее являются соучастниками процесса получения нового знания, чем простыми потребителями конечного продукта [Hellström, Jacob, 2003].

Наконец, в нескольких исследованиях концепция «пограничных организаций» применяется уже к структурам, целью которых является содействие конструктивному взаимодействию и сотрудничеству между различными новыми общественными движениями, а также их конструктивные взаимоотношения с местной властью и бизнесом. При этом сами «пограничные структуры» могут возникать снизу, вокруг конкретной проблемы, например, путем создания группы в Интернете, с привлечением к участию всех желающих [O'Mahony, Bechky, 2008]. Таким образом, в качестве партнеров носителей научного знания начинают выступать не только властные структуры, но и гражданские организации. Тем самым эксперты оказываются уже участниками процессов делиберативной демократии, в рамках которых гражданские активисты приобретают экспертные знания, а вовлеченные эксперты становятся носителями гражданского активизма [Назарчук, 2011].

Отметим, что практически одновременно с Дэвидом Гастоном [Guston, 1999] нами было предложено близкое к концепции «пограничных организаций» представление о существовании в поле публичной политики особых институтов – посредников, выполняющих медиаторскую функцию [Сунгуров, 1999]. При этом мы исходно рассматривали не только отношение «наука – власть», но и «наука – общество», и «общество – власть», и в качестве институтов модераторов видели не только фабрики мысли, а также общественно-консультативные советы и институт омбудсмена.

Наконец, обращаясь к ситуации в современной России, нельзя не отметить определенное возрождение существовавшей в СССР модели «приводных ремней», когда функцией общественных наук считалось наукообразное обоснование правильности принимаемых руководством КПСС решений. Сегодня эта модель принимает вид модели «оплаченного результата», в рамках которой предполагается,

что заказчик исследования заранее указывает нужные результаты, а дело ученых – лишь их аргументированно обосновать. Именно исходя из подобного подхода в докладе Российского института стратегических исследований недавно предлагалось называть «иностранными агентами» чисто академические и образовательные структуры (например, Институт социологии РАН или МГИМО (У) МИД России), получавшие зарубежные исследовательские гранты [Доклад, 2014]. Отметим также, что подобная модель существует и в определенных сегментах общественного мнения в демократических странах, именно она определяет недоверие экологических активистов к оплаченным властью или концернами результатам научных исследований окружающей среды.

Функции экспертных сообществ

Сформулируем теперь основные функции экспертных сообществ, характерные для трех приведенных выше моделей. Так, в рамках модели «оплаченного результата», когда ученому или эксперту заранее формулируют тот или иной результат, его функция заключается в наукообразном его обосновании (а он, в свою очередь, с готовностью берется за такое дело), мы можем говорить лишь о *символической функции*, когда своим участием ученые или эксперты лишь легитимизируют уже принятое решение. В случае «линейно-автономной» модели реализуется прежде всего *функция научного консультирования* лиц, принимающих решения, т.е. происходит сужение поля возможных решений, а также прогнозирование последствий тех или иных решений. На наш взгляд, в условиях авторитарных или, выражаясь иначе, моноцентрических политических режимов велика вероятность перерождения этой функции в ее дисфункцию, которой с позиции поиска истины можно считать *символическую функцию*.

Для случаев реализации модели «действенных оснований» велика вероятность реализации *инновационной* (инновативной) *функции, функции генерации и продвижения инноваций в поле публичной политики*. Она может выражаться в виде «советования», когда члены экспертных советов обладают определенной автономностью, включающей в себя возможность как кооптировать

новых членов, так и давать не только консультации, но и советы – даже в тех случаях, когда власти предрержающие их не спрашивают. В этом случае можно говорить о **формировании повестки дня** для принятия политико-управленческих решений. Если же власть не желает слышать предложения экспертов, они могут влиять на процесс принятия решений через публичную сферу, через СМИ, НКО, оппозиционные политические партии. Обеспечив же актуальность сформулированной проблеме, эксперты могут также разработать и предложить вариант ее решения, реформы в том или ином секторе поля политико-управленческих решений, которые и являются инновациями в этой сфере [Сунгуров, 2010].

Четвертой функцией академического и экспертного сообщества, в соответствии с концепцией публичной социологии американского социолога Майкла Буравого, является **функция гражданского активизма**, непосредственного соучастия в социальных или политических движениях и акциях. Он считает, что социология – это не просто наука об обществе, но и наука, содержащая в себе понятие ответственности – как перед самим обществом, так и за его развитие независимо от того, что считает нужным делать с этим обществом государство (перед которым ответственна, по мнению М. Буравого, политология) или рынок (перед которым ответственна экономика). И ответственность эта заключается не только в передаче знаний гражданским активистам (как это происходит в процедурах делиберативной демократии), но и в непосредственном участии социологов в митингах, забастовках, а если и потребуется – в акциях гражданского неповиновения [Буравой, 2007; 2008]. Представления Майкла Буравого достаточно широко обсуждались и в российском социологическом сообществе, итоги этих обсуждений см.: [Общественные движения, 2009]. Петербургский социолог А.Н. Алексеев в одной из этих дискуссий так охарактеризовал обсуждаемую позицию: «Насколько я могу судить, Майкл Буравой инициирует – не впервые в истории мировой социологии – преодоление сциентистских канонов, узкого профессионализма и дисциплинарной ограниченности и выступает за социологию, открытую “всем ветрам” общественной жизни, за социологию “для публики” и в защиту человека и человеческих общностей от государственного или рыночного диктата» [Алексеев, 2008, с. 53]. Концепция публичной социологии, на наш взгляд, хорошо укладывается в модель

«действенных оснований», учитывая ситуацию, когда эксперт не только предлагает варианты решений общественно-политических проблем, но и сам участвует в реализации этих предложений.

Условия реализации моделей взаимодействия экспертного сообщества и власти

Анализ различных вариантов взаимодействия экспертного сообщества и власти в разных странах позволяет нам сформулировать три основных фактора, влияющих на реализацию той или иной модели рассматриваемых взаимодействий. Прежде всего, это характеристика политического режима в данной стране, в частности степень политического плюрализма. Чем меньше в стране политического плюрализма, тем более вероятна реализация модели «оплаченного результата», в пределе, в условиях тоталитарного режима, превращающаяся в модель «приводных ремней». При отсутствии реальной политической конкуренции у властей предрасполагается ощущение, что они и так знают все необходимое для принятия политических решений. По мере роста политического плюрализма повышается вероятность реализации «линейно-автономной модели», а при становлении демократии участия, реализации практики governance («управление без управляющих») возникают условия и для модели «действенных оснований».

Помимо этого, главного условия, можно выделить еще два. Первое – организационное, структурное условие – это наличие особого типа «пограничных структур» или структур-медиаторов, называемых фабриками мысли или «мозговыми центрами», в рамках которых и происходят прежде всего генерация и продвижение инноваций в социальной и политической сферах. Опыт американских и европейских фабрик мысли, включающих в себя как экспертов-аналитиков, так и специалистов по продвижению подготовленных предложений в органы власти или в общественную публичную сферу, достаточно подробно описан в ряде монографий и статей [см., например: Балаян, Сунгуров, 2014; Беляева, Зайцев, 2008; Rich, 2008; Think tank traditions, 1998]. Существование таких достаточно автономных и устойчивых фабрик мысли очень важно для реализации модели «действенных оснований». Их наличие делает

автономными и классические «пограничные структуры» – экспертно-консультативные советы разного типа и уровня.

Наконец, третьим условием является определенный уровень кооперативной солидарности и разделяемых этических норм среди самого экспертного сообщества, наличие которых и делает его собственно «сообществом», а не собранием отдельных индивидов. Именно наличие таких общих норм и ценностей может служить препятствием для реализации модели «оплаченного результата».

В СССР первое условие – наличие политического плюрализма – практически отсутствовало. В сталинский период в стране господствовала модель «приводных ремней», далее трансформировавшаяся в модель «оплаченного результата». При этом начиная с хрущёвской оттепели действовала и «линейно-автономная» модель, опирающаяся на институты АН СССР в области общественных наук, отчасти выполнявших роль фабрик мысли или «университетов без студентов», нацеленная вначале на анализ внешнеполитических проблем, а затем с большим трудом и на анализ проблем внутренних, реализуя функцию научного консультирования [см., например: Черкасов, 2005]. Однако и здесь возникло достаточно специфическое экспертное сообщество, члены которого не только реализовывали функцию генерации и продвижения инноваций в поле публичной политики, характерную уже для модели «действенных оснований». Имеется в виду «методологическое движение», состоявшее из учеников и последователей советского философа и логика Г.П. Щедровицкого (а сегодня – уже и из учеников его учеников). Еще в советское время представители школы Г.П. Щедровицкого выполняли важную роль консультантов по оргразвитию, в процессе проводимых ими оргдеятельностных игр разрабатывались программы развития ряда крупных предприятий и даже целых регионов – например, экономика БАМа, безопасность атомных станций. Уже в годы перестройки ими были подготовлены и проведены выборы руководителей Рижского автозавода микроавтобусов, развитие свободных экономических зон и т.д.

После смерти в 1994 г. Г.П. Щедровицкого¹ методологически ориентированные группы разделяются на отдельные школы, на-

¹ Подробнее о наследии Г.П. Щедровицкого см.: Некоммерческий научный фонд «Институт развития имени Г.П. Щедровицкого». – Режим доступа: <http://www.fondgp.ru>

правления и проекты, среди которых наиболее известной является университетская корпорация Школа культурной политики П.Г. Щедровицкого. В 2000 г., после создания федеральных округов и назначения Полномочным представителем Президента РФ в Приволжском ФО С.В. Кириенко, участвовавшего еще в советское время в оргдеятельностных играх под руководством П.Г. Щедровицкого, был создан Центр стратегических исследований ПФО, действовавший как фабрика мысли при полпреде [Сунгуров, 2011].

Еще одним ярким примером российского экспертного сообщества с высоким уровнем профессиональной корпоративной этики, члены которого реализуют как консультативную, так и инновативную функции, является междисциплинарное сообщество, объединившееся вокруг разработки понятия и концепции «гуманитарная экспертиза» [Экспертиза в социальном мире, 2006]. Это направление начало формироваться еще в СССР в рамках российской научной школы прикладной этики, одним из основателей которой является В.И. Бакштановский, выдвинувший идею экспертно-консультативной функции прикладной этики еще в 1983 г. [Бакштановский, 1983]. Затем сообщество получило свое развитие в совместных обсуждениях и публикациях психологов, философов, лингвистов [Философия и культурология... 2011].

В *постсоветской России* фабрики мысли как структуры, позволяющие реализовать и консультативные, и инновативные функции, начали активно возникать в середине 1990-х годов, когда наблюдался относительно высокий уровень политического плюрализма и в стране активно работали иностранные фонды. Можно считать, что к концу 1990-х в России стала устанавливаться «линейно-автономная» модель взаимодействия экспертного сообщества и власти. Затем, уже в новом столетии, шли параллельно процессы усиления моноцентрического политического режима и уход иностранных фондов из страны. Поэтому фабрики мысли и близкие к ним структуры, лишённые независимых от государства финансовых ресурсов, стали исчезать прежде всего на региональном уровне, а затем этот процесс затронул и столицы [Аналитические сообщества... 2012; Сунгуров, 2014]. К сожалению, в то время фактически отсутствовало третье условие, противостоящее модели «оплаченного результата», – корпоративные этические стандарты экспертного и академического сообщества, о

чем свидетельствовала и достаточно широкая практика изготовления «диссертаций под заказ».

Тем не менее в России и сегодня эффективно работают в области публичной политики такие фабрики мысли, как фонд ИНДЭМ и Комитет гражданских инициатив в Москве, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» и Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия» в Санкт-Петербурге, Центр гражданского анализа и независимых исследований «Грани» в Перми. Их деятельность является примером реализации функции генерации инноваций в сфере публичной политики, а в некоторых случаях мы видим и реализацию функции гражданского активизма (примером могут служить деятельность президента фонда ИНДЭМ Г.А. Сатарова в качестве сопредседателя Всероссийского гражданского конгресса в 2004–2008 гг. или публичные выступления академика РАН Ю.С. Пивоварова зимой 2011/2012 гг.).

Часть подобных структур имела в прошлом практику и реализации консультативной функции, однако по мере перехода политического режима страны от полицентрического к моноцентрическому, приближающемуся к режиму электорального авторитаризма, у власти все меньше остается желания реагировать на инициативы этих организаций (что может вызвать недовольство у их вышестоящих по иерархии руководителей) и спрашивать их советы. В последнем случае хотя бы относительная самостоятельность этих фабрик мысли может служить препятствием к перерождению настоящих консультаций в прямую реализацию полученных заданий, т.е. переходу к реализации символической функции в рамках модели «оплаченных результатов».

Респондент, входящий во влиятельные властные структуры одного из крупных российских регионов, сравнивая отсутствие интереса руководящих лиц региона к советам экспертов с нежеланием власти слушать рекомендации пожарников по уборке мусора до начала пожара, завершил свою мысль такими словами: «Профилактика пожара и тушение – две разные функции. В сегодняшнем формате консервативной ментальности прогностическая функция – не востребована»¹. К этому же выводу – отсутствию желания вла-

¹ Интервью с Б. – председателем комиссии регионального Законодательного собрания, март 2013 г.

стных структур в современной России слушать рекомендации представителей экспертного сообщества – приходят и авторы диссертационных исследований, посвященных участию экспертов в современном политическом процессе [Хвостунова, 2006; Волюнкина, 2011].

В этой ситуации для экспертов, не вовлеченных в какие-либо структуры типа фабрик мысли, а участвующих в консультативном процессе в индивидуальном, разовом порядке, существует опасность вместо реализации консультативной функции исполнять чисто символическую функцию, что будет соответствовать уже модели «оплаченных результатов». В случае участия экспертов в составе экспертных и экспертно-консультативных советов разного уровня вероятность навязывания символической функции снижается. Такие советы практически не выходят за рамки чисто консультативной функции, так как не обладают какой-либо автономией и их состав формируется исключительно по решению лица, при котором они создаются.

Обратимся вначале *к странам с устойчивой демократической системой* политического плюрализма, в рамках которой модель «оплаченного результата» если и имеет место, то является маргинальной. В этом случае мы наблюдаем постепенный переход от линейно-автономной модели к модели «эффективных оснований». В такой ситуации важную роль играют различного типа экспертные или консультативные советы, действующие иногда автономно от властных структур, которым они дают советы.

Ярким примером может служить Международная комиссия по радиологической защите, основанная еще в 1928 г. на Международном конгрессе по радиологии. Ее учредителем до сих пор остается Международное общество радиологов. Исходная миссия состояла в разработке принципов и стандартов, направленных на защиту медицинского персонала и пациентов против возможного поражающего действия ионизирующего излучения. За годы работы рекомендации комиссии о предельных допустимых дозах радиации для населения и персонала стали основой для большинства национальных и международных правил и норм, регулирующих допустимые дозы облучения. Члены комиссии избираются сроком на четыре года самой комиссией в соответствии с уставом, утвержденным Международным обществом радиологов. Работу комиссии обеспечивает секретариат с минимальной бюрократией [Streffer, 2011].

Деятельность этой комиссии служит также примером, когда наряду с чисто медицинским знанием ее члены учитывают и последствия своих решений, например, для равноправия мужчин и женщин¹. Мы видим, что в этом случае в полной мере реализуется третья из сформулированных нами функций – функция генерации инноваций, а работа комиссии все более соответствует модели «эффективных оснований».

Другим примером длительно и эффективно работающей консультативной организации, учрежденной правительством и функционирующей на национальном уровне, может служить Королевская комиссия по загрязнению окружающей среды Соединенного Королевства. Она была создана в 1970 г. в период значительного роста беспокойства по поводу экологических проблем. К 2010 г. комиссия подготовила 32 доклада по вопросу ее компетенции. Важно, что во всех случаях кроме трех комиссия сама определяла темы своих докладов, иногда вызывая недовольство правительства или отдельных министров. Доклады направлялись королеве и парламенту, и на них ожидался ответ. Эти доклады, как правило, публиковались, но иногда некоторое время спустя после их подготовки. Члены комиссии назначались на индивидуальной основе сроком в среднем на шесть лет. Голос комиссии авторитетно звучал в публичных дебатах по различным поводам. Иногда рекомендации комиссии реализовывались спустя несколько лет после их появления, при этом влияние осуществлялось и через различные профессиональные сети и сообщества, в которые входили члены комиссии [Owens, 2011]. В этом случае мы видим комбинацию консультативной функции и функции генерации инноваций.

Достаточно автономный характер деятельности подобных консультативных советов обеспечивается не только политическим плюрализмом, существующим в этих странах, но и опорой их членов как на достаточные сильные и авторитетные профильные научные ассоциации, так и на разработки «пограничных структур» другого типа – разнообразных фабрик мысли (или мозговых центров), в рамках которых и происходит прежде всего реализация

¹ Так, хотя с медицинской точки зрения показано, что мужчины способны без вреда здоровью выносить большие дозы радиации, чем женщины, члены этой комиссии установили предельно допустимые нормы облучения исходя из чувствительности женского организма как для мужчин, так и для женщин.

функции генерации и продвижения инноваций в социальной и политической сферах [Балаян, Сунгуров, 2014; Rich, 2008].

* * *

Подводя итоги, мы можем заключить, что рассмотренные в работе модели взаимодействия экспертных сообществ и власти – модель «оплаченного результата», включая и такую ее разновидность, как модель «приводных ремней», «линейно-автономная» модель и модель «эффективных оснований», – могут быть очень условно соотнесены с авторитарным (тоталитарным) политическим режимом, режимом представительной демократии и режимом демократии делиберативной, демократии участия, реализации практики governance. При этом важную роль в реализации той или иной модели могут играть еще два фактора. Первый – это наличие или отсутствие особого типа «пограничных структур» или структур-медиаторов, называемых фабриками мысли или мозговыми центрами, существование которых позволяет экспертно-консультативным советам сохранять определенную автономию и переходить от реализации исключительно функции научного консультирования к инновативной функции. Второй – это наличие общих норм и ценностей внутри самого экспертного сообщества. Именно этот фактор позволил еще в СССР сформироваться такому феномену, как методологическое сообщество. Можно выразить надежду, что и в современной России развитие профессиональных этических стандартов внутри политологического сообщества будет содействовать сопротивлению навязывания политической экспертизе чисто символической роли.

Список литературы

- Алексеев А.Н.* Публичная социология как стиль // *Общественная роль социологии* / Под ред. Романова П., Ярской-Смирновой Е. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – С. 53–64.
- Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики* / Редкол.: Н.Ю. Беляева (отв. ред), Ш.Ш. Какабадзе, Д.Г. Зайцев. –

- М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН, 2012. – 253 с.
- Бакистановский В.И.* Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы. – М., Знание, 1983. – 63 с.
- Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли: международный и российский опыт: Учеб. пособие. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – СПб., 2014. – 236 с.
- Балаян А.А.* Власть и интеллектуальная элита в условиях политических трансформаций. Опыт Европы, Юго-Восточной Азии и постсоветского пространства. – СПб.: Алтейя, 2015. – 138 с.
- Беляева Н.Ю., Зайцев Д.Г.* «Фабрики мысли» и «центры публичной политики»: два разных субъекта экспертного обеспечения политики // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2008. – № 1. – С. 26–35.
- Буравой М.* Публичная социология прав человека // Журнал социологии и социальной антропологии. – М., 2007. – Т. X, № 4. – С. 27–44.
- Буравой М.* За публичную социологию // Общественная роль социологии / Под ред. Романова П., Ярской-Смирновой Е. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – С. 8–51.
- Волюнкина Л.А.* Политическая экспертиза как фактор политического процесса: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Саратов, 2011. – 23 с.
- Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и вузов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение / Российский институт стратегических исследований. – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.riss.ru/analitika/2797-rossijskie-issledovatel'skie-tsentry-i-vuzy> (Дата обращения: 02.05.2015.)
- Казакова Е.В.* Экспертные сообщества России как современные политические институты: Автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2012. – 23 с.
- Кун Т.* Структура научных революций. – М.: АСТ, 2009. – 310 с.
- Малинова О.Ю.* Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука. – М., 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Назарчук А.В.* Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. – М., 2011. – № 5. – С. 99–103.
- Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / Под ред. Романова П., Ярской-Смирновой Е. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. – 224 с.
- Сабатъе П., Дженкинс-Смит Х.* Концепция лобби-коалиций: оценка // Публичная политика: от теории к практике. – СПб.: Алтейя, 2008. – С. 94–154.
- Сунгуров А.Ю.* Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. – М., 1999. – № 6. – С. 34–48.

- Сунгуров А.Ю. Инновации и их диффузия: к возможности использования концепции в социально-политической сфере // *Философские науки*. – М., 2010. – № 1. – С. 9–18.
- Сунгуров А.Ю. Экспертная деятельность и экспертные сети // *Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – С. 98–124.
- Сунгуров А.Ю. Экспертное сообщество, фабрики мысли и власть: опыт трех регионов // *Полис*. – М., 2014. – № 2. – С. 72–87.
- Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – 508 с.
- Хвостунова О.И. Эксперты как субъект политического дискурса в СМИ: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 2006. – 24 с.
- Черкасов П.П. ИМЭМО. Институт мировой экономики и международных отношений. Портрет на фоне эпохи. – М.: Весь мир, 2005. – 570 с.
- Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – 454 с.
- Cash D.W. «In order to aid in diffusing useful and practical information»: Agricultural extension and boundary organizations // *Science, technology and human values*. – Newbury Park, Calif., 2001. – Vol. 26, N 4. – P. 431–453.
- Guston D.H. Stabilizing the boundary between U.S. politics and science: The role of the office of technology transfer as a boundary organization // *Social studies of science*. – L., 1999. – Vol. 29, N 1. – P. 87–112.
- Guston D.H. Between politics and science: Assuring the integrity and productivity of research. – Cambridge, UK: Cambridge univ. press, 2000. – 213 p.
- Guston D.H. Boundary organizations in environmental policy and science: An introduction // *Science, technology, and human values*. – Newbury Park, Calif., 2001. – Vol. 26, N 4. – P. 399–408.
- Hellström T., Jacob M. Boundary organizations in science: From discourse to construction // *Science and public policy*. – N.Y., 2003. – Vol. 30, N 4. – P. 235–238.
- Hoppe R., Wesselink A., Cairns R. Lost in the problem: the role of boundary organizations in the governance of climate change // *Wiley interdisciplinary reviews. Climate change*. – Hoboken, N.J., 2013. – Vol. 4, Is. 4. – P. 283–300.
- Jasanoff S. Quality control and peer review in advisory science // *The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance* / Ed. by Lentsch J., Weingart P. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – P. 19–35.
- Medvetz T. Murky power: «Think tanks» as boundary organizations // *Rethinking power in organizations, institutions, and markets research in the sociology of organizations*. – Bingley: Emerald, 2012. – P. 113–133.
- Miller C. Hybrid management: Boundary organizations, science policy, and environmental governance in the climate regime // *Science, technology, and human values*. – Newbury Park, Calif., 2001. – Vol. 26, N 4. – P. 478–500.
- O'Mahony S., Bechky B.A. Boundary organizations: Enabling collaboration among unexpected allies // *Administrative science quarterly*. – N.Y., 2008. – Vol. 53, N 3. – P. 422–459.

- Oreskes N.* Science and public policy: what's proof got to do with it? // Environmental science and policy. – Cambridge, 2004. – Vol. 7, N 5. – P. 369–383.
- Oreskes N.* Reconciling representation with reality: unitization as example for science and public policy // The Politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance / Ed. by Lentsch J., Weingart P. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – P. 36–53.
- Owens S.* Knowledge, advice and influence: the role of the UK royal commission on environmental pollution, 1970–2009 // The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance / Ed. by Lentsch J., Weingart P. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – P. 73–101.
- The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance / Ed. by Lentsch J., Weingart. P. – Cambridge: Cambridge university press, 2011. – 381 p.
- Rich A.* Think tanks, public policy, and the politics of expertise. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – 258 p.
- Sarewitz D.* Looking for quality in the wrong places, or: the technological origin of quality in scientific policy advice // The Politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance / Ed. by Justus Lentsch and Peter Weingart. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – P. 54–70.
- Steffler C.* International commission on radiological protection: Policy and worldwide standards // The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance / Ed. by J. Lentsch and P. Weingart. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – P. 102–114.
- Think tank traditions: Policy analysis across nations / Ed. by Stone D., Denham A. – Manchester: Manchester univ. press, 2004. – 322 p.

ИДЕИ И ПРАКТИКА

А.Н. КУЛИК

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ: К ВОПРОСУ О РОЛИ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В УСТАНОВЛЕНИИ ПОВЕСТКИ ДНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Формирование национальной повестки дня как картины желаемого будущего, без которой теряется самый смысл существования общества, является наиболее сложным и ответственным политическим проектом. Публичность этого процесса и участие в нем интеллектуалов имеют решающее значение для успешного развития нации. Проблема ответственности интеллектуалов перед обществом – предмет постоянной рефлексии в дискурсе социально-гуманитарного научного сообщества на Западе и в России².

Интеллектуалов, активно вовлеченных в публичную политику, Роберт Даль называет элитами публичной политики – *public policy elites* [Даль, 2003, с. 510].

Публичные интеллектуалы не составляют организованного профессионального сообщества со своими групповыми интересами и могут являться специалистами в разных сферах деятельности. Однако для участия в формировании национальной повестки дня требуются профессиональные знания из комплекса общественно-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РГНФ № 13–0300553 а.

² Противопоставление российской интеллигенции западным интеллектуалам, на наш взгляд, не оправдано.

научных дисциплин, носителями которых являются, в первую очередь, интеллектуалы, принадлежащие к гуманитарному академическому и экспертно-аналитическому сообществам.

В предлагаемой статье предпринимается попытка найти подход к оценке возможностей участия публичных интеллектуалов в установлении национальной повестки дня России в условиях режима электорального авторитаризма, сформировавшегося в 2000-е годы.

Установление повестки дня

Повестка дня определяется как перечень проблем, подлежащих обсуждению членами некоего сообщества. Обычно она включает также и программу действий по их решению, принятую заинтересованным сообществом, и соотносится с некоторым моментом или периодом времени, который определяет ее актуальность.

Проблема возникает в сообществе тогда, когда им осознается расхождение между сущим состоянием и / или трендом развития и состоянием желаемым. Осознание расхождения инициирует постановку цели и выработку программы действий по приведению сущего в соответствие с желаемым или с реально достижимым приближением к нему.

Установление *национальной повестки дня* в нормативной демократической парадигме предполагает активное *политическое* участие граждан страны, т.е. их «участие в делах государства», поскольку только государство имеет легитимные правовые и властные полномочия принимать решения на национальном уровне и распоряжаться общественными ресурсами.

В процессе принятия решений в государственном управлении установление повестки дня (*agenda setting*) является ключевой стадией. На этой стадии определенные проблемы общества идентифицируются как *политические*, т.е. как требующие для своего решения действий со стороны государства. Национальная повестка дня задает цели всей последующей политике государства, оказывая тем самым решающее влияние на социально-экономическое и институционально-политическое развитие страны.

Исследователи различают *публичную (или системную) повестку дня как совокупность проблем, необходимость решения ко-*

торых государством или с его помощью разделяется всем обществом; и политическую (или институциональную) – как набор проблем, принятых властью к рассмотрению в качестве приоритетных. У этих повесток разные субъекты формирования, по причине чего их содержание может не совпадать [см.: Роль СМИ ... 2012].

В открытых политических системах формирование публичной повестки дня – это та область политической деятельности, где особенно важна способность интеллектуальной элиты критически осмысливать происходящие в обществе процессы, идентифицировать болевые точки и генерировать новые идеи для формирования политических стратегий и программ государства с позиций гражданской ответственности. В то же время само государство часто выступает инициатором определения круга проблем общества, требующих решения. Однако исполняя эту функцию, государства нередко исходят из корпоративных интересов правящей верхушки, а также ее стремления сохранить действующий режим власти и контроль над политическими и экономическими активами.

Успех реализации целей, заявляемых властью в своей повестке дня, существенно зависит от того, насколько их разделяет общество. Данное ограничение заставляет власть стремиться к *социализации* своих целей, воздействуя всеми имеющимися в ее распоряжении средствами и способами на общественное сознание.

Один из известных исследователей феномена власти Стивен Льюкс утверждает, что высшая и наиболее коварная форма осуществления власти – это предотвращение в той или иной степени возможного недовольства людей путем формирования у них таких восприятий, знаний и предпочтений, которые обеспечили бы приятие людьми своих ролей в существующем порядке [цит. по: Ледаев, 2001, с. 36].

То, чьи интересы – правящей верхушки или общества – возобладают в национальной повестке дня, зависит от *публичности* процесса ее формирования, участия в нем гражданского общества и, прежде всего, интеллектуальной элиты как его части.

Проблема расширения публичности политического процесса актуализировалась в состоявшихся демократиях в последней четверти XX столетия. Граждане были не удовлетворены отсутствием институциональной возможности активно влиять на политику государства в период между выборами. Недовольство общества

породило запрос на политические реформы, призванные адаптировать институты представительной демократии, сложившиеся в XIX в., к меняющемуся социокультурному, технологическому, экономическому и политическому контексту XXI в., и расширить доступ граждан к процессу принятия решений [см.: Dalton, 2003].

Падение легитимности государства в глазах общества стимулировало разработку новой концепции правления. Она предусматривала создание каналов коммуникации граждан с властью, позволяющих им участвовать в выработке самих *правил игры*, определяющих отношения между ними, и осуществлять *контроль* над тем, как эти правила соблюдаются. (Одно из бытующих определений политики – *борьба за право устанавливать правила игры*.) Демократический контроль был призван предотвратить вырождение института делегирования властных полномочий и превращение его в институт их отчуждения.

Третья индустриальная революция (так называемая цифровая), начало которой датируется 1980-ми годами, создала технологические предпосылки реализации этой концепции. Интенсивное развитие интерактивных информационно-коммуникационных технологий и глобальной сети Веб 2.0, стремительное расширение доступа населения к Интернету, экспансия социальных медиа, таких как форумы, блоги, социальные сети, приложения на платформе *wiki* и другие сервисы, предоставляют в распоряжение общества и его интеллектуальной элиты новые инструменты и формы коммуникации, позволяющие значительно повысить эффективность политического участия. Меняется вся парадигма отношений между государством и гражданами в сторону смещения властного потенциала от государства к обществу.

Эволюция парадигмы управления привела к появлению в начале 2000-х годов концепции *правление в сотрудничестве* (*Collaborative Governance*), которая получила практическое воплощение в *Инициативе «Открытое правительство» (OGI)*. Мотивация – вызовы, с которыми сталкивается сегодня правительство, слишком велики, чтобы оно могло справиться с ними в одиночку [см.: Miller, 2009, р. 54–56]. Используя интеллектуальный потенциал общества, государство стремится минимизировать риск появления неблагоприятных социально-политических последствий недостаточно обоснованных решений.

В абстрактно-нормативном подходе установление национальной повестки дня предполагает, как отмечалось выше, участие в делах государства всех или, по крайней мере, большинства граждан. Для этого они должны иметь возможности и желание участвовать в политике и обладать знаниями о функционировании политической системы, достаточными для принятия рациональных решений.

В отличие от этой абстрактно-нормативной посылки, население большинства стран в массе своей далеко не всегда обладает необходимым знанием о политике и желанием принимать в ней участие¹. Р. Даль, ссылаясь на данные по ряду стран, утверждал, что последовательная система политических убеждений присуща лишь незначительному *меньшинству* людей, тогда как у *большинства* она находится на зачаточном уровне [Даль, 2003, с. 401].

Выход из ситуации, когда большая часть граждан не обладает должным знанием и желанием участвовать в политике, видится на теоретическом уровне в конституирующих принципах теории *демократии*. Ее интерпретация демократии отличается от традиционной тем, что главным источником легитимности власти в современном фрагментированном обществе считает не победу одной из сторон (*большинства*) в результате голосования, а постоянное заинтересованное и просвещенное обсуждение актуальных проблем в публичной сфере. В общественном диалоге через сопоставление позиций, аргументов и контраргументов, рефлексию и саморефлексию формируется консенсус общественного мнения относительно ценностей и долгосрочных целей развития, отвечающих интересам всего общества, с учетом исторического, культурного и социального контекстов [см.: Зайцев, 2013].

Паттерны правления, основанные на концепции *правления в сотрудничестве*, включают элементы как представительной, так и прямой демократии, но делают акцент на повышении эффективности *общественного диалога* как на условии продуктивного взаимодей-

¹ Тенденция игнорировать политику сохраняется на протяжении десятилетий, несмотря на рост уровня образования населения и беспрецедентное повышение доступности информации благодаря широкому распространению ИКТ. Так, в США, например, в опросе 2006 г. выявилось, что 42% граждан не смогли даже назвать три ветви государственной власти. В других странах ситуация с политическим знанием не лучше [Somin, 2013].

ствия граждан с государством. Общественный диалог – поле деятельности публичных интеллектуалов.

Партисипаторная демократия как форма правления, в которой все или большинство граждан непосредственно участвуют в принятии решений, эффективна, прежде всего, на уровне местного самоуправления, где на повестку дня выносятся проблемы организации повседневной совместной жизни – формирование местного бюджета, функционирование учреждений образования и здравоохранения, утилизация бытовых отходов и т.п. Для их решения часто достаточно наличия у членов сообщества личного жизненного опыта и обыденного здравого смысла.

По мере увеличения числа, масштаба и сложности выносимых на повестку дня проблем растет барьер гражданской компетентности. Для участия в обсуждении публичной повестки дня, куда выносятся проблемы институционально-политического и социально-экономического развития страны, явно недостаточно компетенции рядовых граждан, их возможности тратить время и усилия на то, чтобы разобраться в вопросах устройства и функционирования политической системы. От участников дискуссии по таким проблемам требуются профессиональные знания в экономике, праве, социологии, политологии, демографии и других областях гуманитарного знания о жизнедеятельности общества. На первый план выходят публичные интеллектуалы, принадлежащие к научному сообществу и обладающие в силу своей профессиональной деятельности необходимым знанием.

Публичные интеллектуалы и власть

Право публичных интеллектуалов, как и всех граждан, «участвовать в управлении делами государства», а соответственно, и в установлении национальной повестки дня, закреплено Конституцией РФ. В какой мере они могут реализовать это свое право на политическое участие, т.е. на *действия и взаимодействия, имеющие целью повлиять на процесс формирования и осуществления политики органами государственной власти и их должностными лицами*, зависит, прежде всего, от характера правящего режима,

публичности процедур принятия решений и состояния гражданского общества.

Эксперты *The Economist Intelligence Unit* отнесли Россию по результатам исследования «Индекс демократии стран мира 2014» на 132-е место в совокупности 167 стран, которое находится в категории *авторитарных режимов*¹. Российские исследователи предпочитают использовать термин *электоральный авторитаризм*. Но в любом случае отличительной чертой таких режимов является сосредоточение реальной власти в руках одного человека или узкой группы людей и отстранение общества от участия в принятии решений.

Аналитический еженедельник *Коммерсантъ-Власть* в 2013 г. попытался проследить, как принимаются властью решения в сфере внутренней политики. По неофициальному свидетельству чиновников Администрации президента, как сообщает еженедельник, все стратегические решения принимает лично президент В. Путин [см.: Сурначева, 2013]. Управление внутренней политикой (УВП) Администрации обеспечивает прохождение президентских законопроектов в Государственной думе². Хотя далеко не все важные для Кремля законопроекты вносятся от имени президента, именно в Кремле придуманы и разработаны многие из громких «депутатских» инициатив. Владислав Сурков, проработавший до 2011 г. первым заместителем главы Администрации, все общественно-политическое пространство воспринимал как «абстрактный декоративный садик» и, по словам его знакомых, «не стеснясь, называл участников этой игры в партии, общество и культуру клоунами» [цит. по: Сурначева, 2013]. Не сговариваясь с ним, депутат

¹ Индекс рассчитывается по 60 показателям на основе экспертных оценок и результатов опросов общественного мнения. В первом выпуске Индекса в 2006 г. Россия занимала 102-е место и находилась в категории *гибридных режимов* [Economist intelligence unit, 2014].

² Общественное мнение, по данным Левада-центра на январь 2014 г., оценивает деятельность депутатов Думы следующим образом: 27% респондентов ответили, что деятельность Думы сводится к обслуживанию политического курса Путина, и она, прежде всего, принимает законы, инициированные Администрацией; 37% – что депутаты в основном занимаются решением своих личных проблем, 23% ничего не знают о работе Думы или затрудняются ответить; и 13% полагают, что Дума принимает законы, нужные для России [Деятельность Общественной палаты... 2014].

Государственной думы четырех созывов, член Центрального политсовета «Единой России» и действительный государственный советник РФ Евгений Федоров сравнивает Госдуму со спектаклем, а себя с артистом, чьей главной функцией является отвлечение «внимания граждан от истинных механизмов принятия решений» [Терентьев, 2014].

Хотя, как отмечает аналитический еженедельник, с приходом Вячеслава Володина стиль руководства УВП несколько изменился, «в действительности большинство методов остались прежними» [Сурначева, 2013].

Публичность политики предполагает постоянное участие интеллектуалов в процессе принятия политических решений. Одним из каналов, по которому публичные интеллектуалы гипотетически могут обратиться при поддержке общества к власти, является *Российская общественная инициатива (РОИ)* – интернет-ресурс, открытый в 2013 г. для, как заявлено, участия граждан в управлении государством через размещение инициатив по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Экспертная рабочая группа РОИ, учитывая *мнение заинтересованных государственных ведомств*, должна принимать решения по набравшим более 100 тыс. подписей инициативам [Что такое РОИ, б.г.]. На 9 февраля 2015 г. рассмотрено шесть таких инициатив, до законодательного оформления не дошла ни одна [Кремль, Минюст... 2015].

Особую значимость участие публичных интеллектуалов приобретает во время президентских избирательных кампаний. В соответствии с Конституцией РФ президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Предвыборная программа кандидата потенциально представляет собой национальную повестку дня как минимум на срок президентских полномочий. В открытой политической системе кандидаты в ходе избирательной кампании представляют на суд общества конкурирующие системы целей, которые они обязуются реализовать в случае избрания. В этот период активизируются структуры гражданского общества, прежде всего экспертно-аналитические и академические сообщества. Они стремятся предложить обществу и кандидату в президенты для его программы свое видение будущего страны и пред-

ставление о комплексе требующих первоочередного решения национальных проблем.

Алексей Чеснаков, проработавший заместителем начальника УВП с 2001 по 2008 г., вскоре после президентских выборов 2012 г. достаточно четко обрисовал модель отношения власти к публичным инициативам: «В последние дни количество рекомендаций, планов и “дорожных карт” для нового президентского срока Владимира Путина, предъявленных на суд общественности экспертами, политологами и журналистами, превышает любые привычные объемы... “На стороне” писать спецплан лично для Путина нет особой необходимости – способность самостоятельно формулировать политические цели и механизмы их достижения он продемонстрировал в недавних статьях [имеется в виду цикл предвыборных статей]. На реализацию этих целей он получил полноценный мандат на общенародных выборах, и вряд ли большинство советов тут могут что-то радикально изменить» [Чеснаков, 2012].

Отношение В. Путина к рекомендациям «со стороны» сложилось еще во время его первого президентского срока. Его полпред в Думе в то время, Александр Котенков, объяснял в 2001 г. депутату Виктору Похмелкину, когда тот попытался критиковать поправки президента в УПК: «Президент не ошибается» [Стеркин, 2013].

За последние годы интеллектуалы из академического сообщества неоднократно обращались к президенту с открытыми письмами, содержащими критику проводимой властью политики: о катастрофическом состоянии фундаментальной науки в России [Фундаментальная наука... 2009], об экономической политике [Гринберг, 2012], о разрушительной реформе РАН [Алферов, 2013] и др. Ощутимого воздействия на формирование повестки дня эти обращения не оказали.

В. Путин фактически был и остается единственным публичным, в значении *широко известным обществу*, политическим субъектом, определяющим содержание повестки дня. Таковым его, по крайней мере, представляет обществу его окружение. В. Володин заявил на форуме «Валдай» в октябре 2014 г.: «Есть Путин – есть Россия. Нет Путина – нет России» [цит. по: Сивкова, 2014].

Целеполагание для стратегического развития страны является одной из главных функций государства. Политические проекты, определяющие желаемое будущее страны, оформляются в виде

программно-стратегических документов. В соответствии с принципами *правления в сотрудничестве* они создаются в условиях публичности, гражданского участия и последующего контроля общества за исполнением принятого. Работа над национальными целеполагающими документами становится процессом гражданского диалога и институционализированного взаимодействия общества и государства, формирования консенсуса относительно приоритетов развития.

В России создание основных целеполагающих документов федерального уровня – Стратегии социально-экономического развития страны до 2010 года (Программа Грефа), Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года и Стратегии 2020 – не привело к достижению запланированных результатов. Александра Шубенкова, посвятившая диссертацию исследованию роли программно-стратегических документов в государственной политике РФ, приходит к выводу, что их неэффективность обусловлена спецификой режима, приоритетом которого является *сохранение политического статус-кво*, в то время как *реализация политики развития* – вторична [Шубенкова, 2014].

Главные полномочия в определении целей и приоритетов развития принадлежат исключительно президенту и его окружению в аппарате исполнительной власти. Принятый в 2014 г. закон о стратегическом планировании юридически закрепляет эту существовавшую де-факто модель формирования стратегической повестки дня [Федеральный закон... 2014]. В соответствии с законом президент является ключевым участником стратегического планирования на всех его стадиях; его ежегодные послания (подготавливаемые в закрытом режиме сотрудниками Администрации) поставлены на первое место в категории документов, разрабатываемых в рамках целеполагания. В то же время гражданское общество не получило институциональных механизмов участия в разработке стратегических документов в качестве партнера государства¹.

¹ В тексте закона президент в качестве главного участника процесса планирования упоминается 49 раз. Об участии гражданского общества закон говорит крайне скупо и неопределенно: «К разработке документов стратегического планирования *могут* привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации *с учетом требований законодательства Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и иной охра-*

Описанная практика принятия решений не означает, что Администрация президента не пользуется услугами экспертно-аналитических структур. Ее основными ресурсами являются Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ), возглавляемый Дмитрием Бадовским, который до его создания в 2012 г. работал в УВП, и Фонд развития гражданского общества (ФОРГО), руководимый Константином Костиным, главой УВП. За первый год своего существования ИСЭПИ превратился в «выносной аналитический департамент» Администрации, который готовит для В. Володина аналитические продукты, занимается политическим планированием и «конструирует “Народный фронт”». Институт получил статус одного из операторов-распределителей президентских грантов на НКО. ФОРГО специализируется на подготовке аналитических материалов в области политики, регионального развития и современных медиа. В том числе – о роли НКО и распределении иностранных грантов среди них, о протестных настроениях, о фильтрации контента в Интернете [Малинова, 2013].

Администрация президента формирует государственное задание (информация о его содержании носит конфиденциальный характер) Российскому институту стратегических исследований. Институт образован указом президента и финансируется его Управлением делами. Нынешним руководителем РИСИ является бывший начальник информационно-аналитического управления Службы внешней разведки. В разгар нынешнего международного политического кризиса и обострения отношений России с западными партнерами РИСИ опубликовал на своем сайте доклад о деятельности российских исследовательских центров, научных учреждений и вузов гуманитарного профиля, получавших гранты на проведение исследований от зарубежных грантодателей, обвинив их в деятельности, направленной против интересов государства. Цель доклада – призыв к распространению действия Закона № 121-ФЗ об НКО – иностранных агентах на исследовательскую деятельность и к проверке на соответствие критериям иностранного агента Московского центра Карнеги, ПИР-центра, Фонда «Новая Евразия»,

няемой законом тайне» (курсив мой. – А.Н.). Фактически разработка документов, определяющих будущее общества, закрыта от него завесой секретности, а решение об участии (или отказе в участии) в ней организаций гражданского общества отдано на откуп властным структурам.

Левада-центра, РАПН, Института социологии РАН, структур при Российской экономической школе, РАМИ [Методы и технологии... 2014].

В целом в отношении власти к интеллектуальной элите прослеживается нежелание воспринимать ее как партнера в формировании повестки дня.

Интеллектуальная элита, СМИ и общество

Интеллектуалы добивались успеха в диалоге с властью, *опираясь на гражданское общество*, выступавшее субъектом демократических преобразований и заставлявшее власть идти на уступки [см., например: Балаян, 2010]. Участие публичных интеллектуалов заключается, прежде всего, в том, чтобы внести, через СМИ и каналы массовой коммуникации, в публичную сферу, где формируется общественное мнение, вскрытые проблемы, обосновать в процессе гражданского диалога их актуальность и мобилизовать поддержку социума, с тем чтобы побудить власть к их рассмотрению.

В таком контексте концепты *публичная сфера, гражданское общество, общественное мнение, публичная политика, гражданский диалог* отражают социальную реальность открытой политической системы. Насколько адекватны они в отношении российского режима правления, который различные авторы обозначают как *путинизм, авторитарное правление, электоральный авторитаризм*? В какой мере интеллектуалы обладают возможностью участия в гражданском диалоге и обладает ли российское общество достаточным потенциалом для того, чтобы заставить режим считаться с собой?

Как свидетельствует мировой опыт, правящие элиты видят в самоорганизации общества наибольшую угрозу своей монополии на власть. Тоталитарные и авторитарные режимы не позволяют развиваться внутри себя гражданскому обществу, они «всегда систематично старались избавиться от групп, выступающих в качестве посредников между личностью и государством» [см.: Липсет, 1992]. Им проще иметь дело с атомарными индивидами, не способными противостоять пропагандистской, административной и репрессивной мощи огромной государственной машины, чем с организованным гражданским обществом и его интеллектуальной элитой.

В ноябре 2013 г. Комитет гражданских инициатив¹ созвал Общероссийский гражданский форум «Повестка дня для России». Участники форума говорили о том, что «...сегодня Кремль вместе с официальными СМИ ведет мощнейшую контрпропаганду против гражданских активистов: дескать, все они – наймиты западных спецслужб. Именно на эту же цель работают и “показательные” судебные процессы, включая дело участников митинга на Болотной площади. Говорилось о принудительном закрытии ассоциации “Голос”, которая занималась независимым наблюдением на выборах и разрабатывала проект избирательного закона, о давлении на Московскую школу политических исследований». По словам председателя Московской хельсинкской группы Людмилы Алексеевой, сегодня гражданское общество в России сталкивается с таким жестким «завинчиванием гаек», какого не было даже в позднесоветское время [Чаблин, 2013].

Контрпропаганда официальных СМИ оказывает мощное воздействие на общественное мнение. Подводя итоги исследованию его состояния в 2013 г., руководитель Левада-центра Лев Гудков фиксирует результат этого воздействия: «Поскольку большинство скандальных законов затрагивают такие стороны общественной жизни, с которыми рядовой гражданин ежедневно не сталкивается, собственное мнение о происходящем он составить не в состоянии. Люди довольствуются мнениями, спущенными сверху, и получается, что все законы вроде бы полезны и соответствуют текущей политической повестке» [Откуда россияне узнают... 2013].

СМИ, как полагает известный исследователь массовой коммуникации Д. Маккуэйл, являются («вероятно») ключевым институтом публичной сферы, определяющим ее «качество» [цит. по: Политические коммуникации... 2013, с. 11]. В нормативном подходе им отводится функция коммуникатора, стоящего между властью и обществом и сообщаящего обществу о решениях, принимаемых властью, а власти – о проблемах общества.

Однако СМИ не придерживаются роли нейтрального посредника. В процессе коммуникации с аудиторией СМИ могут на-

¹ Комитет гражданских инициатив, возглавляемый экс-министром финансов Алексеем Кудриным, – общественная организация, созданная в 2012 г. Основной своей целью Комитет считает объединение профессионалов, совокупный авторитет которых поможет донести гражданские инициативы до любого уровня власти.

правленно ранжировать информационные поводы, выводить на первый план одни проблемы, оставляя в тени или игнорируя другие, отвлекать массовое сознание общества от реальных проблем, создавая искусственные сенсации. Конструируемая ими виртуальная реальность политики становится частью общественного сознания и руководит реальным поведением людей. В таком качестве СМИ служат средством социального контроля.

Феномен медиатизации политики, как полагают большинство исследователей, отчетливо проявляется в формировании повестки дня. Эта особая роль медиа позволяет даже исследователям говорить о существовании третьей, *медийной* повестки дня [Роль СМИ... 2012].

Левада-центр выяснил, из каких источников россияне узнают новости и каким из них они больше доверяют. Хотя проникновение Интернета и развитие сетевых коммуникаций в России в целом следуют глобальным трендам, телевидение сегодня остается самым популярным источником для 88% граждан, а более половины населения доверяет ему больше, чем каким-либо другим. По мнению 53% опрошенных, события в новостных выпусках на «Первом канале», «России» и НТВ освещаются «по большей части» беспристрастно, а по мнению 12%, – «совершенно объективно» [Политические коммуникации... 2013].

Потенциал воздействия на общественное сознание массмедиа и прежде всего телевидения с его способностью эффективнее других мифологизировать политическую действительность, делает их объектом пристального внимания власти, стремящейся превратить их в инструмент управления общественным мнением, формирования у людей таких восприятий, знаний и предпочтений, которые обеспечили бы приятие ими существующего режима.

Что представляют собой федеральные вещательные медиа России с наибольшим охватом населения, которым оно так охотно доверяет, и кто эти медиа контролирует?

• **Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания** – медиахолдинг, имеющий филиалы во всех регионах страны. Ему принадлежат общероссийский телеканал «Россия-1», общероссийский информационный телеканал «Россия-24», информационно-познавательный телеканал московского региона «Москва-24» (по заказу правительства Москвы), те-

леканал «История» о российской и мировой истории и ряд других каналов. Среди интернет-проектов ВГТРК – Государственный интернет-канал «Россия», информационный интернет-портал «Вести.ру». В рамках формирования третьего мультиплекса цифрового телевидения России холдингу поручено создание регионального общедоступного телеканала в каждом субъекте РФ. Ему переданы функции и имущество Гостелерадиофонда.

• **ОАО «ПЕРВЫЙ КАНАЛ»** охватывает 98,8% населения России. По состоянию на ноябрь 2012 г. контрольный пакет телеканала принадлежал государству (51%), 25% – «Национальной медиагруппе» Юрия Ковальчука¹, остальные акции – структурам Романа Абрамовича.

• **НТВ** – общероссийский телеканал круглосуточного вещания. Собственник – холдинг ОАО «Газпром-Медиа», ему же принадлежат ТНТ, радиостанции «Эхо Москвы», «Сити FM», Relax-FM, издательство «Семь дней» и другие СМИ. Фактический контроль осуществляет «Газпром», государству принадлежат 50% плюс 1 акция [Ad_Index.ru].

Независимость СМИ является одним из ключевых критериев публичности политики, необходимым условием эффективной деятельности публичных интеллектуалов. Международная неправительственная организация «Репортеры без границ» представила недавно очередной выпуск «Всемирного индекса свободы прессы 2014–2015». Индекс оценивает степень свободы, которой пользуются журналисты и информационные организации, включая печатные, вещательные и онлайн-СМИ, а также уважение властью этой свободы. Россия в списке 180 стран заняла 152-е место, после Гамбии, опустившись за год на четыре позиции [Всемирный индекс свободы прессы, 2015]².

¹ Председатель совета директоров и основной акционер банка «Россия», 132-й в Списке двухсот богатейших бизнесменов России – 2015 по версии журнала *Forbes* [Юрий Ковальчук, 2015]. НМГ владеет также 25,01% акций «СТС Медиа», 72,3% акций газеты «Известия», 100% акций радиостанции Русской службы новостей, новостным сайтом LifeNews.ru и рядом других медийных ресурсов.

² Исследование основано на методологии экспертных оценок. Выводы о состоянии свободы СМИ в той или иной стране делаются на основе 43 показателей, включая такие, как преследование журналистов (убийства, лишение свободы, физическое насилие и угрозы) и средств массовой информации (цензура, запреты и

Можно было бы сослаться, как это часто практикуется российскими политиками, на предвзятость западных специалистов и недостаточное знание ими реальной ситуации в стране. Но оценки *Всемирного индекса* коррелируются с результатами отечественных исследований. Так, Александр Соловьев приходит к выводу, что характер и содержание информационных потоков, инициируемых основными СМИ, целиком и полностью контролируется государством [Соловьев, 2013]. Контроль власти над национальными телеканалами и ведущими печатными органами дублируется самоцензурой журналистов, понимающих, чего хочет от них власть. Разнообразие позиций и точек зрения в СМИ допускается *исключительно в сфере сообщений, безопасных для власти*.

В результате, как отмечает социолог Борис Дубин, «уже на первом и втором путинском сроке (и тем более на третьем, под псевдонимом, и на четвертом) страна превратилась в придаток к телевизору. Тогда исследователи общественного мнения осторожно, между собой, обсуждали, что, вообще говоря, мы изучаем эффект СМИ, а не общественное мнение, о котором не может быть речи» [Дубин, 2014].

Система принятия государственных решений – эта сердцевина любого режима правления – отделена информационными барьерами от граждан и интеллектуальной элиты.

По данным Л. Гудкова, 85% граждан говорят, что не в состоянии влиять на принятие решений. При этом на вопрос: «Хотели бы вы оказывать влияние [на принятие политических решений], если бы у вас были возможности к этому?», – 80% также говорят «нет». Причина, как полагает Л. Гудков, состоит в том, что «технология господства власти держится на удержании масс в состоянии апатии и отказа от политического участия» [Гудков, 2014].

Гуманитарными научными сообществами проблемы общественной повестки дня обсуждаются преимущественно на своих профессиональных публичных площадках – семинарах, конференциях, конгрессах. Но они, по сути, изолированы от широкой пуб-

конфискации выпусков изданий, закрытие изданий), а также уровень самоцензуры в СМИ, степень их политической и финансовой зависимости, состояние правовой среды в сфере СМИ (штрафы, государственная монополия, существование регулирующего органа), возможность свободного доступа граждан к Интернету и пр.

лики. Генерируемые ими тексты циркулируют также в рамках их собственной профессиональной среды, не выходя за ее пределы.

Когда публичным интеллектуалам перекрыты каналы коммуникации с обществом, им весьма проблематично найти к нему дорогу и заручиться поддержкой, тогда как власть может навязывать обществу свою повестку дня, почти не оставляя возможности для трансляции иных взглядов.

По уровню влияния интеллигенция занимает в общественном мнении россиян, согласно данным опроса Левада-центра, предпоследнее 19-е место в списке 20 институтов, от президента до профсоюзов [Левинсон, 2015].

Вместо заключения: Какое будущее может быть у страны без интеллектуалов?

За последние полтора года российские ученые стали чаще уезжать из России [Калюков, 2015]. Среди основных факторов, препятствующих их возвращению, – усиливающиеся авторитарные тенденции, слабость гражданского общества, отсутствие свободы самовыражения (особенно важное для интеллектуальной элиты) [Меркушев, 2009, с. 31].

Н. Моисеев, размышляя в октябре 1993 г. о российской интеллигенции, ее судьбе и ответственности, писал: «Исчезновение интеллигенции или исключение ее из духовной жизни общества – это трагедия для нации. Это может кончиться ее нравственной смертью». Он считал, что «именно интеллигенция только и может» сформировать представление о желаемом будущем, о национальных целях, без видения которых «любому народу выжить очень трудно, а сохранить культуру невозможно» [Моисеев, 2002].

В октябре 2014 г. Л. Гудков констатирует: «Вы заметили, чтобы кто-нибудь говорил сегодня о будущем? Эта категория практически исчезла. Нет будущего. Есть апелляция к прошлому, героическому прошлому, к нашим традициям... Реально в стране и обществе, и это следствие авторитарного режима, стерилизующего, кастрирующего политику, то, что исчезла идея будущего. Никто не знает... В лучшем случае, говорят о катастрофизме. Вполне реально» [Гудков, 2014].

Список литературы

- Алферов Ж.И.* Открытое письмо президенту РФ В.В. Путину академика РАН Алферова Ж.И. – М., 2013. – 25 июля. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2013/07/30/alferov_to_putin/ (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Балаян А.* Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши // Пути модернизации. Траектории, развилки, тупики / В. Гельман, О. Маргания. (ред.). – СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. – С. 261–294.
- Всемирный индекс свободы прессы. Центр гуманитарных технологий. 2015 / Центр гуманитарных технологий. – М., 2015. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/worldwide-press-freedom-index/info> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Гринберг Р.С.* Открытое письмо президенту РФ В.В. Путину директора ИЭ РАН, члена-корреспондента РАН Р.С. Гринберга. – М., 2012. – 26 июня. – Режим доступа: http://inecon.org/docs/Letter_Grinberg_Putin.pdf (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Гудков Л.* В проекте «Эхо Москвы»: Российская элита на оси политических координат. – М., 2014. – 8 октября. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/exit/1413520-echo/> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Даль Р.* Демократия и ее критики / Пер. с англ.; под ред. М.В. Ильина. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/252191/> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Деятельность Общественной палаты и Госдумы: Пресс-выпуск // Левада-центр. – М., 2014. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/24-02-2014/deyatelnost-obshchestvennoi-palaty-i-gosdumy> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Дубин Б., Шубина М.* Нам нести всю тяжесть расплаты: Неопубликованное интервью. – М., 2014. – 21 августа. – Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/society/4319> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Зайцев А.В.* Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // NB: Проблемы общества и политики. – М., 2013. – № 5. – С. 29–44. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_689.html (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Калюков Е.* «Утечка мозгов» из России увеличилась за последние полтора года // РБК. – М., 2015. – 25 марта. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/24/03/2015/551134c29a794772d49866d> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Кому принадлежат российские телеканалы // Ad_Index.ru. – М., 2013. – 17 апреля. – Режим доступа: <http://adindex.ru/publication/analitics/channels/2013/04/17/98416.phtml> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Кремль, Минюст и МВД РФ сочли «антииностранный закон» излишним // РИА Новости. – М., 2015. – 9 февраля. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20150209/1046709244.html> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Левинсон А.* Наше «мы»: Самые влиятельные институты // Ведомости. – М., 2015. – 18 апреля. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/columns/2015/02/16/nashe-mi-samie-vliyatelnie-instituti> (Дата посещения: 21.05.2015.)

- Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. – М.: РОССПЭН, 2001. – Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/led/content.htm> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Липсет С.М.* Размышления о капитализме, социализме и демократии. – М., 1992. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-1.htm> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Малинова О.Ю.* Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука. – М., 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и вузов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение: Доклад / Российский институт стратегических исследований. – М., 2014. – 6 марта. – Режим доступа: <http://www.riss.ru/analitika/2797-rossijskie-issledovatel'skie-tsentry-i-vuzy> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Моисеев Н.Н.* Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993 гг. – М.: Тайдекс Ко, 2002. – Режим доступа: http://www.ccas.ru/manbios/kak_daleko_r.html (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Откуда россияне узнают новости: Пресс-выпуск // Левада-центр. – М., 2013. – 8 июля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/08-07-2013/otkuda-rossiyane-uznayut-novosti> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Политические коммуникации в изменяющейся России: Сб. науч. ст. / Тимофеева Л.Н. (ред.). – М., 2013. – 161 с.
- Роль СМИ в устранении рассогласованности «повесток дня» в России: к постановке проблемы // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. – Тамбов, 2012. – № 01(02). – С. 5–25. – Режим доступа: <http://www.pu.virmk.ru/arhiv/2012/01/02.pdf> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Сивкова А.* «Есть Путин – есть Россия. Нет Путина – нет России» // Известия. – М., 2014. – 22 октября. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/578379> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Соловьев А.И.* Медиаспособности государства как фактор развития российского общества: проблемы и практики // Политические коммуникации в изменяющейся России / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М., 2013. – С. 17–24.
- Стеркин Ф.* Человек недели: Дмитрий Медведев // Ведомости. – М., 2013. – 18 ноября. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/18872521/dmitrij-medvedev#ixzz2l03uiC7b> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Стратегия возвращения российской интеллектуальной элиты / Меркушев В.Н. (ред.). – М.: ЕСПИ, 2009. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/273/783.php> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Сурначева Е.* Центр управления демократией // Коммерсантъ Власть. – М., 2013. – № 15, 22 апреля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2167169> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Терентьев И., Соколов А.* 25 самых громких инициатив и поступков депутатов Госдумы в 2014 году // РБК. – М., 2014. – 31 декабря. – Режим доступа:

- <http://daily.rbc.ru/photoreport/31/12/2014/54a18bcd9a7947147c744e71> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – М., 2014. – Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?3641178> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Фундаментальная наука и будущее России: Открытое письмо ученых Президенту и Председателю Правительства Российской Федерации. – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/10/05/uchenye.html> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Чаблин А. Общество должно контролировать власть // Открытая. Для всех и каждого. – Ставрополь, 2013. – № 46 (589). – Режим доступа: <http://www.opengaz.ru/issues/46-589/obschestvo-dolzhno-kontrolirovat-vlast.html> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Чеснаков А. Шестью шесть // Известия. – М., 2012. – 10 мая. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/524018> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Что такое «Российская общественная инициатива» (РОИ)? – Б. г. – Режим доступа: <https://www.roi.ru/page/about/> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Шубенкова А. Программно-стратегические документы в государственной политике Российской Федерации: институциональный анализ: Диссертация ... кандидата полит. наук. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/sci/diss/126036383> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Юрий Ковальчук // Forbes. – М., 2015. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/profile/yurii-kovalchuk> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Dalton R.J., Scarrow S.E., Cain B.E. Democracy transformed?: Expanding political opportunities in advanced industrial democracies: Paper 03–04 / Center for the study of democracy, Univ. of California. – Irvine. 2003. – Mode of access: <http://repositories.cdlib.org/csd/03-04> (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Economist intelligence unit. Democracy Index 2014. – 2014. – Mode of access: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Democracy0115 (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Miller E.S. Using the web for greater government openness and transparency // The business of government. – Washington, D.C.: The IBM center for the business of government, 2009. – P. 50–54. – Mode of access: http://www.businessofgovernment.org/magazine_edition/fallwinter-2009-edition?page=1 (Дата посещения: 21.05.2015.)
- Somin I. Democracy and political ignorance // Cato unbound: A journal of debate. – Washington, D.C., 2013. – October 11. – Mode of access: <http://www.cato-unbound.org/2013/10/11/ilya-somin/democracy-political-ignorance> (Дата посещения: 21.05.2015.)

Д.В. ЕФРЕМЕНКО

**ФАБРИКИ МЫСЛИ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹**

14 августа 2014 г., выступая в Ялте перед членами фракций политических партий в Государственной думе, президент России Владимир Путин сделал примечательное заявление: «Крым может и сегодня сыграть уникальную, объединяющую роль для России, став своего рода историческим, духовным источником, еще одной линией примирения как красных, так и белых, для того чтобы нам окончательно излечить рану, нанесенную нашему народу в результате драматического раскола XX века, восстановить связь времен, эпох, единство исторического пути России, нашего национального сознания, провести своего рода культурную, историческую терапию» [Встреча с членами фракций... 2014]. Фактически это заявление означало увязку российского внешнеполитического курса, одним из результатов проведения которого стало возвращение Крыма в состав России, с решением задач по лечению глубоких травм, нанесенных российскому обществу на протяжении прошлого века. Одновременно из этого заявления следовало, что прежние методы социальной терапии были недостаточно действенными, и их пришлось дополнить весьма радикальными шагами в области внешней политики.

Между тем вплоть до последнего времени внешняя политика была если не предметом общероссийского консенсуса, то, во вся-

¹ Статья отражает результаты исследования, проводимого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 13-03-00553.

ком случае, темой, не вызывающей непримиримых противоречий внутри российского общества. Даже во время московской «недореволуции» рубежа 2011–2012 гг. оппозиционные силы демонстрировали индифферентность к внешнеполитической проблематике. Реакция оппонентов власти на внешнеполитические высказывания Владимира Путина в период президентской предвыборной кампании была довольно вялой; никто из них даже не пытался предложить какие-либо программные установки в этой области хотя бы в порядке реакции на статью кандидата в президенты, опубликованную в «Московских новостях» [Путин, 2012]. По всей видимости, нежелание оппозиционеров всерьез втягиваться в дискуссию по внешнеполитической проблематике было связано с тем, что альтернативная платформа не выглядела достаточно привлекательной с точки зрения мобилизации электората и политических активистов. По сути дела, оппозиция сохранила за Путиным монополию на определение и истолкование российской внешнеполитической повестки. Крайне невнятной остается позиция противников режима и во время украинского кризиса, поскольку радикальная критика действий власти пока лишь способствует их закреплению в нише политических маргиналов.

Очевидно, что в современной России нет дефицита внешнеполитических идей. Российское экспертное сообщество вполне в состоянии предлагать эти идеи *à la carte* или, по крайней мере, транслировать их от внешних источников генерации [см., напр.: Сергунин 2003; Цыганков А., Цыганков П., 2005]. На деле, однако, доминирующим подходом, оказывающим основное влияние на выработку российской внешнеполитической повестки, на протяжении двух последних десятилетий остается политический реализм. Во многом это обусловлено авторитетом патриарха российской школы политического реализма Е.М. Примакова, а также разочарованием части представителей российского экспертного сообщества в либеральном интернационализме вследствие политики Запада в отношении России на протяжении 1990-х годов [Зевелёв, 2012]. Преобладание данного направления внешнеполитической мысли связано также и с тем, что именно политический реализм восстанавливает преемственность в отношении внешнеполитических практик прежних этапов советской и российской истории, позволяя при этом избежать идеологической индоктринации. Разумеется, раз-

личные версии политического реализма не являются полностью деидеологизированными, но в целом данный подход позволяет формировать внешнеполитический курс на основе расчета баланса сил при минимальном обременении ценностными или политико-институциональными коннотациями.

В конечном счете соревнование внешнеполитических идей можно уподобить рыночной конкуренции, означающей поиск равновесия между предложением и спросом. Каковы же источники и механизмы формирования спроса на внешнеполитические идеи? Те или иные направления внешнеполитической мысли будут устойчивыми лишь в том случае, если они связаны со стабильными и влиятельными группами интересов, а сами эти интересы репрезентированы в соответствующих идеологемах. Понятно, что из-за разрывов исторической преемственности в XX в. у нас нет прямых соответствий течениям масштаба популистского джексоновства или либерального вильсонизма в США. Могли бы они появиться, если бы не эти разрывы? Несомненно, да. Ведь уже в парадигмальном для русского консерватизма тексте – в карамзинской «Записке о древней и новой России» [Карамзин, 1991] – историософская аргументация в пользу самодержавной «вертикали власти» спроецирована на вполне конкретные обстоятельства европейской политики после Тильзитского мира. Но если идеи Карамзина относительно природы российской власти отчасти применимы и к внутривнутриполитической ситуации в начале XXI в., то и его оценки бурной эпохи Французской революции и Наполеоновских войн, по крайней мере, окажутся поучительными для тех, кто пытается сориентироваться в сегодняшнем турбулентном мире. Быть может, чуть сложнее будет с «опрокидыванием» в современность внешнеполитических идей дореволюционных либералов. Скорее, случайностью выглядит аналогия между империалистическими устремлениями кадетского лидера Павла Милюкова и чубайсовской идеей «либеральной империи», которая в свое время вызвала непродолжительную оживленную полемику, но серьезного концептуального развития так и не получила.

Устойчивость и востребованность внешнеполитических идей напрямую определяются интересами влиятельных сил и артикуляцией этих интересов в публичном пространстве. В постсоветскую эпоху появились принципиально новые группы интересов, которые

на протяжении 1990-х годов вполне успешно осваивали публичное пространство, начиная с массмедиа. Воссоздание вертикали власти не означало устранение групп интересов – напротив, происходила их дальнейшая консолидация. Однако формы артикуляции и механизмы согласования различных интересов и разрешения конфликтов существенно изменились, будучи в период путинского президентства тесно привязанными к власти.

Возможность эмансипации групп внешнеполитических интересов может быть связана как с укреплением российского среднего класса и формированием его идентичности, так и с дальнейшим структурированием политической и экономической элит. По всей видимости, в ближайшие годы средний класс, как и другие крупные социальные группы, еще не будет в состоянии сформировать четкий запрос на то или иное направление внешней политики. Скорее, этот запрос останется размытым и внутренне противоречивым, чему еще более будут способствовать динамика украинского кризиса и усиление геополитической напряженности.

Российский городской средний класс, или «новые сердитые», как его представителей метко назвал Алексей Чадаев [Чадаев, 2011], информационно и технологически уже вполне интегрирован в глобализированный мир, но это не значит, что при жестком критицизме в отношении собственной власти и элиты он заведомо станет генерировать прозападный и промодернизационный запросы. Скорее, это будет установка на то, чтобы отношения России с внешним миром начали реально работать на его, среднего класса, интересы. Но представители критически настроенного среднего класса в числе первых откажут в поддержке той политике, которая будет реально работать лишь в интересах нескольких элитарных групп.

Что же касается российской элиты, то, несмотря на ее очевидную неоднородность, позволяющую говорить даже о наличии различных фракций со своими внешнеполитическими предпочтениями [Sakwa, 2011; Kaczmarek, 2014], наилучшим образом специфику ситуации описывает предложенная Юрием Пивоваровым метафора «властной плазмы», способной объединять даже несовместимые друг с другом кластеры элиты на основе специфического регулирования отношений «власть – собственность». Именно в этой аморфной субстанции разрешаются и возникают вновь конфликты между основными группами интересов [Пивоваров, 2006,

с. 162–167]. «Властная плазма» служит питательной средой для дальнейшего структурирования и дифференциации групп интересов. Погруженные во «властную плазму», представители элиты варятся в собственном соку, не испытывая сильной потребности во взаимодействии с массовыми группами. В связи с этим возникает вопрос о качестве нынешней российской элиты, о степени ее укорененности в современном российском обществе и об осознании ответственности перед обществом. Украинский кризис может привести к еще большей радикализации постановки этого вопроса, способствующей не только обновлению элиты, но – в среднесрочной перспективе – серьезным системным преобразованиям.

Наращение консервативных тенденций после президентских выборов 2012 г., фундаментальный сдвиг в российской внешней политике, произошедший в связи с событиями на Украине в 2013–2014 гг., и становящиеся все более настойчивыми попытки рассматривать геополитическую конфронтацию в идеологическом ракурсе ставят принципиально новые задачи перед экспертно-аналитическими группами и организациями. Эти организации часто образно именуют мозговыми центрами или фабриками мысли [см.: Аналитические сообщества... 2012; Сунгуров, Распопов, Беляев, 2012; Балаян, Сунгуров, 2014]. Согласно определению исследователей из Пенсильванского университета, осуществляющих под руководством Дж. Макгэнна ежегодный мониторинг мировых экспертно-аналитических организаций, мозговыми центрами (think tanks) являются организации, осуществляющие политико-ориентированные исследования, анализ и консультирование, которые дают возможность представителям государственных институтов и общественности принимать обоснованные решения по вопросам, имеющим политическую значимость [2014 global go to think tanks... 2014]. Такие центры действуют на постоянной основе, они могут быть аффилированы с государственными или корпоративными структурами либо иметь статус независимых экспертно-аналитических организаций.

В 2014 г. Россия имела 122 мозговых центра (согласно методологии подсчета специалистов из Пенсильванского университета) и, таким образом, занимала по их количеству восьмое место в мире¹.

¹ По данным Дж. Макгэнна и его коллег, в 2014 г. по численности экспертно-аналитических организаций лидировали: США (1830 организаций), Китай (429), Великобритания (287), Германия (194), Индия (192), Франция (177), Арген-

В регионе Восточной Европы Россия является безусловным лидером с точки зрения численности экспертно-аналитических структур; вслед за ней идут Румыния (54), Украина (47), Польша (41) и Венгрия (41). Вместе с тем с учетом таких показателей, как численность населения и размер ВВП, отрыв России не кажется столь впечатляющим. Достаточно сказать, что даже Эстония имеет целых 17 мозговых центров.

Разумеется, количественные показатели указывают на одни тенденции и игнорируют другие. В связи с этим предпринимаются попытки рейтингования экспертно-аналитических организаций. Специалисты из Пенсильванского университета составляют свой рейтинг на основе процедуры, включающей свободное номинирование организаций, ранжирование по 38 категориям на основе опроса экспертов, несколько раундов отбора лидирующих организаций [2014 global go to think tanks... 2014, p. 24–27]. Согласно их подсчетам, в число 150 ведущих экспертно-аналитических центров входят всего четыре российские организации: Московский центр Карнеги (26-е место в рейтинге Пенсильванского университета), Институт мировой экономики и международных отношений РАН (32-е место), Совет по внешней и оборонной политике / СВОП (98-е место), Московский государственный университет международных отношений / МГИМО (102-е место).

В деятельности экспертно-аналитических сообществ, специализирующихся на проблемах внешней политики, обороны и безопасности, проявляется ряд характерных особенностей. Основная из них состоит в том, что во всем мире процесс принятия политических решений в областях внешней политики, обороны и безопасности отличается высокой степенью централизации. Влияние существующих групп интересов на выработку решений проявляется по-разному, но принятие самих решений сосредоточено на вершине властной иерархии. Разумеется, применительно к нашей стране необходимо учитывать как эту особенность, так и историческую эволюцию экспертно-аналитической деятельности, исходной моделью которой было характерное для советской эпохи одноканальное взаимодействие между политической инстанцией

(заказчиком) и экспертной организацией (исполнителем). В этой модели вплоть до горбачёвской перестройки основными характеристиками были закрытость и эксклюзивность взаимодействия, зачастую – отсутствие устойчивой обратной связи (как бывало в ряде случаев, когда академические институты отправляли свои аналитические материалы в ЦК КПСС и другие инстанции политического управления). Необходимость придания большей публичности экспертно-аналитической деятельности была осознана во времена М.С. Горбачёва, причем в авангарде этого процесса шли именно эксперты по проблемам внешней политики и международной безопасности. Они выступали в роли пропагандистов и популяризаторов идей перестройки и нового политического мышления, преодоления конфронтации между СССР и Западом, подготовки и реализации программ разоружения на основе серии советско-американских соглашений. Осуществление этих задач давало экспертам-международникам возможность высказываться и по проблемам внутренней политики, расширять «пространство дозволенного» (характерным примером может служить первое после возвращения из горьковской ссылки публичное выступление академика А.Д. Сахарова в феврале 1987 г. на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества»). Вместе с тем активность в публичной сфере по преимуществу оставалась особенностью индивидуального стиля работы отдельных экспертов, близких к М.С. Горбачёву, – Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлева и других «прорабов перестройки».

Институциональные изменения в экспертно-аналитической деятельности, ориентированной на поддержку внешнеполитических решений, начали происходить уже в постсоветскую эпоху. С одной стороны, ликвидация политико-идеологической монополии КПСС создала серьезные проблемы для тех научных организаций, которые привыкли к одноканальной схеме взаимодействия с основным заказчиком. К тому же резкое сокращение бюджетного финансирования научных исследований в период гайдаровских реформ привело к снижению эффективности и сокращению кадрового потенциала академических институтов и государственных аналитических центров, осуществлявших экспертную деятельность. С другой стороны, в 1990-е годы открылись возможности

создания новых экспертно-аналитических организаций, функционирующих по стандартам зарубежных мозговых центров, действующих по модели многоканального взаимодействия с политическими инстанциями, влиятельными корпоративными акторами и другими группами интересов, гражданским обществом. Такие организации изначально ориентированы на то, чтобы использовать различные коммуникационные возможности воздействия на общественное мнение и через него оказывать дополнительное воздействие на процесс принятия политических решений.

Ярким примером нового типа экспертно-аналитических организаций, специализирующихся на проблемах безопасности и роли России в системе международных отношений, является Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), созданный в 1992 г. Образцом для создания СВОП был Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations / CFR) – один из наиболее авторитетных и влиятельных мозговых центров США. Будучи неправительственной организацией, СВОП стремится к привлечению к своей деятельности влиятельных политических и общественных деятелей, представителей крупного бизнеса, военно-промышленного комплекса, науки и образования. Такая широкая инклюзивная стратегия предполагает, что сама организация выступает в качестве платформы для диалога политиков и экспертов, придерживающихся различных взглядов на ту или иную проблему. В качестве форума, где высказываются различные идеологические позиции и экспертные оценки, СВОП нередко выходит за рамки внешнеполитической и оборонной проблематики, включаясь тем самым в общую дискуссию по животрепещущим проблемам прошлого, настоящего и будущего России¹. Вместе с тем СВОП является не только коммуникационной площадкой, но и экспертным центром, в деятельности которого чрезвычайно важную роль играет фактор лидерства, обеспечивающий «узнаваемость» этой фабрики мысли как в медийном отношении, так и в плане приверженности определенной политической стратегии. Сохранение индивидуального своеобразия экспертной организации особенно важно в условиях,

¹ Например, осенью 1998 г. СВОП выступил с инициативой ограниченной конституционной реформы, предусматривавшей сокращение властных полномочий Президента РФ и их перераспределение в пользу Правительства и Федерального собрания [см.: Заявление рабочей группы... 1998.].

когда на разных коммуникационных площадках выступает «хор» экспертов примерно с одним и тем же персональным составом, и его пополнение пока происходит довольно медленно.

Деятельность СВОП на протяжении двух десятилетий характеризовалась как подъемами, так и спадами. В отдельные периоды это было связано с вовлеченностью руководства СВОП в процессы, сопряженные со значимыми политическими и кадровыми изменениями. Например, критическая позиция многих экспертов СВОП по отношению к политической линии и дипломатическим методам, практиковавшимся российским МИДом в первой половине 1990-х годов, по всей видимости, способствовала смещению А.В. Козырева с поста главы внешнеполитического ведомства. В то же время поддержка председателем Президиума СВОП С.А. Карагановым Е.М. Примакова в 1999 г., очевидно, не слишком благоприятствовала безоблачному развитию отношений этого экспертного центра с кремлевским руководством (как до отставки Б.Н. Ельцина с поста Президента РФ, так и в начале путинского правления).

В случае СВОП ориентация на высокую степень публичности экспертно-аналитической деятельности и стремление играть активную роль в том, что можно назвать «производством смыслов», проявляются в поиске новых возможностей воздействия как на общественное мнение в России и за ее пределами, так и на людей, вовлеченных в процесс принятия политических решений. В 2002 г. С.А. Караганов выступил инициатором создания журнала «Россия в глобальной политике», рассматривая при этом в качестве примера, достойного подражания, журнал «Foreign Affairs», издаваемый американским Советом по международным отношениям. «России в глобальной политике» к настоящему времени во многом удалось занять нишу, сходную с той, которую среди ведущих американских изданий, специализирующихся на проблемах мировой политики, занимает «Foreign Affairs» (оба журнала находятся в партнерских отношениях). Обеспечивая высокий стандарт качества публикуемых статей и аналитических материалов отечественных экспертов, журнал, имеющий русскоязычную и англоязычную версии, одновременно стал новым каналом обмена идеями и оценками между российским и международным экспертными сообществами.

Еще одним успешным проектом СВОП стало создание в 2004 г. совместно с РИА «Новости» международного дискуссионного клуба «Валдай». Наряду с возможностями неформального общения и достаточно ярко выраженными элементами перформативности той части работы клуба, которая открыта для СМИ, основным фактором успеха проекта стало эксклюзивное общение ведущих российских и зарубежных политологов с Владимиром Путиным. Основной особенностью такого общения является не столько презентация российскому лидеру новых продуктов экспертно-аналитической деятельности, сколько ознакомление самих экспертов с оценками Владимиром Путиным широкого круга проблем международных отношений и развития страны. Очевидно, во многом благодаря устойчивости формата встреч экспертов с Владимиром Путиным клуб «Валдай» сумел доказать свою конкурентоспособность в негласном соперничестве с Ярославским политическим форумом (проводился в 2009, 2010 и 2011 гг.), основным ньюсмейкером которого был Дмитрий Медведев.

Период так называемой тандемократии (2008–2012) был ознаменован ситуативными, но достаточно показательными новшествами в деятельности нескольких ведущих экспертно-аналитических организаций. Видимость альтернативности вариантов развития страны, созданная самой ситуацией соправительства Владимира Путина и Дмитрия Медведева, а затем и «вброс» одним из дуумвиров тезиса о модернизации побудили ряд экспертных центров включиться в борьбу за колонизацию нового пространства политического дискурса. При этом создавалось впечатление, что участники развернувшейся дискуссии о модернизации рассматривают это пространство едва ли не как целину, где можно произвольно пренебрегать как теоретической традицией, так и глобальным контекстом [подробнее см.: Ефременко, 2014]. Для части экспертов наиболее важно было дать такое истолкование модернизации, которое бы подкрепляло позиции той или иной стороны в борьбе за изменение / сохранение политической модели «вертикали власти», внешнеполитической ориентации страны и даже за конкретное решение проблемы демонтажа правящего тандема (в рамках тех вариантов, которые считались возможными до объявления 24 сентября 2011 г. Владимира Путина кандидатом от «Единой России» на пост президента РФ).

Иначе говоря, в деятельности экспертно-аналитических сообществ существенно усилилась идеологическая направленность, чему в значительной степени способствовало стремление таких центров, как Институт современного развития (ИНСОР) и Институт общественного проектирования (ИНОП), презентовать свои аналитические продукты с использованием PR-технологий, обеспечивающих максимальный медийный эффект. Как подчеркивает О.Ю. Малинова, экспертные организации тем самым «вольно или невольно становились игроками идейно-символического поля, вовлекаясь в борьбу за доминирование развиваемых ими способов интерпретации социальной реальности» [Малинова, 2013, с. 193]. При этом противостояние фабрик мысли явно решало политтехнологическую задачу замещения реальной конкуренции политических партий: оппозиция «ИНОП против ИНСОРа» представлялась неким эрзацем двухпартийной системы [см.: Святенков, 2009, с. 13]. Впрочем, экспертам, выходившим на поле публичной политики, далеко не всегда удавалось верно оценить влияние своих предложений на ситуацию в стране.

В ходе конкурентной борьбы за овладение пространством модернизационного дискурса большую популярность приобрел тезис о фактической безальтернативности модернизации либо о заведомой неприемлемости возможных альтернатив. Этот тезис, нуждающийся в тщательном обосновании, во многих текстах, посвященных модернизации, оказывался постулатом. Так, например, в докладе Института современного развития «Обретение будущего. Стратегия 2012» провозглашалось, что «задача приведения к современности» через быстрое и радикальное системное обновление равнозначна решению вопроса о выживании страны [Обретение будущего... 2011, с. 4]. Практически на той же самой посылке «*aut – aut, tertium non datur*» основывался и доклад «Культурные факторы модернизации», подготовленный для Фонда «Стратегия 2020» рабочей группой под руководством А.А. Аузана: «Или страна совершает прорыв в современную развитую экономику, делает ставку на новые технологии, обновляет всю совокупность социально-экономических отношений, или безнадежно стагнирует, теряя молодые кадры и растрачивая природные ресурсы» [Культурные факторы модернизации, 2011, с. 3].

Постулирование безальтернативности модернизации неизбежно предполагает существование нормативного образца, по крайней мере, общего стратегического ориентира, в направлении которого должно двигаться модернизирующееся общество. С точки зрения выбора возможных ориентиров дискуссия о модернизации пошла по хорошо знакомым направлениям: социалистическое преобразование общества; преобразования в ходе строительства империи или сверхдержавы; трансформации, связанные с демократическим транзитом и созданием полнокровной рыночной экономики. Иначе говоря, сторонники различных идеологических подходов искали нормативную модель модернизации либо вовне (в прошлом и настоящем), либо на российской почве (только в прошлом). Эти установки имели и внешнеполитическую проекцию, что нашло свое отражение, прежде всего, в докладах и выступлениях представителей Института современного развития.

Особое местоположение ИНСОРа в специфической системе координат периода танDEMократии неизменно привлекало общественное внимание к интеллектуальной продукции этой фабрики мысли. ИНСОРовская оценка государственного патернализма как преграды модернизационным усилиям демонстрировала стремление ориентированной на третьего президента РФ части российской элиты демонтировать «путинскую вертикаль», а призывы к либерализации политического режима рассматривались с точки зрения «проблемы 2012». Внешнеполитические разделы докладов ИНСОРа выступали логическим продолжением этой линии, причем недостаточная проработанность соответствующих инициатив компенсировалась сенсационностью их подачи. Так, в получившем широкую известность докладе «Россия XXI века: Образ желаемого завтра» (2010) в числе ориентиров, которые могут быть достигнуты в результате осуществления программы модернизации, назывались вступление России в НАТО, обретение статуса стратегического союзника ЕС с перспективой полноправного членства в этом объединении, стратегическое партнерство с США, обеспеченное за счет заключения прорывных соглашений в области стратегической стабильности, разработки совместных программ противоракетной обороны, достижения баланса интересов на постсоветском пространстве, сотрудничества России и Америки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке. На этом фоне весьма

невнятным оставалось описание самостоятельной роли России на постсоветском пространстве (по мнению авторов доклада, сам этот термин уйдет в прошлое, зато сохранится понятие «ближнее зарубежье»). Предполагалось, что СНГ будет существовать и по завершении российской программы модернизации, но едва ли не единственным его значимым достижением станет создание Зоны свободной торговли. При этом красноречиво замалчивались интеграционные инициативы по развитию ЕврАзЭС и формированию Таможенного союза, которые к началу 2010 г. уже находились в процессе реализации¹. Не меньшей неопределенностью характеризовалось и описание перспектив китайско-российских отношений: авторы доклада предполагают некое балансирование в четырехугольнике США – Япония – Россия – Китай, а Шанхайскую организацию сотрудничества рассматривают в качестве механизма согласования интересов Москвы и Пекина.

Доклад ИНСОРа «Россия XXI века: Образ желаемого завтра» содержит примечательную характеристику внутри- и внешнеполитических последствий реализации модернизационной программы. Идеальное «постмодернизационное» будущее описывается в докладе так: «Конфронтация и изоляционизм стали недопустимой роскошью, а потребности в обретении новых технологий и развитии внешнеэкономических связей заставили искать новые подходы и компромиссы, заимствовать и переносить на российскую почву практики управления экономикой, социальной сферой и урегулирования конфликтов в обществе. Как поиск ресурсов для модернизации, так и укрепляющееся сотрудничество с развитыми странами сделали одним из приоритетов внешней политики демилитаризацию международных отношений» [Россия XXI века... 2010, с. 44–45]. Иначе говоря, модернизация, изначально понимаемая как способ технологического обновления и повышения экономической конку-

¹ Эта двусмысленность была отчасти преодолена в опубликованном в 2011 г. докладе ИНСОРа «Обретение будущего. Стратегия 2012», где вопросам межгосударственных отношений на постсоветском пространстве была посвящена значительная часть внешнеполитического раздела, написанного С.А. Куликом и И.Ю. Юргенсом. Характерной особенностью подхода этих авторов к проблематике постсоветского пространства было стремление найти способ гармонизации интересов России в странах СНГ с императивом конструктивного сотрудничества с ЕС [см.: Обретение будущего... 2011].

рентоспособности, должна привести к институциональным изменениям и изменению внешнеполитических приоритетов.

Следует отметить, что сходной логикой характеризовалась совместная инициатива России и Европейского союза «Партнерство для модернизации», выдвинутая на саммите «Россия – ЕС» в Стокгольме в ноябре 2009 г. Инструментально-релятивистская трактовка модернизации, как казалось, могла предоставить в распоряжение Евросоюза механизмы влияния на трансформационные процессы в России и в то же время позволяла российским элитам не принимать на себя слишком жестких обязательств в части преобразования политических институтов. Вместе с тем сама инициатива «Партнерство для модернизации» была сформулирована сторонами таким образом, чтобы не подменять собой существующие «дорожные карты» переговоров о подготовке нового базового соглашения между Россией и ЕС. В результате эта инициатива не привела к развязке ни одной из крупных проблем в отношениях между Россией и ЕС, а ее суммарный эффект в целом соответствовал общему эффекту модернизационной риторики Д.А. Медведева для российской экономики и социальной сферы.

Вопросы европейской безопасности в экспертной деятельности ИНСОРа периода тандемократии во многом интерпретировались в контексте «модернизационного» диалога с ЕС и российско-американской перезагрузки. При этом ИНСОР даже в 2011 г. продолжал популяризировать безнадежно забуксовавшую инициативу Договора о европейской безопасности (ДЕБ), рассматривая гипотетическую возможность заключения этого соглашения в качестве необходимой предпосылки строительства «Общего евроатлантического пространства безопасности». В комментарии к этому разделу доклада А.А. Дынкин и В.Г. Барановский высказались довольно резко: «Так может, пора отказаться от ритуальных призывов поддержать идею Договора о европейской безопасности, которая все больше напоминает “чемодан без ручки” – и тащить неудобно, и бросить вроде бы жалко?» [Обретение будущего... 2011, с. 319]. В связи с этим уместно также вспомнить, что в начале июля 2010 г. на сайте госзакупок Управлением делами президента РФ был объявлен тендер на проведение исследования по теме «Договор о европейской безопасности: субстантивное наполнение, методы реализации, цели» (начальная стоимость контракта составляла 200 тыс. руб.).

Само объявление тендера на эту и другие НИР указывало на намерение кремлевского руководства упорядочить и сделать более прозрачными механизмы взаимодействия с экспертно-аналитическими сообществами. Однако в сентябре 2010 г., когда подводились итоги конкурса, появилась лишь лаконичная информация об отмене тендера, связанного с тематикой ДЕБ [см.: Габуев, Черненко, 2012], что, очевидно, свидетельствовало об осознании бесперспективности самой идеи Договора.

Гипертрофированное общественное внимание к активности ИНСОРа, с одной стороны, провоцировало чрезмерный и не всегда оправданный критицизм по отношению к продукции этого мозгового центра, но, с другой стороны, способствовало активизации работы других экспертно-аналитических групп и организаций. Период тандемократии и начало третьего срока президентства Владимира Путина можно считать своеобразным «звездным часом» для российских экспертных сообществ, представители которых, наряду с традиционными для фабрик мысли функциями политического консультирования, начинали играть более существенную идеологическую роль, отчасти замещая в этом качестве политические партии и группы политического влияния. Однако экспертная деятельность в области внешней политики и международных отношений лишь «по касательной» оказывалась затронутой вниманием общества. О проблемах внешнеполитической экспертизы недвусмысленно высказывались представители того же ИНСОРа, указывавшие на неудовлетворительное качество обратной связи государства с экспертными сообществами, потребность в восстановлении и создании новых экспертных школ и направлений, важность преодоления поколенческого разрыва в экспертной среде. Призывая к пересмотру концептуальных оснований внешнеполитической деятельности, И. Юргенс и С. Кулик подчеркивали необходимость учета мнений как российского общества и российских элит, так и общественного мнения и настроений элит тех стран, сотрудничество с которыми является для России приоритетным. В частности, они предлагали подумать о создании Экспертного общественного совета, в задачи которого будет входить повышение эффективности информационного обеспечения внешнеполитической деятельности [Обретение будущего... 2011, с. 289, 292, 294].

Ситуацию, при которой экспертно-аналитические сообщества играют роль чуть ли не основных выразителей различных политико-идеологических подходов, нельзя считать нормальной. Как минимум это свидетельствует о дисфункции политических партий. В условиях соправительства 2008–2012 гг. отдельные экспертные центры начали выполнять специфические функции глашатаев идей, которые в силу тех или иных обстоятельств не могли исходить напрямую от участников тандема. Более того, представители экспертных сообществ вольно или невольно становились соучастниками специфического модерирования политической дискуссии, когда вокруг их продукции создавался ореол «сокровенного знания», якобы выражающего подлинные намерения президента или премьер-министра. Неважно, что таких намерений в действительности могло и не быть: «приписывание» некоей совокупности программных установок, например, Дмитрию Медведеву способствовало поддержанию иллюзии политической альтернативности. Когда 24 сентября 2011 г. разрешилась интрига, связанная с определением дальнейшего политического лидерства, специфическая функция экспертных сообществ оказалась в основном исчерпанной.

Помимо объективного изменения внутривнутриполитической ситуации после начала третьего президентского срока В.В. Путина экспертные сообщества ощутили на себе и воздействие перемен в руководстве президентской администрации. С приходом В.В. Володина на должность первого заместителя руководителя Администрации президента вместо В.Ю. Суркова начали меняться подходы к взаимодействию с экспертными сообществами, в частности, стремление администрации несколько расширить круг московских экспертных центров, но при этом обеспечить их большую подконтрольность, в первую очередь, через механизмы финансирования. Несмотря на то что количество групп интересов, заинтересованных в экспертной поддержке, достаточно велико, в последние полтора года наблюдается явное снижение готовности таких групп выступать в качестве независимых заказчиков экспертно-аналитической продукции. В этих условиях зависимость экспертных сообществ от основного заказчика – государства – существенно возрастает.

Усиление государственного участия в процессах, связанных с экспертно-аналитической деятельностью, достаточно ярко проявилось и в том, что касается внешнеполитической проблематики.

В феврале 2010 г. указом президента РФ Д.А. Медведева была создана новая экспертно-аналитическая организация – Российский совет по международным делам (РСМД). В результате на площадке российских экспертных центров по внешней политике и безопасности появился суперигрок, в числе преимуществ которого не последнее место занимает мощная финансовая поддержка со стороны государства. По словам исполнительного директора Совета А.В. Кортунова, РСМД является платформой, которая сможет консолидировать имеющийся в России немногочисленный экспертный ресурс по внешней политике, а также решить системные проблемы при взаимодействии экспертов и власти [см.: Габуев, Черненко, 2012].

Весьма показательным отражением новых тенденций является эволюция деятельности ИНСОРа, который начиная с 2012 г. все больше ориентируется на внешнеполитическую проблематику. В частности, именно ИНСОП вошел от России в состав так называемого Совета советов – объединения ведущих экспертно-аналитических центров стран G20. В последнем, кстати, можно видеть проявление транснационализации активности экспертно-аналитических сообществ, которая явно идет вразрез с трендом усиления влияния государства на условия функционирования российских фабрик мысли.

Учреждение в 2012 г. Изборского клуба в качестве своеобразной государственнической антитезы большинству либерально-ориентированных экспертных центров и интеллектуальных форумов (включая клуб «Валдай») внесло свой вклад в формирование политико-идеологической платформы, на основе которой реализовывались меры по восстановлению российского суверенитета над Крымом и Севастополем, а также другие действия российского руководства в связи с украинским кризисом. Ярко выраженная антилиберальная идеологическая направленность, апелляция к традиционным культурным основаниям и моральным ценностям, характерные для Изборского клуба, возможно, выступают предвестниками еще более крутого разворота в процессе производства смыслов, который будет иметь прямое отношение и к внешнеполитической дискуссии.

Показательным примером привнесения идеологической составляющей в конкурентные отношения между различными экспертно-аналитическими организациями России стала публикация в феврале 2014 г. доклада Российского института стратегических

исследований «Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и вузов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение». Цель доклада состояла в том, чтобы показать, что экспертно-аналитическая деятельность ряда российских исследовательских центров, научных учреждений и вузов, по сути, подпадает под действие Федерального закона № 121 об НКО, выполняющих функции «иностранных агентов». Согласно докладу, эти организации «получают зарубежное финансирование и ведут политическую деятельность, оказывая влияние на формирование политики и общественного мнения» [Методы и технологии деятельности... 2014]. Авторы доклада считают деятельность таких структур не чем иным, как иностранной пропагандой. Еще большую «опасность» такой пропаганде придает экспертный дискурс, поскольку «данные структуры воспринимаются как носители тренда, и у российских экспертов вырабатывается стремление оставаться в тренде – т.е., по сути, мыслить в заданных парадигмах, подстраивать собственные высказывания под высказываемые позиции для поддержания популярности и собственной востребованности в массмедиа» [там же]. Среди организаций, ведущих такого рода деятельность, в докладе были названы Московский центр Карнеги, Российская ассоциация политической науки, Центр политических исследований России (ПИР-Центр), Левада-центр, Российская экономическая школа, Фонд «Новая Евразия», Российская ассоциация международных исследований, Институт социологии РАН. Следует отметить, что в докладе не просто перечислялись источники зарубежного финансирования этих организаций, но критически анализировалась их научная продукция.

Несомненно, что доклад РИСИ продемонстрировал не только новую модальность в отношениях конкуренции между экспертными сообществами, но и нарастающую нетерпимость в определенных кругах к плюрализму экспертных оценок. Сам доклад как будто бы не имел прямых последствий для упомянутых в нем организаций, а сфера действия ФЗ № 121 не была расширена за счет включения в нее научной и экспертно-аналитической работы. Тем не менее публикация доклада внесла свой вклад в изменение политико-идеологической атмосферы в стране.

Интересно отметить, что спустя несколько месяцев после демарша РИСИ в США был опубликован доклад «Америка плохо обслуживается финансируемыми правительством региональными исследованиями и программами по внешней политике», подготовленный сотрудником Фонда наследия М. Гонсалесом [Gonsalez, 2014]. Автор доклада напрямую связывает неудачи внешнеполитического курса администрации Б. Обамы с фундаментальными просчетами экспертного сообщества, с тем, что «прогрессивный академический консенсус» глубоко ошибочен в отношении ряда ключевых глобальных проблем, в том числе проблем российско-американских отношений. Гонсалес откровенно призывает к сокращению бюджетного финансирования соответствующих университетских программ и к наращиванию финансовой поддержки образовательных программ, связанных с национальной безопасностью.

Явные аналогии между докладами РИСИ и Фонда наследия заставляют задуматься о причинах, способствующих переводу конкуренции между экспертными группами и сообществами в подобную модальность. Для Америки, по всей видимости, основной причиной является углубление межпартийного раскола, спроецированное на экспертно-аналитическую деятельность. В случае России речь идет не о противостоянии оформленных политических сил, но о перманентном конфликте фракций, крайне условно соотносимых с «либерализмом» и «консерватизмом». Это все та же «властная плазма», но в довольно возмущенном состоянии, обусловленном нарастающей международной напряженностью и возможным перераспределением ресурсов между экспертными структурами.

Следует, однако, осознавать, что ограничение экспертной деятельности жесткими идеологическими рамками, сокращение возможностей как для публичных дискуссий с участием экспертов, так и для взаимодействия властных структур с экспертным сообществом довольно быстро может привести к снижению качества политических решений. Именно поэтому можно рассчитывать, что разнообразие мнений и аналитических подходов в российском экспертном сообществе будет сохранено и станет основой для разработки эффективной стратегии развития России в нестабильном мире.

Список литературы

- Аналитические сообщества в публичной политике: Глобальный феномен и российские практики / Н.Ю. Беляева (отв. ред.). – М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. – 253 с.
- Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли: Международный и российский опыт. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2014. – 236 с.
- Встреча с членами фракций политических партий в Государственной Думе // Президент России. – Ялта, 2014. – 14 августа. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46451> (Дата посещения: 23.05.2015.)
- Габуев А., Черненко Е.* По странам и стечениям обстоятельств // Коммерсантъ Власть. – М., 2012. – № 39 (993), 1 октября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2025883> (Дата посещения: 23.05.2015.)
- Ефременко Д.В.* В поисках модернизационных ориентиров в эпоху междуцарствия модерна // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 2. – С. 3–30.
- Заявление рабочей группы по политической стабильности Совета по внешней и оборонной политике. – М., 1998. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/politvnt/19_1/article.php?art=12 (Дата посещения: 09.11.2013.)
- Зевелёв И.* Реализм в XXI веке. Американо-китайские отношения и выбор России // Россия в глобальной политике. – М., 2012. – Т. 10, № 6. – С. 120–133.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – 125 с.
- Культурные факторы модернизации: Доклад. – М.; СПб.: Фонд «Стратегия 2020», 2011. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-5662.html> (Дата посещения: 03.11.2013.)
- Малинова О.Ю.* Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: Анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и ВУЗов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение: Доклад / Российский институт стратегических исследований. – М., 2014. – 97 с. – Режим доступа: <http://www.saveras.ru/wp-content/uploads/2014/03/doklad-smolin.pdf> (Дата посещения: 24.05.2015.)
- Обретение будущего. Стратегия 2012 / Институт современного развития. – М., 2011. – 322 с. – Режим доступа: http://polit.ru/img/ggl/future2012_15_02_2011.pdf (Дата посещения: 02.11.2013.)
- Пивоваров Ю.С.* Русская политическая традиция и современность / РАН. ИНИОН. – М., 2006. – 255 с.
- Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. – М., 2012. – 27 февраля. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (Дата посещения: 02.11.2013.)
- Россия XXI века. Образ желаемого завтра. – М.: ЭКОН-Информ, 2010. – 66 с.

- Сергунин А.А. Российская внешнеполитическая мысль. – Н. Новгород: НГЛУ, 2003. – 90 с.
- Святенков П. Институт двухпартийной экспертизы // Русский журнал. – М., 2009. – Вып. 26 (40), 16 ноября. – С. 13.
- Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России: Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис. – М., 2012. – № 4. – С. 99–116.
- Цыганков П.А., Цыганков А.П. Между западничеством и национализмом: российский либерализм и международные отношения // Вопросы философии. – М., 2005. – № 1. – С. 3–18.
- Чадаев А. Драматургия 2011-го // Взгляд. – М., 2011. – 21 марта. – Режим доступа: <http://vz.ru/opinions/2011/3/21/477289.html> (Дата посещения: 02.11.2013.)
- 2014 Global go to think tanks: Index report / Univ. of Pennsylvania. – Philadelphia, PA, 2015. – 171 p. – Mode of access: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks (Дата посещения: 02.05.2015.)
- Gonsalez M. America is ill-served by its government-funded area studies and foreign policy programs // The Heritage Foundation. – Washington, D.C., 2014. – August 25. – Mode of access: <http://www.heritage.org/research/reports/2014/08/america-is-ill-served-by-its-government-funded-area-studies-and-foreign-policy-programs> (Дата посещения: 02.05.2015.)
- Kaczmariski M. Domestic power relations and Russia's foreign policy // Demokratizatsiya: The journal of post-Soviet democratization. – Washington, D.C., 2014. – Vol. 22, N 3. — P. 383–409.
- Sakwa R. The crisis of Russian democracy. The dual state, factionalism and the Medvedevs succession. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2011. – 398 p.

В.Н. ЕФРЕМОВА

**ЭКСПЕРТНЫЕ РЕЙТИНГИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ
ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВ РЕГИОНОВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕЙТИНГОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ГУБЕРНАТОРОВ)¹**

В последние десять лет в российском публичном пространстве заметно вырос интерес к различного рода рейтинговой оценке. Рейтинги становятся инструментом демонстрации практических результатов в деятельности регионов, на основе которых правительство РФ распределяет бюджетные средства. В то же время именно рейтинги вызывали и продолжают вызывать споры и столкновение мнений. Особый резонанс в публичном пространстве имеют оценки эффективности / успешности глав регионов.

Экспертные оценки в виде систематически формируемых рейтингов региональных политиков в мире – не редкость. В США рейтинги используются как способ подведения промежуточных итогов перед очередными выборами глав штатов. Рейтинги – это показатели популярности того или иного политика, оценка его шансов перед предстоящими выборами. Их составлением на основе данных исследовательских и университетских центров и имеющих сведения о результатах деятельности глав штатов занимаются медиахолдинги, такие, как, например, «The Washington Post» [см., например: Blake, 2012; Sullivan, Blake, 2014] или «The New York Times» [Cohen, 2013]. Перед составителями, как правило, не

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 13-03-00 553 а.

стои□т задачи отобразить картину по всем штатам, они пытаются, скорее, дать свой прогноз относительно того, у кого из существующих губернаторов наиболее высокие (низкие) шансы на переизбрание в ближайшее время, какая из политических партий имеет большие шансы на победу в местных парламентах, а затем и в Конгресс.

Ситуация с российскими списками глав регионов несколько иная. Их продуцирование сегодня относится к сфере деятельности экспертного сообщества и специализированных аналитических центров, а средства массовой информации выступают как инструмент, с помощью которого результаты экспертных оценок доносятся до представителей широкой общественности. Парадокс заключается в том, что российские экспертные рейтинги не привязаны к электоральному процессу, а существуют помимо него. Кроме того, следует учитывать, что рейтинги появились в период отмены прямых выборов глав регионов (об этом речь пойдет ниже).

Мы попытаемся сосредоточиться на том, какое влияние на политическую ситуацию и взаимоотношение субъектов с федеральной властью в современной России оказывают существующие рейтинги деятельности глав регионов.

Регионализация экспертного дискурса в современной России

Нельзя сказать, что экспертным организациям не свойственно участвовать в жизни региональных политий. Скорее, наоборот – разнообразие электоральных практик, последовавшее после распада Советского Союза, привлекало в регионы и на места огромное внимание со стороны разного рода политических консультантов в части подготовки и сопровождения избирательных кампаний. Поле деятельности экспертов в регионах существенно снизилось в связи с отменой в 2004 г. прямых выборов губернаторов и введения единого дня голосования в 2012 г., которые вписывались в общую тенденцию унификации региональных политических процессов.

Переход к механизму фактического назначения глав регионов по-иному поставил вопрос не только о «способах взаимодействия федеральной и региональных элит» и разрешения «возникающих в этих рамках конфликтов» [см.: Подвинцев, 2009], но и о деятельности экспертных организаций, которые претендовали на

роль реальных участников в производстве идейно-символических конструкторов в современной России¹.

В целом развитие системы оценки эффективности губернаторского корпуса в России условно можно разделить на два этапа. Их выделение связано с курсом власти и публичной активностью экспертного сообщества.

Первый интерес к составлению подобного рода документов, содержащих комплексную экспертную оценку деятельности глав субъектов регионов, можно зафиксировать начиная со второй половины 2000-х годов. Это в целом совпадает с общим трендом, когда власть существенно сузила возможности публичного экспертного диалога с экспертным сообществом по вопросам экономической политики, но продолжала привлекать экспертные организации в качестве агентов публичной коммуникации [Малинова, 2013, с. 196].

Необходимость анализа деятельности глав регионов и поиск мотивированного отказа от сотрудничества встала перед администрацией президента В.В. Путина в связи с уходом главы Корякии Владимира Логинова, который первым в 2005 г. покинул свой пост после изменений законодательства с формулировкой «утративший доверие». Тогда же, по оценкам разных регионоведов, в экспертном управлении администрации президента начался поиск оснований, по которым можно было бы отправить в отставку неугодных руководителей [Григорьева, 2007]. Первый список критериев оценок эффективности региональных властей был составлен летом 2007 г. [Указ Президента № 825... 2007]. Указ президента регламентировал перечень показателей эффективности, а также форму доклада руководителей регионов за отчетный год и плановый трехлетний период. Практически все показатели, за исключением последнего («удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в том числе их информационной открытостью»), должны были демонстрировать достижения региона по уровню социально-экономического развития – объем ВРП, инвестиций, доходы населения, уровень безработицы, смертность и др. В дальнейшем критерии были дополнены указом президента и постановлением правительства [По-

¹ Об усилении идеологической составляющей публичного дискурса ведущих экспертно-аналитических организаций современной России см.: [Малинова, 2013].

становление Правительства РФ № 322... 2009; Указ Президента РФ № 579... 2010].

Однако было очевидно, что, выстроив вертикаль, федеральные власти нуждались в более широкой поддержке со стороны «третьего сектора», оценки которого по эффективности деятельности того или иного главы не вызывали бы сомнений и легитимировали бы эту практику, которая в ряде случаев представляет пример политической неадекватности и откровенного пренебрежения интересами региона в угоду интересам тех или иных группировок федеральной элиты. И здесь поле для идейного производства оценки эффективности оставалось открытым.

Первым экспертным докладом, в котором были проанализированы возможные перестановки среди глав регионов, стал «Рейтинг политической выживаемости губернаторов» [Рейтинг политической выживаемости... 2007], подготовленный экспертами фонда «Петербургская политика» и Международным институтом политической экспертизы Е. Минченко. Как отмечали авторы, «импульсом к составлению рейтинга стала замена нескольких глав администраций (Новгородская, Сахалинская области), породившая ожидания серьезной “зачистки” губернаторского корпуса» [Второй Рейтинг политической выживаемости... 2008]. В дальнейшем рейтинг стал публиковаться каждые полгода. В число экспертов фонда «Петербургская политика» попали российские политологи – заместитель директора Научно-исследовательского института социальных систем Д. Бадковский, директор Института региональных проблем М. Дианов, вице-президент Центра политической конъюнктуры России В. Иванов, руководитель региональных программ Фонда развития информационной политики А. Кынев и другие, а также представители СМИ. Ряд членов экспертной группы были членами Общественной палаты и в разное время консультировали Кремль по вопросам гражданского общества.

Практически в то же время, в сентябре 2007 г., выходит доклад экспертов Центра политической конъюнктуры (ЦПК) под руководством М. Виноградова. Документ получил название «Рейтинг политической эффективности» [см.: Григорьева, 2007]. Он стал совместным проектом с провластным издательским домом «Известия».

В целом на этом этапе обсуждение эффективности губернаторского корпуса шло не очень активно. Вероятно, причина кроется

в том, что непосредственно политический фактор (как, например, внутриэлитные конфликты, принадлежность к партии власти), который предполагает углубленный экспертный анализ, оказался не столь значимым. Решения о назначении или отстранении принимались на основе результативности действий назначенцев. Это отчасти подтверждал своими наблюдениями М. Виноградов [см.: Григорьева, 2007]. В «рейтингах выживаемости» губернаторов главы регионов оказались не совсем в равном положении, к тому же большому числу назначенцев-«варягов» требовалось время, чтобы выстроить систему управления и включиться в региональный процесс. Так, по оценкам «Минченко консалтинг», с 2005 по 2011 г. было произведено 140 назначений, 67 раз посты глав субъектов доверяли новичкам (47,6%), из них 27 были «варягами». Из новых губернаторов 15 ушли досрочно [Первые итоги партийной и избирательной реформ... 2013].

Другой значимой причиной развития рейтингового подхода, по мнению политолога А. Кынева, стал «кризис системы назначений», который «спровоцировал кризис рейтинга» [Кынев, 2009], в результате чего итоговый четвертый «рейтинг выживаемости», при составлении которого участвовало большинство экспертов, прямо или косвенно связанных с нынешней кремлевской администрацией или интересами «доминирующей» партии, напоминал рейтинг «кремлевских пожеланий».

Второй этап (с 2012 г.), несомненно, выявил более живое внимание экспертных центров к деятельности и имиджу регионов. Непосредственно это связано с тем, что 15 декабря 2011 г. премьер-министр В.В. Путин в ходе прямого эфира предложил изменить «способ приведения губернаторов к власти» так, чтобы партии, находящиеся в региональном парламенте, прямым и тайным голосованием определяли своих кандидатов, которые бы затем, пройдя через президентский фильтр, выходили уже на прямое голосование всего населения региона. Инициатива повлекла за собой широкое экспертное обсуждение, к которому подключились Комитет гражданских инициатив (КГИ), Институт социально-экономических инициатив (ИСЭПИ) и др. [см., например: Прямые выборы губернаторов и система... 2012; Политические стратегии губернаторов-новичков... 2013; Первые итоги партийной и избирательной реформ... 2013 и др.]. Идея о том, чтобы вернуть выборность глав

регионов, еще в 2010 г. была озвучена экспертами Института современного развития (ИнСОР) [Экспертный доклад Института современного развития... 2010].

В феврале 2012 г. свой первый «Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации» представило Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК) Дмитрия Орлова [Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в январе 2012 года].

Третьим влиятельным рейтингом помимо «Рейтинга влияния глав субъектов Российской Федерации» АПЭК и «Рейтинга политической выживаемости губернаторов» фонда «Петербургская политика» стал «Рейтинг эффективности губернаторов», подготавливаемый созданным в 2012 г. Фондом развития гражданского общества (ФОРГО), который возглавляет бывший руководитель Управления внутренней политики Администрации президента Константин Костин. Первый рейтинг ФОРГО был составлен в партнерстве с фондом «Общественное мнение» (ФОМ), газетой «Известия» и «Национальной службой мониторинга»; он был опубликован в январе 2014 г. [Рейтинг эффективности губернаторов. Первый выпуск, 2014].

В целом формирование экспертных оценок деятельности губернаторского корпуса идет в направлении обоснования необходимости сохранения позиций тех или иных губернаторов на посту. Каждое из исследований выделяет так называемую «группу риска» (губернаторы тех субъектов, которые, скорее всего, покинут свой пост) и «группу высокой стабильности» (губернаторы, которых не ждет отставка в ближайшее время).

Как оценивать эффективность: Взгляд экспертов

Ключевой вопрос, который всегда стоял перед составителями рейтинга: как оценить качество деятельности губернатора? Или, переводя на рабочий язык: чем измерить доверие президента к руководителям регионов?

Очевидно, что уже сами названия рассматриваемых рейтингов ориентируют на получение разных исходных данных и разную интерпретацию результатов. Прокремлевский ФОРГО ориентируется в своем исследовании на измененных и существенно сокращенных до 12 критериях эффективности [Указ Президента РФ № 1199... 2012]

и исходит из социально-экономической эффективности. Эксперты фонда буквально восприняли слова тогда еще премьер-министра В.В. Путина о том, что «нужно ускорить разработку новых критериев оценки деятельности регионов... [ее] новизна должна основываться на прозрачных, внятных критериях оценки, в том числе на общественном мнении» [цит. по: Латухина, 2012]. Притом что подобный рейтинг на основе президентских критериев эффективности глав региональной власти с 2012 г. ежегодно проводит Министерство регионального развития [см., например: Доклад о комплексной оценке... 2014].

Эксперты ФоРГО подчеркивают, что отличие их рейтинга заключается в том, что «первый и наиболее весомый с точки зрения влияния на конечный результат (максимум 75 баллов из 100) исследовательский модуль рейтинга в значительной степени основан именно на результатах изучения общественного мнения жителей российских регионов» [Критерии оценки эффективности губернаторов, 2014]. Рейтинг фонда можно считать самым сложным и затратным для проведения. Помимо этого в опросе участвуют приглашенные эксперты, которые дают оценку реальному положению дел в регионе.

За 2014 г. ФоРГО выпустил семь рейтингов эффективности. В 2015 г. К. Костиным было заявлено, что число рейтингов будет сокращено, чтобы отслеживать экономическую деятельность глав регионов в условиях кризиса и оценку этой деятельности со стороны граждан [Нагорных, Комаров, 2015]. Наибольшее внимание будет уделено экспертному и медийному модулям.

В отличие от ФоРГО фонд «Петербургская политика» и АПЭК ориентированы на проведение менее затратных закрытых экспертных интервью. В список их экспертов входят известные политологи, политтехнологи и медиаэксперты. «Петербургская политика» традиционно с 2007 г. предлагает своим экспертам по 5-балльной шкале оценить «вероятность сохранения главы региона на своем посту в ближайшее время» [12-й рейтинг... 2013]. Об ориентации рейтинга фонда на исследовании политической конъюнктуры говорит тот факт, что особое внимание уделяется критерию политической активности региональных назначенцев. Так, в период с 2007 по 2009 г. показатели неудач «Единой России», членство в «Единой России», присутствие в списках «праймериз» «Единой

России», показатели «Единой России» на региональных выборах считались экспертами одними из самых приоритетных. С 2012 г. эксперты «Петербургской политики» и «Минченко консалтинг» ставят на одно из первых мест наличие региональных внутриэлитных конфликтов.

Методика АПЭК еще более простая. Перед экспертами ставится вопрос: «Как бы вы оценили по шкале от 1 до 10 влияние на федеральном уровне (в администрации президента РФ, правительстве РФ, Федеральном собрании РФ, партийной и бизнес-элите) следующих глав регионов?» [Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в январе 2012 года]. Итоговый ежемесячный рейтинг представляет собой консолидированную оценку влияния всех глав регионов России лидерами российского экспертного сообщества. Однако такую методику опроса нельзя назвать абсолютно прозрачной, поскольку ее данные не поддаются верификации.

Очевидно, что использование разных критериев оценки работы губернаторов приводит к различающимся результатам. В идеале оценить, какая методика наиболее успешна и какие выводы наиболее репрезентативны, позволяет анализ реальной политической картины.

Влияние рейтинга на позиции губернаторов и имидж регионов

Хотя рейтинги экспертно-аналитических центров не выступают обязательным фактором при принятии политических решений, но очевидно, что они оказывают влияние на общественное восприятие грядущих изменений. По природе своей фиксирующие произошедшие изменения в общественном восприятии фигуры того или иного регионального политика рейтинги эффективности / влияния указывают на вероятные сценарии развития политической ситуации.

Это обстоятельство обуславливает популярность среди СМИ рейтингов глав регионов рассматриваемых нами аналитических центров. По оценкам экспертов, сейчас роль рупора федеральной власти в области региональной политики выполняет фонд К. Костина. Рейтинг ФоРГО – это сигнал Кремля для тех, кто делает что-то не так, считает политолог Д. Орешкин. «Рейтинг ФоРГО, с одной стороны,

не стоит воспринимать как отражение объективных данных, с другой – он наверняка отражает мнение [первого замглавы президентской администрации Вячеслава] Володина», – полагает эксперт [цит. по: Железнова, Чуракова, 2014]. По рейтингу ФоРГО можно адекватно оценить позицию губернатора в глазах администрации, позиция в рейтинге – косвенное подтверждение электорального потенциала кандидата, пояснил значение рейтинга в интервью газете «Коммерсантъ» источник, близкий к администрации [там же].

За восемь выпусков «Рейтинга эффективности губернаторов» экспертам ФоРГО удалось предсказать непродление полномочий главам Ненецкого автономного округа – И. Федорова, Орловской области – А. Козлова, а также преждевременную отставку губернатора Новосибирской области В. Юрченко и губернатора Брянской области Н. Денина в связи с утратой доверия. Комментируя шестой выпуск рейтинга, К. Костин пояснил, что помимо экономического состояния региона негативно на рейтингах отражается классическое противостояние «мэр – губернатор» [Корня, Фаризова, 2014]. Исходя из этого, ряд аналитиков уже сделали вывод, что главным требованием, предъявляемым федеральной властью к региональным лидерам, является отсутствие внутризэлитных конфликтов, которых практически невозможно было избежать в период назначаемости. В то же время данное наблюдение следует рассматривать лишь как закономерное требование, предъявляемое федералами к регионалам.

Не стоит недооценивать рейтинги АПЭК и фонда «Петербургская политика». Скорее, именно первые строчки рейтинга АПЭК демонстрируют реальный имидж стабильного региона, залогом которого, по всей видимости, является политическая лояльность региональной элиты, обуславливающая взаимную «публичную поддержку президента или федерального центра». Так, по итогам майского рейтинга влияния в 2015 г. на первом месте – мэр Москвы С. Собянин, на втором – глава Чечни Р. Кадыров, на третьем – губернатор Подмосковья А. Воробьева, на четвертом – и.о. президента Татарстана Р. Минниханова. Меняются местами глава Республики Крым С. Аксёнов (пятая строка в апрельском рейтинге) и губернатор Санкт-Петербурга Г. Полтавченко (шестая) [Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в апреле 2015 года]. Причинами попадания в конец списка экс-мэра Благовещенска,

и.о. губернатора Амурской области А. Козлова, а также главы Чувашии М. Игнатьева называются «нерешенные скандалы», «сложные взаимоотношения бывшего и нынешнего глав республики» [Железнова, Чуракова, 2014]. Таким образом, эксперты АПЭК главным фактором «невыживаемости» называют внутриэлитные конфликты без учета социально-экономической повестки. В этом плане представляется любопытной оценка идеологических конфликтных ситуаций в регионах РФ в 2014–2015 гг., которую дает «Петербургская политика» и с которой пересекается рейтинг АПЭК.

Заключение

Можно утверждать, что с началом нового президентского срока В.В. Путина экспертно-аналитические центры не только взяли на себя идеологические функции по производству публичных дискуссий в условиях отсутствия реальной конкуренции в сфере производства идей [Малинова, 2013], но и стали проводником принимаемых властью политических решений. Однако именно здесь экспертные центры оказались в ловушке. Заимствование инструментов оценки эффективности, предлагаемых властью, существенно сузило эвристические возможности экспертного продукта. В конечном итоге исчезновение открытой аналитической дискуссии о правилах и критериях того, кто достоин, а кто нет руководить регионами, может грозить реальной подменой экспертных функций пропагандой. Заменой персональным рейтингам глав субъектов может стать постепенное переключение экспертов на рейтинги развития регионов, которые не привязаны к конкретным личностям, а сосредоточены на объективном анализе социально-экономической ситуации в регионе.

Список литературы

- 12-й рейтинг политической выживаемости губернаторов России / Фонд «Петербургская политика». – М., 2013. – 18 марта. – Режим доступа: <http://www.fpp.spb.ru/rate12.php> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Второй Рейтинг политической выживаемости губернаторов. – М., 2008. – 31 марта. – Режим доступа: http://www.stratagama.org/exclusive/rates/rate_287.html (Дата посещения: 10.05.2015.)

- Григорьева Е.* Поставь оценку губернатору // Известия. – М., 2007. – 13 марта. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/328635> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Доклад о комплексной оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2013 года. – М., 2014. – 191 с. – Режим доступа: [http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/33597636-00da-439b-87eb-f1a9402cc01a/ДОКЛАД-2014+\(последняя+версия\).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=33597636-00da-439b-87eb-f1a9402cc01a](http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/33597636-00da-439b-87eb-f1a9402cc01a/ДОКЛАД-2014+(последняя+версия).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=33597636-00da-439b-87eb-f1a9402cc01a) (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Железнова М., Чуракова О.* Досрочные перспективы // Ведомости. – М., 2014. – 2 июня. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/06/02/dosrochnye-perspektivy> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Корня А., Фаризова С.* Кремль оценил работу губернаторов // Ведомости. – М., 2014. – 6 ноября. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/11/06/gubernatory-eto-soglasie> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Критерии оценки эффективности губернаторов. История вопроса и методика Фонда развития гражданского общества / Фонд развития гражданского общества. – М., 2014. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/61> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Кынев А.* Выживаемость рейтинга // Газета. ru. – М., 2009. – 23 сентября. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/23_x_3264205.shtml (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Латухина К.* ЕГЭ для губернаторов // Российская газета. – М., 2012. – 11 января. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/01/10/putin-site.html> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Малинова О.Ю.* Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: Анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Нагорных И.* ОНФ обвалил губернаторские рейтинги // Коммерсантъ. – М., 2015. – 30 марта, № 54. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2697614> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Нагорных И., Комаров Д.* Губернаторам запишут отдельной строкой бюджет // Коммерсантъ. – М., 2015. – 10 февраля, № 22. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2664235> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Первые итоги партийной и избирательной реформ 2012 года: Аналитический доклад / Комитет гражданских инициатив. – М., 2013. – Январь. – Режим доступа: <http://komitetgi.ru/upload/iblock/336/336630c7c2a1ca04c5cf3afdf736f655.pdf> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Подвинцев О.Б.* Губернаторы-«варяги» и региональные политические элиты в современной России // Политэкс. – СПб., 2009. – № 2. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/568/> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Политические стратегии губернаторов-новичков, назначенных на свои посты в конце 2011–2012 гг.: Доклад. – М., 2013. – 23 сентября. – Режим доступа: http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/New_gubernatory_summary_final_23_04.pdf (Дата посещения: 10.05.2015.)

- Постановление Правительства РФ № 322 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 “Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации” от 15 апреля 2009 г. – М., 2009. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135203/ (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Прямые выборы губернаторов и система сбора муниципальных подписей в 2012 г.: влияние на развитие политической системы и направления совершенствования / ИСЭПИ. – М., 2012. – Ноябрь. – Режим доступа: http://www.isep.ru/upload/Analiticheskii_doklad_PRJAMYE_VYBORY_GUBERNATOROV_I_SISTEMA_SBORA_MUNICIPALNYKH_PODPISEI_V_2012_g.pdf (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в апреле 2015 года / Агентство политических и экономических коммуникаций. – М., 2015. – 6 мая. – Режим доступа: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=1833 (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в январе 2012 года // Независимая газета. – М., 2012. – 7 февраля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/regions/2012-02-07/5_ratings.html (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Рейтинг политической выживаемости губернаторов. – М., 2007. – 13 августа. – Режим доступа: http://www.stratagama.org/exclusive/rates/rate_286.html (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Рейтинг эффективности губернаторов. Первый выпуск / Фонд развития гражданского общества. – М., 2012. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/46> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Указ Президента РФ № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 21.08.2012. – М., 2012. – Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1623676> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Указ Президента РФ № 579 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности» от 13 мая 2010 г. – М., 2010. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/198220/> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Указ Президента РФ № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 28.06.2007. – М., 2007. – Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?916822> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Экспертный доклад Института современного развития предлагает вернуть выборы губернаторов и сделать выборным Совет Федерации // RBC. – М., 2010. – 10 февраля. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/digest/index.shtml?aif/2010/02/10/32702478> (Дата посещения: 10.05.2015.)
- Blake A. The nation's 10 most popular governors – and why // The Washington post. – Washington, D.C., 2012. – 4 November. – Mode of access: <http://www>

washingtonpost.com/blogs/the-fix/post/the-nations-10-most-popular-governors--and-why/2012/04/11/gIQA9dlzAT_blog.html (Дата посещения: 10.05.2015.)

Cohen B. Popular governors, and prospects for 2016 // The New York Times. – N.Y., 2013. – 28 May. – Mode of access: http://fivethirtyeight.blogs.nytimes.com/2013/05/28/popular-governors-and-prospects-for-2016/?_r=0 (Дата посещения: 10.05.2015.)

Sullivan S., Blake A. The most popular governor in the country? You probably haven't heard of him // The Washington post. – Washington, D.C., 2014. – 21 February. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2014/02/21/the-fixs-10-most-popular-governors/> (Дата посещения: 10.05.2015.)

КОНТЕКСТ

Л.В. СМОРГУНОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ¹

Политология в России возникала на основе нескольких научных и организационных традиций советского времени, которые в настоящее время в значительной мере трансформированы самим процессом развития здесь политической науки. Первая традиция, которая часто просто не упоминается, – это марксистско-ленинская социально-политическая теория, находившая свое выражение прежде всего в активности «научных коммунистов». К концу 80-х годов, когда назревали серьезные общественные трансформации, это направление было довольно разветвленным и представительным, выраженным в ряде публикаций по проблемам власти, социалистическим политическим отношениям, политической культуре, истории марксистской политической теории, управлению и политике, революции. Вторая традиция связана с тем направлением в советском обществознании, которое занималось критикой буржуазной идеологии, политической науки и политики. Она была представлена деятельностью как преподавателей высшей школы,

¹ В 2015 г. Российская ассоциация политической науки отмечает свое 60-летие. Данная статья является определенным вкладом в изучение истории РАПН, значительный период которой приходится на деятельность Советской ассоциации политических наук (САПН).

Исследование выполнено по гранту РГНФ № 15-03-00867 «Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте (1955–2015): традиция, рецепция и новация».

так и академических ученых, работавших в различных институтах АН СССР. Третья традиция возникала в тех академических институтах, которые занимались изучением различных стран и регионов мира. Это направление было менее ангажированным и более позитивистским по отношению к результатам различных исследований; в этой традиции было много междисциплинарных подходов и эмпирической ориентации. Четвертая традиция, в центре которой находились ученые-правоведы, сформировалась как потребность изучения конституций различных стран и была связана с обычными институциональными и описательными подходами в исследовании политики. Советская ассоциация политических наук в значительной степени исходила из четвертой традиции, хотя в содержательном и организационном отношении ее деятельность характеризовалась такими подходами к политике, которые в определенной мере учитывали советскую междисциплинарность и мировой опыт развития политических исследований. Пятая традиция была связана с социологическими исследованиями и деятельностью Советской социологической ассоциации. Небольшие группы политических социологов здесь были представлены и часто работали над вопросами общественного сознания, поведения, культуры. В данной статье будет обращено внимание на описание региональных политологических сообществ, которые так или иначе позиционировали свою связь с Советской ассоциацией политических наук (САПН).

Организационное развитие региональных политологических сообществ

Нужно сказать, что до определенного времени САПН в организационном отношении не обращала особого внимания на развитие региональных структур. Активно эта работа началась в 1980-е годы. С одной стороны, на это повлиял Московский конгресс МАПН 1979 г., который стимулировал различные направления деятельности ассоциации, в том числе и распространение ее на всю территорию Советского Союза. Особенно это влияние было заметно в сформированном у исследователей политики чувстве единства. Как пишет Д.М. Воробьев, «в целом XI Конгресс МАПН 1979 года стал

в истории развития российской политической науки существенной вехой, фиксирующей изменение самоощущения политологического сообщества: исследователи почувствовали себя не только представителями сложившейся научной дисциплины, но и ощутили весомость своего вклада в мировую политическую науку» [Воробьев, 2008, с. 23]. С другой стороны, в САПН повышается уровень организационной работы, который выводит ее деятельность за рамки Москвы. Постановлением Президиума АН СССР от 13 сентября 1979 г. на Советскую ассоциацию политических / государствоведческих / наук возлагается роль «координационного центра политических исследований, ведущихся в стране». Секция общественных наук Президиума АН СССР 18 июня 1980 г. приняла постановление «О дальнейшем развитии исследований проблем политических структур и отношений», в котором в числе задач САПН определялась «выработка предложений по созданию межинститутских и международных исследовательских групп» [Ковлер, 1982, с. 190]. В это время в структуре САПН появляются республиканские, региональные и областные отделения, а также первичные группы. В Уставе ассоциации 1982 г. выделен специальный раздел, определяющий организационную деятельность этих структурных элементов. Уже в 1980 г. были созданы отделения ассоциации в Латвийской ССР, Казахской ССР, Узбекской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР, а также Исполкомом ассоциации проведена работа по объединению индивидуальных членов ассоциации в республиках Закавказья и в Эстонской ССР. В 1983 г. было создано Уральское региональное отделение САПН. В 1984 г. образовались Ленинградское и Северо-Кавказское отделения. К 1984 г. количество членов САПН возрастает до 495 человек. Насчитывается 14 региональных отделений и 17 коллективных членов [Воробьев, 2008, с. 24]. Расширилось представительство региональных исследователей политики в составе Исполкома САПН, а также в изданиях ассоциации, прежде всего в Ежегоднике САПН. Так, в ежегодниках 1980–1985 гг. были опубликованы статьи исследователей из Калинин (Твери), Киева, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Саратова, Тбилиси и других городов.

Создание региональных отделений, конечно, опиралось как на проявленный потенциал политических исследований, так и на некоторые уже ранее созданные формальные и неформальные

структуры, в которые входили региональные ученые и преподаватели. Следует сказать, что в некоторых республиках помимо кафедр общественных наук в вузах и академических региональных структурах существовала сеть общественных головных и координационных советов по общественным наукам (философии, научному коммунизму, истории, политэкономии), созданные министерствами образования, которые уже проводили работу по координации исследований в соответствующих отраслях знания. Вокруг этих советов группировались ученые различных вузов и академических региональных институтов. Так, в советской России в конце 1970-х – 1980-е годы существовал координационный совет «Политическая организация общества и управление при социализме», который организационно был подчинен головному совету по научному коммунизму и который проводил в регионах большую организационную работу по стимулированию исследований соответствующей тематики. Благодаря его работе политические исследования были поддержаны в таких городах, как Ленинград, Хабаровск, Владивосток, Уфа, Пермь, Свердловск (Екатеринбург), Иваново, Кемерово, Мурманск и др. Головной совет по философии, например, курировал развитие управленческой проблематики, включая политическое управление, в Калинин (Твери), где был проведен ряд интересных конференций. В республиках помимо университетов большую роль играли республиканские академии наук. Так как САПН организационно был привязан к АН СССР, то республиканские академии наук и выступали часто главным организационным ядром отделений ассоциации в республиках. Конечно, играли свою роль и вузовские преподаватели и ученые. Так, большую роль на Украине в этом отношении выполнял Киевский университет, в Эстонии – Таллинский политехнический институт, в Казахстане – Казахский госуниверситет им. С.М. Кирова, в Латвии – Латвийский государственный университет.

Отдельные примеры региональных политологических сообществ

В качестве региональных политологических сообществ, которые организационно вошли в САПН и представляли собой бо-

лее-менее сплоченное содружество, можно назвать немногих. Так как исследователи, тяготеющие к САПН, работали часто в различных учреждениях, то их деятельность в целом сводилась к проведению нечастых конференций, отчетных собраний и участию в ежегодных собраниях или конференциях всесоюзной ассоциации. Лишь некоторые региональные отделения пытались проводить какие-то комплексные научные исследования. Следует, конечно, различать активность республиканских отделений и отделений, которые основывали свою деятельность в крупных вузовских центрах. В опубликованных ежегодниках САПН и в некоторых других источниках можно найти определенную информацию о деятельности региональных отделений, но она не дает полной картины их жизни и к тому же является привязанной к времени и часто носит отчетный характер. Но все же и эти сведения позволяют говорить о том, что политологические сообщества в советское время формировали некоторую базу для возникновения политологии в постсоветских республиках. Обратим внимание на некоторые такие сообщества.

Ленинградская политология

В советское время в Ленинграде (ныне – Санкт-Петербурге) центрами политических исследований выступали три основные структуры: кафедра теории научного коммунизма ЛГУ и сотрудничающие с ней родственные кафедры в ряде ленинградских вузов; относительно самостоятельную роль в исследованиях играла кафедра философии и научного коммунизма Высшей партийной школы при Ленинградском обкоме КПСС; и, наконец, сформированная к началу 1980-х годов группа социологии политики Советской социологической ассоциации. Именно последняя структура и была самым тесным образом связана с Советской ассоциацией политической науки благодаря активному участию в ней ее лидера А.А. Федосеева. Отметим, что д-р филос. наук, проф. А.А. Федосеев защитил в 1974 г. диссертацию по теме политики как объекта социологических исследований с критическим акцентом на состоянии социологии политики в буржуазных странах [Федосеев, 1974; 1989]. До этого он несколько месяцев стажировался в Канаде и собрал огромный материал по политической науке в Северной Аме-

рике. Вокруг него сформировалась группа молодых исследователей из различных вузов города, которая проводила собственные семинары по различным направлениям политической науки. Хотя А.А. Федосеев преподавал и студентам, обучающимся на отделении научного коммунизма, его основная работа была на кафедре критики современной буржуазной философии. Фактически группа и формировалась из бывших студентов, а ныне преподавателей философских специальностей с небольшим вкраплением в нее выпускников отделения научного коммунизма. Лидер группы по основному образованию и кандидатской диссертации был юристом, а в связи с тематикой докторской работы активно сотрудничал с социологами. Группа была смешанной, в основном философско-социологической. Центральной задачей группы было проведение исследований, исследовательской темой стала политическая культура ленинградских рабочих. Программа социологического исследования политической культуры и социологическая анкета были разработаны коллективом группы во главе с А.А. Федосеевым, а само исследование проводилось в 1983–1984 гг. В данную группу входили Г.П. Артемов, В.В. Бачило, А.В. Дука, А.С. Казеннов, Ю.В. Козлов, Т.Н. Мартира, В.Ю. Сморгунова, А.Ф. Сивак и В.С. Новиков. Примечательно, что исследование проводилось при участии работников Высшей партийной школы при Ленинградском обкоме КПСС на базе ее социологической лаборатории. Частичное отражение результаты данного исследования нашли в монографии Г.П. Артемова и его докторской диссертации [Артемов, 1987]. Как подчеркивал сам руководитель проекта, в числе наиболее интересных особенностей данного исследования можно было отметить следующее: «Во-первых, оно было одним из первых исследований в нашей стране, специально посвященных политической культуре работников крупных промышленных предприятий большого индустриального центра, что предопределило его особую значимость и создало ряд трудностей в ходе проведения. Во-вторых, в ходе данного исследования были разработаны оригинальные методические документы, по существу не имевшие аналога в отечественной политико-социологической практике... В-третьих, содержательную сторону названного исследования характеризовали такие его параметры, как определение структуры и степени удовлетворения политических потребностей трудящихся; изучения уровня политической

сознательности и убежденности членов трудовых коллективов; выяснение форм, структуры и степени практического участия работников промышленных предприятий в управлении производственными и общественными делами...» [Федосеев, 1994, с. 196–197].

После окончания исследования состав группы частично стал меняться. В нее вошли другие ученые, члены САПН, а ее сотрудничество с вузовскими кафедрами расширилось. В 1984 г. в ЛГУ был проведен совместно с САПН «круглый стол» «Субъективный фактор в политике», обзор которого, а также некоторые доклады (Артемов Г.П., Ерунов Б.А., Ключев А.В., Сморгунов Л.В.) были опубликованы в Ежегоднике САПН 1985 г. [Политические... 1986]. Расширение состава группы позволило создать условия для формирования в 1984 г. Ленинградского отделения САПН во главе с А.А. Федосеевым.

Впоследствии деятельность отделения была направлена на стимулирование тематического и организационного развития политических исследований в Ленинграде. В частности, расширилась тематика международных политических исследований [Косов, 1991], политического управления [Корюшкин, 1987], политических партий [Барыгин, 1990], психологии политической власти [Крамник, 1991] и др. Результатом организационных усилий выступило открытие в ЛГУ в сентябре 1989 г. первой в России кафедры политологии. Заведующим кафедрой стал проф. А.А. Федосеев.

Политология в Казахстане

Казахское отделение САПН было создано в 1980 г. во главе с акад. АН Казахской ССР М.Т. Баймахановым. В основном отделение включало в свой состав ученых-правоведов академических институтов, но также и представителей других общественных наук. В Казахском государственном университете им. С.М. Кирова была создана первичная группа ассоциации. Как отмечал руководитель этого республиканского отделения, «представители различных отраслей общественных наук изучают проблемы политики под неодинаковым углом зрения, ставят разные исследовательские задачи, используют разные методы» [Баймаханов, 1983, с. 208]. В числе приоритетных тем казахских ученых, как отмечалось на заседании

Исполкома САПН в 1983 г., выступали разработка принципов построения и совершенствования политической системы развитого социализма, изучение закономерностей политических систем капиталистических и развивающихся стран, вопросы повышения эффективности воздействия политической системы на экономическое и социальное развитие, критика теоретических и методологических основ буржуазных, ревизионистских и реформистских теорий, проблемы повышения политической активности советских граждан, социально-политическое управление развитым социализмом и др. [Смирнов, Торшин, 1984, с. 207–208].

По сохранившимся документам САПН, Казахское республиканское отделение было самым многочисленным по сравнению с другими региональными отделениями. Наиболее активными его членами были члены-корреспонденты АН Казахской ССР С.С. Сартаев, Д.К. Кшибеков, Х.Ш. Альтанов, Н.И. Ануев и ученый секретарь отделения канд. юрид. наук А.У. Бейселова. Следует признать, что данное отделение САПН в целом работало в направлении скорее объединения различных политических тематик, свойственных советской общественной науке. Правда, среди специфических тем можно назвать переход казахов от феодализма к индустриальному социалистическому развитию [Кшибеков, 1963] и формирование истории, культуры и психологии (в том числе политической) казахов [Джандильдина, 1971].

Значимым событием для республиканского отделения САПН стало проведение в июле 1984 г. симпозиума «Актуальные проблемы политической системы» в Алма-Ате. На нем выступали ученые из Москвы и казахские исследователи. В качестве примера тона и характера обсуждения вопросов сошлюсь на заключительное слово руководителя отделения М.Т. Баймаханова. Он отметил затяжной характер дискуссии по некоторым проблемам, связанным с понятием «политическая система», и необходимость выработки его научного определения. В связи с этим, по его мнению, необходимо разграничить понятия «политическая система» и «политическая организация», а при исследовании функций политической системы выводить последние не из функций государства, а, напротив, отграничить функции политической системы от функций государства [Сексембаева, 1986, с. 173].

Эти два примера позволяют понять общую ситуацию с развитием политических исследований в советское время. Региональные сообщества в тот период сделали много для создания потребности в развитии политической науки в стране и потом в отдельных суверенных республиках бывшего Советского Союза. Конечно, следовало бы отметить еще активную работу Северо-Кавказского отделения (Сушков И.М., Макаренко В.П., Давидович В.Е., Зеркин Д.П.), Уральского отделения (Алексеев С.С., Евдокимов В.Б., Комлева Н.А.), Латвийского отделения (Ожиганов Э.Н.) и др. Все они вложили свою лепту не только в развитие региональных исследований политики, но и в общую копилку научной деятельности.

Научные лидеры региональных политологических сообществ

Региональные политологические сообщества не могли бы состояться без истинных энтузиастов развития политических исследований. Доминирующая марксистская методология создавала основу для специфической советской школы политической науки. Поэтому в основном региональные политологические сообщества следовали этой методологии. Вместе с тем в ряде регионов борьба между догматиками марксизма-ленинизма и приверженцами научного подхода (пусть и марксистского, но без догматизма и начетничества) приводила к размежеванию групп политических исследователей. В некоторых случаях организационное и идейное (если можно так сказать применительно к советскому времени) разделение касалось руководителей, а не всех исследователей. Догматический подход базировался на убеждении, что истинная политическая наука может быть только на основе методологии марксизма-ленинизма, поэтому политическая наука – это исторический материализм и научный коммунизм. Хотя эта позиция подкреплялась официально, однако ряд исследователей все же полагали, что хотя марксизм и выступает ведущей методологией политических исследований, но это марксизм развивающийся. К тому же неявно существовало убеждение о возможности и других методологий политической науки (хотя бы исторически). Те, кто защищал первый подход особенно активно, как правило, не участвовали в деятельности САПН. В регионах это создавало иногда ситуацию явного

размежевания и политологических сообществ исследователей. В некоторых случаях, однако, трудно было провести границу. Как правило, лидеры региональных отделений САПН были ближе к философии, социологии, праву, истории, чем к научному коммунизму. Здесь приводятся имена некоторых лидеров региональных политологических сообществ и данные о них применительно только к советскому периоду.

Алексеев Сергей Сергеевич: д-р юрид. наук, профессор, член-корреспондент АН СССР с 1987 г., исследователь общей теории права и гражданского права [Алексеев, 1966; 1972; 1973], лауреат Государственной премии СССР (1977), народный депутат СССР (1989–1991), в 1989–1991 гг. председатель Комитета конституционного надзора СССР, председатель Уральского регионального отделения САПН в 1983 г.

Баймаханов Мурат Таджи-Муратович: д-р юрид. наук, профессор, академик АН Казахской ССР (ныне НАН РК), первый руководитель Казахского отделения САПН, организованного в 1980 г.; известный юрист, исследователь противоречий развития правовой системы социализма, концептуальных основ теории государства, его внутренних и внешних функций [Баймаханов, 1972]; организатор науки, активный деятель ассоциации.

Ожиганов Эдвард Николаевич: д-р филос. наук, профессор, исследователь политической теории Макса Вебера [Ожиганов, 1986]; разработчик и организатор серии эмпирических социологических исследований, проводившихся кафедрой прикладной социологии Латвийского государственного университета в 1975–1988 гг. по проблемам производственной демократии. По результатам этих исследований опубликована авторская монография «Человеческий фактор и производственная демократия» [Ожиганов, 1989]. Сыграл большую роль в развитии политических исследований и создании политологического сообщества в Латвии в 1980-е годы.

Раджабов Соли Ашурходжаевич: д-р юрид. наук, профессор, академик АН Таджикской ССР (ныне АН РТ), исследователь права и государства [Раджабов, 1970; Раджабов, Клеандров, 1986], ректор Таджикского университета им. В.И. Ленина (1956–1971), главный редактор Советской энциклопедии; являлся вице-президентом САПН (1983) и председателем Таджикского отделения ассоциации (1980). С.А. Раджабов в 1961 г. участвовал в работе V Междуна-

родного конгресса Ассоциации политических наук, созданного по инициативе ЮНЕСКО в Париже.

Сушков Иван Митрофанович: д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии Ростовского государственного педагогического института (на 1984 г.), основные направления научной деятельности: политология, социальная философия [Сушков, 1969]; председатель бюро Северо-Кавказского отделения САПН (1984).

Федосеев Анатолий Александрович: д-р филос. наук, профессор, декан философского ф-та ЛГУ 1980–1984 гг., заведующий первой в России кафедрой политологии (1989 г., Ленинградский государственный университет); исследователь социологии политики и основных тенденций развития политической науки в США и Канаде [Федосеев, 1974; 1989]; член исполкома САПН (1983), в 1980 г. основал группу по социологии политики Советской социологической ассоциации, в 1984 г. – Ленинградское отделение САПН; научный руководитель одного из первых в стране социологических исследований политической культуры индустриальных рабочих Ленинграда (1983–1985).

* * *

Советский период требует более тщательного описания. Конечно, догматический подход к изучению политики, господствовавший в советской идеологии, особенно в таких областях, как научный коммунизм и история партии, заслуживает критики. Одномерный и тенденциозный подход к политической науке вообще как сугубо буржуазной сдерживал, конечно, политические исследования в СССР. Но без внимательного изучения опыта зарубежной политической науки в послевоенный период после образования САПН уже невозможно было развивать и политические исследования в стране. Этому, конечно, способствовала деятельность как московских исследователей, так и активная работа отделений САПН в регионах и республиках. Все это создало базу для творческого отношения к политическому изучению и сформировало многочисленную группу политологов, которым суждено было в новую эпоху российской и постсоветской истории способствовать ста-

новлению и институциональному закреплению новой политической науки в России и в других республиках.

Список литературы

- Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.
- Алексеев С.С.* Проблемы теории права: Курс лекций в 2 х томах. – Т. 1. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – 395 с.; Т. 2. – 1973. – 400 с.
- Артемов Г.П.* Методология социологического исследования политической жизни советского общества. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 126 с.
- Баймаханов М.Т.* Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. – 358 с.
- Баймаханов М.Т.* Казахское отделение САПН и участие ученых республики в исследовании политических проблем // Новый мировой порядок и политическая общность. Ежегодник САПН, 1981. – М.: Наука, 1983. – С. 207–212.
- Барыгин И.Н.* Социальная база движения крайне правых в Западной Европе. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 161 с.
- Воробьев Д.М.* Институциональные предпосылки процесса формирования советского политологического сообщества во второй половине XX века: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2008. – 28 с.
- Джандильдина Н.Д.* Природа национальной психологии. – Алма-Ата: Казахстан, 1971. – 304 с.
- Ковлер А.И.* О деятельности Советской ассоциации политических наук (САПН) в 1980 году // Взаимосвязь и взаимовлияние внутренней и внешней политики. Ежегодник САПН, 1980. – М.: Наука, 1982. – С. 189–195.
- Корюшкин А.И.* Специфика политического управления наукой как социальным институтом в условиях НТР: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Л., 1987. – 24 с.
- Косов Ю.В.* В поисках стратегии выживания: Анализ концепций глобального развития. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1991. – 121 с.
- Крамник В.В.* Социально-психологический механизм политической власти. – Л.: Изд-во ЛФЭИ, 1991. – 128 с.
- Кишибеков Д.К.* О закономерностях замены докапиталистических производственных отношений социалистическими. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1963. – 251 с.
- Ожиганов Э.Н.* Политическая социология Макса Вебера: критический анализ. – Рига: Зинатне, 1986. – 158 с.
- Ожиганов Э.Н., Иванов А.И.* Человеческий фактор и производственная демократия. – Рига: Авотс, 1989. – 158 с.
- Политические институты и процессы. Ежегодник САПН 1985. – М.: Наука, 1986. – 248 с.

-
- Раджабов С.А.* В.И. Ленин и советская национальная государственность. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 687 с.
- Раджабов С.А., Клеандров М.И.* Развитие юридической науки в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1986. – 112 с.
- Сексембаева Е.Т.* Симпозиум: «Актуальные проблемы политической системы» (Алма-Ата, июль 1984) // Политические институты и процессы. Ежегодник САПН 1985. – М.: Наука, 1986. – С. 168–173.
- Смирнов В.В., Торишин А.П.* Деятельность Советской ассоциации политических наук в 1982–1983 гг. // Политические науки и политическая практика. Ежегодник САПН 1982–1983 гг. – М.: Наука, 1984. – С. 205–210.
- Сушков И.М.* Героизм и героические традиции. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1969. – 299 с.
- Федосеев А.А.* Политика как объект социологического исследования. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 123 с.
- Федосеев А.А.* Современная американская буржуазная политология. Истоки, традиции, новации. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 213 с.
- Федосеев А.А.* Введение в политологию. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. – 235 с.

Н.В. БОРИСОВА, К.А. СУЛИМОВ
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ СООБЩЕСТВО
МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНОСТЬЮ И ЛОКАЛЬНОСТЬЮ:
ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ¹

Процессы глобализации экономики и образования, информатизации обществ являются серьезным вызовом для университета как традиционного социального института и одновременно профессионального сообщества ученых и преподавателей. Болонский процесс в странах ЕС и за его пределами, реформа высшего образования и академической науки в России проявляются в изменении структуры и правил жизни университетов как научных и образовательных центров, с одной стороны, а также влияют на стратегии взаимодействия университетов с сообществами (локальным, прежде всего) – с другой. Университеты (прежде всего в лице администраций) отказываются от роли «автономного соседа» и примеряют новую для них роль «партнера» по отношению к городскому сообществу, поскольку в территориальном измерении именно города являются традиционно местом жизни университетов. Движение университетов в сторону локального не вызывает сомнений. Вопрос, однако, состоит в том, чем вызвано, в чем конкретно проявляется и как непосредственно реализуется изменение стратегии взаимодействия с сообществом в контексте глобализационных вызовов. Или, иначе говоря, как сочетается в институциональных трансформациях

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации исследовательского проекта РГНФ № 14-03-00501 «Европейские университеты в меняющемся мире: институциональная трансформация и стратегии взаимодействия с сообществами».

университетов глобальное и локальное. При этом именно локальное, реализуемое во взаимодействии с местными сообществами, является уникальным для каждого конкретного случая, а значит, чрезвычайно изменчивым по всей совокупности в противовес глобальному.

Для целого ряда европейских университетов характерна традиция «Town & Gown» как практика сосуществования и соседства университетского и городского сообществ в университетских городах. Эта традиция восходит, прежде всего, к Оксфордскому и Кембриджскому университетам, студенчество и профессура которых на протяжении длительного времени, живя в городе, не были частью городского сообщества. Напротив, они нередко оказывались в состоянии конфликта с горожанами: «Конфликт был неизбежен в средневековых университетских городах, где два автономных управляемых различными структурами сообщества существовали на единой территории» [Дыба, 2013]. И хотя в XX в. традиция противостояния потеряла свою остроту (современных носителей мантии – студентов и преподавателей – никто уже не изгоняет из города за шумные пирушки, как это было в истории с Оксфордом и образованием Кембриджа), однако проблема отношений университета и города осталась. Более того, в современных условиях глобальной академической мобильности она получает новое звучание. Социальная роль современных университетов в городах оказывается амбивалентной. С одной стороны, университетское сообщество (студенты и преподаватели) нередко оказываются «чужеродны» городу, поскольку их жизнь в нем ограничена временем учебы или преподавательским контрактом. С другой стороны, университеты в университетских городах нередко выступают крупнейшими работодателями в широком смысле этого слова. В таких условиях аренами взаимодействия университета с городом становятся не только образование и академическая наука, но и те сферы жизнедеятельности сообщества, которые до этого не рассматривались ни университетами, ни самими сообществами как сферы, возможные для приложения ресурсов и интересов университетов: городская инфраструктура, политика мультикультурализма, политика по обеспечению устойчивого развития сообщества в условиях культурного разнообразия, гендерная политика, экологическая политика и др.

Включение университетов в это взаимодействие сопровождается определением новых стратегических целей развития уни-

верситетов, пересмотром миссии университетов, а также созданием внутри университетов новых структур, деятельность которых направлена на обеспечение устойчивого развития университетов в системе взаимодействия с городскими сообществами, городскими властями. Происходит институциональное изменение и даже трансформация университетов, которые если и не теряют статус «башни из слоновой кости», то в значительной мере его дополняют новыми социальными ролями. Эти роли могут быть разными по своему содержанию и значимости в контексте взаимодействия университетов и городских сообществ. Университет может выполнять ресурсную, распределительную, экспертную роли, роль медиатора в решении конфликтных ситуаций. Кроме того, университет может выступать и как субъект, и как пространство (место) взаимодействия. Исходным посылом исследования является ожидание, что разные университеты могут по-разному реагировать на вызовы глобальности и локальности. Поэтому в данной работе использованы три примера: Католический университет г. Левена (Бельгия), Университет г. Геттингена (Германия) и Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия).

Использование концепции институционального изоморфизма П.Дж. Димаджо и У.В. Пауэлла [Димаджо, Пауэлл, 2010] позволяет зафиксировать и понять сущностные характеристики амбивалентности и даже множественности ролей и функций современных университетов на примере реализации университетами своей социальной роли в отношении местных сообществ в условиях глобализации. Авторы этой концепции указывают на то, что акторы, пытаясь изменить собственные организации, делают их все более и более похожими друг на друга. Это возможно в результате трех изоморфных процессов:

- 1) принудительного изоморфизма (когда институциональное изменение организации происходит принудительным образом, в результате внешнего давления);
- 2) нормативного изоморфизма (когда изменение и институциональное сближение обусловлены действием общих стандартов, правил, моделей поведения);
- 3) подражательного изоморфизма (когда институциональное изменение происходит в результате стандартных реакций на институциональную неопределенность) [Димаджо, Пауэлл, 2010, с. 35].

Каждый из этих процессов понимается П.Дж. Димаджио и У.В. Пауэллом как три механизма институциональных изменений.

Применительно к настоящему исследованию институциональные изменения в современном университете возможны в этих трех вариантах. Во-первых, как следствие формального и / или неформального давления со стороны других субъектов (правительства, других образовательных организаций, бизнеса) на университет. Во-вторых, в результате присутствия и включенности университета в общее профессиональное поле и усвоения университетом общих стандартов, норм и моделей поведения. Используя традицию П. Бурдье, можно говорить о том, что происходит распространение и проникновение легитимных и социально одобряемых институциональных практик в организационное поле университетской жизни. Наконец, в-третьих, университет в условиях даже минимальной институциональной неопределенности (как следствия реформы, вызовов глобализации, Болонского процесса и т.п.) вынужден заимствовать те стандарты и практики, которые транслируются и воспринимаются в организационном поле жизни университета как успешные.

В случае развертывания университетами новой стратегии взаимодействия с локальными сообществами следует учитывать тот факт, что сама современная мода на то, что часто называют «третьей ролью» как часть стратегии развития университета в контексте его взаимодействия с сообществом, оказывается, с одной стороны, привнесённой извне, а с другой – вынужденным ответом на вызовы глобализации. Так, первыми системный подход к новой социальной роли университетов осуществили финские вузы. С 1960-х годов в Финляндии на университеты были возложены функции формирования и консолидации местных сообществ в идеологии развития непрерывного образования, основанного на тесном сотрудничестве городских школ и университетов. Именно последнее и стало стимулом к развитию их социальной роли. В конце XX в. скандинавские вузы подобно тому, как это делает бизнес, пошли по пути разработки этики «корпоративной социальной ответственности», включающей достижение экономического благополучия сообщества, обеспечения «благоприятной среды» и создание новых рабочих мест, повышение человеческого потенциала и т.д. [Система образования Финляндии, 2005, с. 11]. Пример

финских университетов отсылает нас к так называемому подражательному изоморфизму: опыт социально ответственного бизнеса был привнесен и заимствован образовательными учреждениями, следствием чего стало формирование идеологии «третьей роли» университетов. Институциональное закрепление идеологии «третьей роли» произошло в 2004 г., когда на национальном уровне был принят Акт об университетах, который законодательно закрепил их «третью роль». В текстах программ стратегического развития университетов последние стали пониматься не только как образовательные институты, но как субъекты социального взаимодействия и равноправные участники регионального (городского) развития, определяющие, наряду с властью и бизнесом, региональную повестку дня и стратегии регионального развития.

Скандинавский опыт реализации «третьей роли» стал «заразительным» и для университетов других стран, где инициаторами и субъектами реализации «третьей роли», как правило, выступают университетские администраторы. И в этом случае успешная практика других вузов заимствуется университетом. Так, например, было с Пермским государственным национальным исследовательским университетом, когда в процессе разработки Стратегии развития ПГНИУ [Стратегия... 2012; Университет и региональные... 2013, с. 107] обсуждение стратегических направлений развития университета происходило при изучении успешных практик и институциональных решений, найденных за пределами России – в Европе, в том числе в скандинавских странах. Однако было бы неправильным сводить реализацию университетами «третьей роли» только к эффектам подражательного изоморфизма. Пермский случай свидетельствует о том, что решение о формулировании и содержательном наполнении стратегии и миссии университета принималось его руководством как под внешним, так и под внутренним влиянием. Получив в 2010 г. статус национального исследовательского университета, ПГНИУ вынужден был отвечать требованиям и целевым показателям программы развития национального исследовательского университета (НИУ), которая утверждалась Министерством образования РФ. Политическое решение государства относительно выбора, финансовой и институциональной поддержки приоритетных академических направлений, способствующих повышению конкурентности отечественной науки в современном

глобализирующемся мире, в случае с ПГНИУ фактически «разделило» университет на НИУ и остальных. В НИУ вошли факультеты естественно-научного и экономического профиля, в то время как гуманитарные факультеты оказались «за бортом» – вне поддержки и дополнительного финансирования науки, в условиях постоянного сокращения бюджетных мест и т.п. Эти решения спровоцировали внутренний раскол и, как следствие, протест представителей гуманитарных факультетов против такой дискриминации: университетские филологи и политологи – члены Ученого совета университета – публично оспорили подход к формированию стратегии развития университета исключительно как образовательного и академического учреждения, предложив актуализировать гуманитарную и социальную функции университета с точки зрения его роли и встроенности в городское и региональное сообщества. Идея «третьей роли» как успешной западной практики была предложена гуманитариями и стала способом преодоления наметившегося внутреннего институционального раскола.

Университет как субъект «третьей роли» внутренне не един. Как это уже отмечалось выше, субъектом решения о реализации «социальной миссии» является администрация вуза. Даже в пермском случае важным условием включения в стратегические направления развития ПГНИУ стала поддержка со стороны проректора по стратегическому развитию, экономике и правовым вопросам – профессора историко-политологического факультета. Чаще всего, как показывает наше исследование, «третья роль» оказывается политико-административным стремлением вузовской администрации, которая наталкивается на непонимание и отсутствие поддержки со стороны сотрудников. Профессура и преподаватели воспринимают функционал, связанный с реализацией «третьей роли», как дополнительный к уже существующей традиционной нагрузке – преподаванию и исследованиям.

В связи с этим интересными представляются данные, полученные в ходе полевых исследований (интервью и анкетирование) в Лёвенском и Гёттингенском университетах. Так, Лёвенский университет начиная со второй половины 2000-х годов активно реализует специальные программы, направленные на решение проблем городского сообщества, а также включенности университета в жизнь города. Несколько лет назад в структуре университета поя-

вился специальный департамент, отвечающий за это направление деятельности: доступная городская и университетская среда, программы по поддержанию городской среды (чистота, общественный порядок), адаптация и социализация мигрантов и детей из семей мигрантов (преимущественно из стран Африки), программы по включению мигрантов в образовательное пространство Лёвена, профориентационная работа со школьниками, совместные мероприятия университетской администрации с местной полицией и др. Это направление деятельности курирует проректор по политике в области культурного разнообразия и устойчивого развития Католического университета Лёвена, в функционал которого входит взаимодействие с местными и региональными властями.

Особенностью Католического университета Лёвена является то, что сам по себе город обязан университету своим существованием. Если в городе спросить: «Где университет?», – в 100% случаев вам ответят: «Университет везде». Действительно, в нашей выборке этот университет лидирует по количеству студентов относительно общего числа горожан и составляет порядка 44,44%. Университет является крупнейшим работодателем в городе. Однако интегрированность студентов (как граждан Бельгии, так и иностранных студентов) в городскую среду, по мнению всех экспертов, остается крайне низкой. Они не являются жителями Лёвена и не участвуют в местных выборах, платят налоги, на выходные студенты-бельгийцы предпочитают уезжать домой к родителям за пределы Лёвена. Без студентов город пустеет: пустынные улицы, места общественного пользования и досуга, полупустой транспорт и мало велосипедистов. Связь города и университета симбиотична, но при этом внутренне конфликтна: лёвенцы не любят шумные вечеринки студентов (особенно в ночь с четверга на пятницу), нарушающих ПДД студентов-велосипедистов; местным депутатам и мэру от внимания к проблемам студентов нет никакой электоральной выгоды (последние не голосуют на местных выборах). Но проблемы студентов (жилье, досуг, транспорт, общественный порядок) оказываются в зоне внимания и ответственности именно местных властей.

В условиях тенденции интернационализации образовательных программ и роста числа иностранных студентов (по данным интервью, каждый третий студент характеризуется как Cultural

diversity student, т.е. отличается признаками инаковости в широком смысле этого слова), лёвенское студенчество в количественном отношении значительно выросло. Эти объективные факторы заставляют администрацию университета и местные власти выстраивать диалог и институционализировать сотрудничество в области решения проблем взаимодействия «университета и городского сообщества». В 2011 г. университет разработал и ввел в действие так называемый План по продвижению политики разнообразия (Diversity policy plan), включающий программы и конкретные мероприятия для сотрудников и студентов университета, а также местного сообщества.

Исследование в Гёттингенском университете позволило выделить актуальные конфликтные ситуации в разрезе взаимодействия «университет – городское сообщество». Во-первых, это конфликт относительно размещения студентов: в последние годы отмечается постоянный рост численности студентов, при этом у университета нет возможности предоставить всем желающим общежитие. Более того, традиционно студенты европейских вузов арендуют жилье. Однако возможности города оказались ограничены: в 2014 г. значительное число студентов не смогли арендовать жилье по приемлемой цене, что вызвало конфликт как внутри университета, так и за его пределами. Второй конфликтогенной проблемой является организация работы общественного городского транспорта: распределение остановок, расписание в позднее вечернее и ночное время и т.п. Третья достаточно значимая проблема, отмечаемая респондентами, касается межкультурных конфликтов, возникающих, прежде всего, на этнической почве и являющихся следствием политики мультикультурализма и программ по интернационализации образования, академического обмена и мобильности. Эти проблемы коррелируют с проблемами, выявленными в Лёвене.

Полученные результаты позволяют обозначить модель взаимодействия университета с локальным (городским) сообществом. Гёттингенский и Лёвенский университеты (большой университет в небольшом городе) оказываются доминирующими субъектами и вынуждают других субъектов приспосабливаться к себе. В случае с Гёттингеном это отчетливо проявляется в обозначенных конфликтных сферах: жилье для студентов и транспорт для них же. Столкнувшись с дефицитом жилья по приемлемой цене, университет

прибег к помощи городских властей, предоставивших городскую школу под временное общежитие. Город также изменил расписание и маршрутную сеть общественного транспорта под нужды студентов, что вызвало недовольство, по крайней мере, части горожан (жители в интервью рассказывали, что прежнее расписание и сеть действовали в неизменном виде чуть ли не 16 лет, а тут были изменены, при этом – что вызывало особенное возмущение – без консультаций с горожанами). Действия университета и последующие действия города по помощи университету вызваны борьбой в университете между его внутренними группами: студентами и администрацией. Студенты провели несколько довольно массовых акций протеста по поводу нехватки жилья по приемлемой цене и организовали палаточный лагерь, в том числе как средство давления, а некоторые важные решения в сфере транспорта были инициированы студенческим парламентом университета. Но, разумеется, решение проблемы с жильем стало собственным интересом и для администрации вуза, потому что оно выступает необходимым условием реализации стратегии университета по включению в глобальное образовательное пространство, связанное с увеличением количества студентов вообще и иностранных студентов прежде всего. То есть в данном случае мы имеем дело с ситуацией нормативного изоморфизма, когда университет воспроизводит общепринятые университетские практики. Но их успешная реализация возможна лишь при выполнении некоторых условий (в данном случае – наличие достаточного жилого фонда – собственного или городского, но по приемлемой для студентов цене). Собственных ресурсов для решения этой проблемы университету недостаточно (несмотря на то что общий бюджет университета, например, в 2012 г. был больше 1 млрд евро), поэтому он вынужден взаимодействовать с городскими властями, которые, безусловно, сами крайне заинтересованы в данном взаимодействии. Городской девиз гласит: «Гёттинген – это город, который творит / создает знания». Превращенную немецкую конструкцию этого девиза можно перевести на русский как «наукоград». При этом город получает очень значимые символические бонусы от статуса университетского города: в 2014 г. Нобелевскую премию по химии получил директор одного из институтов общества Макса Планка, расположенного в Гёттингене: горожане говорили «мы» получили, «нам» дали.

Реализация социальной роли влечет за собой включение университета в разнообразные арены взаимодействия, представляющие собой разные уровни социальной реальности: от локального до глобального. В контексте современных процессов эти уровни сложно – неиерархически, гетерархически – взаимодействуют между собой и неодинаково влияют на деятельность университета. Аккумуляция, приращение и производство интеллектуальных, морально-этических, организационно-институциональных и финансовых ресурсов позволяют университету быть активным субъектом институциональных изменений в окружающей среде на различных уровнях социальной реальности. Университет является одновременно и коллективным актором, и месторасположением борьбы между внутренними акторами с различными интересами, ресурсами и программами: студенчество vs университетская администрация; студенчество как часть университета vs горожане; гуманитарии vs естественники; преподаватели vs университетская администрация. Эти противостояния накладываются друг на друга, усложняют конфликт интересов.

В крупных городах, таких как Пермь, университет стремится занять свою нишу в городской публичной жизни через реализацию «третьей роли». При этом следование глобальному тренду моды на «третью роль» в российском случае региональным университетом рассматривается, в том числе, как способ преодоления локальности. Пермский университет, как и большинство региональных российских вузов, работает на нужды регионального рынка труда. Но эта локальность испытывает влияние глобальных вызовов – интернационализации науки, требования повышения конкурентоспособности образовательных программ и исследовательских направлений, реализуемых университетами.

Если студенты в крупных городах «растворяются» в городской среде, то в случае университетских городов они осваивают городскую среду, продолжая традицию «town & gown» (надо видеть, как в рамках того, что в России принято называть «посвящением», студенты в Гёттингене совершают почти средневековые вылазки в город и возвращаются обратно с «трофеями»!). В исследуемых европейских случаях – Лёвене и Гёттингене – эта традиция освоения студентами локуса и конфликтного сосуществования городского и университетского сообществ в условиях глобализации

высшего образования запускает и стимулирует реализацию «третьей роли». При этом логика «освоения» города здесь очевидно другая – университеты в этих небольших городах используют город как ресурс для решения своих вполне «традиционных» задач. Можно даже говорить о том, что освоение и умелое использование локуса является фактором успеха в глобальном измерении. С этим связаны два важных момента. Во-первых, город сам по себе все-таки не является приоритетной целью. А во-вторых, такие университеты обладают в некотором роде монополией на использование города как ресурса, в отличие от крупных городов, где университеты существуют в конкурентной ситуации. При этом необходимо отметить, что сам термин «третья роль» здесь не используется. Это косвенно указывает на то, что речь не идет о добавлении к двум традиционным ролям – научные исследования и преподавание – рядоположенной и столь же значимой третьей роли.

Но во всех случаях ключевым агентом «социальной миссии» университета выступает администрация, которая имеет очевидно разнонаправленные стратегические интересы. С одной стороны, руководство не только российских, но и европейских университетов исходит из интересов коммерциализации науки, увеличения финансирования за счет привлечения иностранных студентов, повышения рейтинга вуза, в том числе через высокие показатели публикационной активности сотрудников. С другой стороны, университетские администраторы вынуждены учитывать фактор локальности и отвечать на вызовы локализации. Это означает, что рассмотрение практики взаимоотношения университетов и городских сообществ, а также реализации современными университетами «третьей роли» невозможно вне глобального контекста и вызовов глобализации в отношении университетов. Кроме того, интересы университетских администраторов очень часто не совпадают с интересами преподавателей, на которых ложится бремя реализации «третьей роли»: именно так, как показывают интервью, последние воспринимают этот новый функционал. Однако такое восприятие очень часто оказывается поверхностным и эмоционально окрашенным: в ходе интервью респонденты, описывая свою работу и социальную активность, приводили примеры того, как они, их коллеги, студенты включены во взаимодействие с городским сообществом в контексте решения актуальных для обеих сторон вопросов.

Причем эта их активность воспринимается ими как самодостаточная, добровольная и автономная относительно интенций университетской администрации. В связи с этим актуальным оказывается вопрос: а возможно ли обеспечить совпадение (ценностное и содержательное) стимулов и стратегий администраций университетов и сотрудников и будет ли оно способствовать консолидации университетского сообщества, с одной стороны, и эффективности его взаимодействия с городским сообществом – с другой?

Список литературы

- Димаджио П.Дж., Пауэлл У.В.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. – М., 2010. – № 11(1). – С. 34–56.
- Дыба Е.* Университет и город: история противостояния. – 2013. – Режим доступа: http://urban.hse.ru/urb.stud.townandgown_3 (Дата посещения: 12.12.2014.)
- Система образования Финляндии: успехи школьного обучения и «третья роль» университетов // Актуальные вопросы развития образования в странах ОЭСР / Отв. ред. М.В. Ларионова. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 8–12.
- Стратегия развития Пермского государственного национального исследовательского университета на 2012–2016 гг. и на период до 2020 г. – Пермь, 2012. – 26 с. – Режим доступа: http://www.psu.ru/files/docs/normativnaya_baza/base_nd/strategy_pgniu_.pdf (Дата посещения: 24.05.2015.)
- Университет и региональные (городские) сообщества: модели сосуществования и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт) / Голубев С., Пунина К., Смирнов В., Фадеева Л. // *Ars administrandi* (Искусство управления). – Пермь, 2013. – № 4. – С. 102–116.

Л.А. ФАДЕЕВА, К.А. ПУНИНА

**УНИВЕРСИТЕТ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ
ПОЛИТИКЕ: РОССИЙСКИЕ ПРАКТИКИ
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹**

Сегодня становится все более очевидным, что роль университетов в публичной сфере, во взаимодействии с той территорией, где они расположены, меняется. Университеты должны не только давать качественное образование и вести научную работу, но и быть в тесном взаимодействии с региональным сообществом, отвечая на его запросы, формируя важные для его развития инициативы.

Европейский опыт анализа социальной миссии и роли университета в публичной сфере является относительно недавним. Классические университеты и сегодня стремятся сохранить в формулировках своей миссии традиционные университетские ценности – свобода мысли и ее выражения, независимость мышления, ценность знания и качество образования, однако, как правило, это сопровождается в современных декларациях ссылками на потребности общества. Например, Европейская университетская ассоциация ставит общественную роль университетов на первое место – перед образовательной и научной. Таким образом подчеркивается общественная, социальная, публичная роль университетов. Это объясняется в декларации множественными вызовами, стоящими перед Европейским союзом: необходимостью развития институтов и внутреннего рынка, ответить на растущую глобализацию и эко-

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта РГНФ № 13-03-00060 «Университет и сообщества: европейский опыт и российские практики».

номическую конкуренцию, решать демографические и экологические проблемы, создать экономические условия для сохранения европейской социальной модели. Ожидается, что университеты будут участвовать в процессе определения курса и способствовать принятию эффективных политических решений [A vision and strategy... 2006]. Хотя в декларации не используются такие понятия, как «политический процесс» или «политический актор», однако постановка вопроса такова, что предполагает претензии университета на роль одного из важных, самостоятельных акторов публичной политики.

Наряду с миссиями и декларациями на протяжении последних 10–15 лет нарастает вал публикаций на тему «смерти» или «умирания» университетов в связи с тем, что в современном мире существенно меняется не просто набор функций университета, но и его предназначение, которое приобретает социальный характер, и его роль в окружающей среде в широком смысле слова. В то же время осмысление этих вызовов, потребностей, разработка новых представлений и стратегий развития университетов происходят не столь стремительно, как нарастание проблем.

Третья, социальная, публичная роль университета призвана отражать его вовлеченность в сообщество. Европейские исследователи стремятся разработать систему индикаторов, которые бы позволили оценить эту роль. Проект с целью разработки такой системы был поддержан Европейской комиссией в рамках программы «Обучение длиной в жизнь». Участники проекта пришли к выводу о невозможности прямого сравнения и ранжирования университетов по причине разнообразия существующих практик. Разработка индикаторов осуществлялась с учетом того, включена ли социальная деятельность в миссию университета, в его стратегию, существуют ли процедура оценки такой деятельности, специальные программы [Soeiro, 2012]. Результатом проекта стали дискуссии, конференции, «круглые столы», в то время как сама система индикаторов осталась весьма приблизительной.

Европейские исследователи отмечают наличие многих трудностей и проблем в выстраивании сотрудничества между университетами и региональным сообществом. К таким трудностям они относят отсутствие общего языка, общей системы ценностей, консерватизм университетской среды. На их взгляд, выражение и об-

раз университета как башни из слоновой кости остаются актуальными и не могут быть названы пустой фразой. Впрочем, есть и значимые факторы сотрудничества. Австрийские авторы, анализирующие существующие во взаимодействии университета с регионом проблемы, считают, что к таким факторам относятся как экономические, финансовые, побуждающие университеты все больше ориентироваться на региональную поддержку, нежели на помощь со стороны центральных властей, так и факторы эмоционального характера – «я там учился», «есть сообщество выпускников», «мои дети могут там учиться и работать» и т.п. Выразительно само название статьи «Выстраивая мосты над бурными водами – рассказ о трудном сотрудничестве между университетом и регионом», опубликованной в коллективной монографии с не менее провокативным заголовком – «Яркие сатанинские мельницы. Университеты, региональное развитие и экономика знаний» [Lashe, Egger, Meister-Scheytt, 2007]. Авторы настаивают, что успешное сотрудничество между университетом и регионом нельзя оценивать с позиции удачи, везения, но оно требует кропотливой работы с обеих сторон и способности университетского сообщества быть более чувствительным к новациям и динамичным.

В современной России изменения проявляются, прежде всего, в институциональной трансформации университетов, агентом которой выступает чаще всего государство как субъект реформирования университетов и системы университетского образования. Впрочем, созвучны европейским претензии отечественных университетских ученых и руководства вузами, что государство все больше стремится освободиться от финансовых обязательств перед системой высшего образования и перевести ответственность на регионы и региональные власти. Важнейшим измерением институциональной трансформации университетов является то, что управление и оценка качества работы ученых стали рациональны и подотчетны, что стимулирует взаимодействие с бизнесом, коммерциализацию деятельности университетов, освоение ими предпринимательской роли. Университеты в современном мире представляют собой взаимодействующие элементы системы, локализованные в пространстве. Иными словами, университеты встроены в различные типы сообществ, часть из которых местного значения,

часть – национального, а часть – глобального. Они являются неотъемлемой частью этих сообществ и одновременно формируют их.

В этих условиях университет не только реализует все три функции, но и становится своеобразным институтом влияния в контексте региональной политики. Имея возможность мобилизации значительной части студенчества, активной экспансии в регион вузовских экспертов, университет превращается в одного из ключевых игроков на региональном рынке и в сфере публичной политики. Рассмотрение этого феномена важно, в первую очередь, с позиции того, каким образом университет, используя свои политические ресурсы, интегрируется в региональные процессы, сохраняя свою университетскую идентичность и себя как институцию. В то же время университет как социальный институт обладает значительной устойчивостью, присущий ему традиционализм позволяет университету выступить в качестве коммуникативной площадки, на которой могут взаимодействовать разные политические акторы, в том числе для разрешения конфликтов.

Университет имеет значительные шансы выступать в качестве актора публичной политики, если под таковой понимать «деятельность, характеризующуюся системным взаимодействием государства, частного сектора, институтов гражданского общества, многообразных социальных, профессиональных групп и слоев, общественных объединений по поводу реализации личных и общественных интересов, производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа или населения определенных территорий» [Михеев, 2005].

Относительно самого концепта публичной политики представляется справедливым суждение И.В. Мирошниченко, что это своего рода зонтичная конструкция. Выглядит конструктивным тезис о том, что «концепт публичной политики выходит за рамки государства и предполагает включенность различных общественных групп, государственных и негосударственных акторов в политико-управленческий процесс посредством различных механизмов согласования интересов и культуры консенсуса» [Мирошниченко, 2013, с. 56]. Остается актуальным определение С.П. Перегудова, согласно которому под публичной политикой понимается поле взаимодействия государства и других субъектов политических от-

ношений, характеризующееся той или иной степенью открытости и «прозрачности» [Перегудов, 2006, с. 139].

Рассматривая потенциал университета и его реализацию в сфере публичной политики, необходимо определение каналов вовлечения отдельных представителей университета в производство и распределение власти в регионе, анализ того, с помощью каких средств университет трансформирует свои основные функции в политический капитал, способствующий участию его в сетевых процессах осуществления региональной политики.

Для анализа выбраны нестоличные университеты, которые в период с 2005 по 2016 г. отметили или отметят свое 100-летие. Мы исходим из предположения, что за вековую историю такие университеты должны быть максимально интегрированы в региональное и городское пространство, не только иметь авторитет в научной и образовательной среде, но и играть заметную культурную, социальную, публичную роль. Так, в число таких университетов вошли три национальных исследовательских университета – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) (1916), Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ) (1916) и Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (НИСГУ) (1909); один классический – Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (РГУ) (1915); два технических – Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова (ЮРГПУ (НПИ)) (1907) и Самарский государственный технический университет (СГТУ) (1914); и один аграрный – Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I (ВГАУ) (1912).

Появление в начале прошлого столетия университетов проходило более или менее однотипно. Решение о создании в том или ином городе именно университета принималось при активном участии городской общественности, местных промышленников и политических деятелей. В Перми, например, наиболее заметную роль в создании университета сыграл пароходчик Н.В. Мешков, в Саратове – премьер-министр П.А. Столыпин. Некоторые российские университеты вышли из эвакуированных во время беспорядков или Первой мировой войны вузов – Юрьевского, Варшавского, Тартуского.

Вся последующая история их развития богата примерами включенности представителей регионального и городского сообществ в университетскую жизнь. Известные выпускники, обладающие финансовыми или административными ресурсами, вносили свой вклад в развитие инфраструктуры вуза – строительство и ремонт аудиторий, корпусов. Представители властной элиты принимали участие в проводимых университетами мероприятиях. Известные профессора становились почетными гражданами города и региона. Взаимодействие это происходило (и происходит) в значительной мере на персональной основе, большую роль играют межличностные связи безотносительно роли самого университета. Рассмотрение университета как актора публичной политики не актуализировалось, а сам университет как держатель знания в распределении и использовании общественных ресурсов и благ не участвовал.

Между тем университет и его представители могут быть вовлечены в производство и распределение власти, а его основные функции могут быть трансформированы в политический капитал. В числе таких каналов предлагается рассмотреть формулирование миссии университета, присутствие в числе попечителей вуза представителей властной элиты региона, представительство университета в региональных парламентах и общественных палатах, в местных легислатурах, создание сети выпускников, деятельность эндаумент-фондов (*endowment foundations*), а также использование столетнего юбилея вуза как коммуникационной площадки. Каждому из параметров будет присвоен определенный вес, что позволит выявить наиболее активные университеты в части участия в публичной политике своего региона (табл. 1).

Общественно-публичная роль университетов законодательно закреплена, насколько нам известно, лишь в Финляндии. В принятом в 2004 г. в Акте об университетах заявляется: «Университеты – не только социальные институты, но субъекты социального взаимодействия и равноправные участники регионального развития, определяющие, наряду с властью и бизнесом, региональную повестку дня и стратегии регионального развития» [*A vision and strategy... 2006*].

Таблица 1

**Распределение удельного веса каналов вовлечения
университетов в публичную политику**

№	Параметр	Пояснения	Балл
П1	миссия	за присутствие в миссии университета задач по развитию региона	0,5
		за присутствие в миссии университета задач по выстраиванию отношений с региональным сообществом, органами власти	0,5
П2	эндаумент-фонд	за наличие	0,5
		за присутствие в составе попечителей Фонда представителей властной элиты	1,0
П3	создание сети выпускников	наличие ассоциации выпускников	0,5
П4	попечительский совет	за присутствие в числе попечителей вуза хотя бы одного представителя властной элиты региона	0,5
		за присутствие в числе попечителей вуза двух и более представителей властной элиты региона	1,0
П5	явные формы политического участия	за представителей в городской думе	0,5
		за представителей в региональном парламенте	0,5
		за представителей в общественной палате	0,5
П6	столетие вуза	за активное позиционирование себя в качестве старейшего вуза региона	0,5
		за использование юбилея как коммуникационного канала с региональными и городскими сообществами	1,0
П7	прочие проявления интеграции в сообщество	наличие соглашений с правительством региона, лекции представителей властной элиты для студентов и сотрудников вуза и т.п.	0,5

Российская практика показывает, что университеты активно взаимодействуют с регионами, прежде всего, в подготовке кадров и проведении научных исследований для территории. Однако практики взаимодействия университета и сообщества не становятся частью стратегии развития вуза. ВГАУ определяет целью своего развития достижение лидирующих позиций университета как центра непрерывной, многоуровневой подготовки высококвалифицированных кадров АПК; проведение фундаментальных и прикладных исследований мирового уровня; интеграцию науки, образования и производства для эффективного роста аграрного сектора и устойчивого развития сельских территорий [О вузе, б.г.]. Миссия ЮРГПУ (НПИ) «состоит в обеспечении Южно-Российского региона высококвалифицированными инженерными кадрами, способными активно участвовать в переводе экономики с ресурсно-

сырьевого на инновационный тип развития, быстро адаптироваться к высоким темпам научно-технического прогресса, гармонизировать свою профессиональную деятельность с социогуманитарными проблемами общества, а также эффективно участвовать в исследованиях и разработках по приоритетным направлениям науки и техники Российской Федерации» [Сведения об образовательной организации, б.г.]. «Упрочение национальной безопасности, развитие человеческого потенциала страны, сохранение духовных ценностей и культурных традиций российского народа путем формирования социокультурных и профессиональных компетенций выпускников, способных обеспечивать интеллектуальные и инновационные потребности России» [Миссия университета, б.г.], – так формулирует НИСГУ свою миссию.

И лишь два университета определяют свою миссию, в том числе, через включение в социально-политическое и духовное развитие своего региона. ПГНИУ должен стать «центром больших идей, важным субъектом общественной и культурной жизни региона», а его сверхзадачей – посредством интеллектуально-публичного лидерства в пространстве региона определять основные направления устойчивого развития Пермского края. В качестве приоритетов в Стратегии университета выделяется формирование интеллектуальной, деловой, политической элиты региона, играющих ключевую роль во всех сферах общественной жизни, а также позитивное воздействие на развитие региона через общественную деятельность коллектива университета [Миссия и стратегия]. ННГУ к 2020 г. предполагает стать социально-ответственным университетом, в котором общественно полезная деятельность, гражданское воспитание студентов останутся в числе его приоритетов. Свою миссию университет видит в активном воздействии на социально-экономическое и духовное развитие региона и Приволжского федерального округа, решая задачи сотрудничества с федеральными и региональными органами власти, содействия созданию социальной стабильности, атмосферы взаимопонимания, терпимости, взаимного духовного и культурного обогащения в многонациональном и поликонфессиональном Приволжском федеральном округе и в Нижегородском регионе [Информация о ННГУ, б.г.].

Для обеспечения значимого участия в формулировании и реализации публичной политики, общественных интересов уни-

верситеты могут обеспечить включение в эти процессы довольно больших групп людей. Немаловажную роль играют здесь такие характеристики, как лояльность, успешность и влияние. Этим параметрам, в первую очередь, будут отвечать сеть выпускников при условии, что с ними ведется постоянная работа. Обеспечить ее можно посредством создания ассоциаций (содружеств) выпускников университета, организации для них специализированных площадок, мероприятий и встреч. Самым тесным образом с успешными и влиятельными выпускниками связана и такая достаточно новая для России практика, как эндаумент-фонды (фонды целевого капитала). Такие фонды, как правило, появляются у наиболее крупных университетов, активно взаимодействующих с бизнесом, властью, работающих со своими выпускниками. Университет, у которого есть свой эндаумент, позиционируется как надежный, стабильный, инновационный, эффективный. О значимости эндаумент-фонда можно судить как по составу его участников-жертвователей, так и по составу его попечителей, определяющих направления расходования доходов, полученных от управления фондом.

Таблица 2

**Анализ каналов вовлечения
университетов в публичную политику**

Ун-т	П1	П2	П3	П4	П5	П6	П7	Итого
ПГНИУ	1,0	1,0	0,5	1,0	0,5	0,5	0,5	5,0
ННГУ	1,0	1,0	0,5	0,5	0,5	1	0,5	5,0
НИСГУ	0,5	0	0,5	1,0	1,5	0,5	0,5	4,5
ЮРГТУ	0,5	0	0,5	1,0	0,5	0,5	0,5	3,5
РГУ	0,5	0	0	0	1,0	0	0,5	2,0
ВГАУ	0,5	0	0	0	0	0,5	0	1,0
СГТУ	0	0,5	0	0	0	0,5	0	1,0

Из табл. 2 видно, что самыми активными субъектами публичной политики выступают ПГНИУ и ННГУ, а самыми слабыми стали аграрный воронежский и технический саратовский университеты. Результаты соотносятся как со спецификой самих университетов – классические, так и с насыщенностью региональных

общественно-политических процессов. Низкие показатели параметра № 5 (явные формы участия вузов в политическом процессе) не свидетельствуют об отсутствии представителей вузов региона в общественных палатах, парламентах и ассамблеях. Речь идет лишь о степени вовлеченности представителей рассматриваемых нами столетних университетов.

Если обратиться к содержательному анализу текстов, подготовленных университетами к 100-летию, обнаруживается, что все они стремятся сделать юбилей поводом для анализа своей истории в контексте регионального развития – «как первого вуза Центрального Черноземья» – Воронежский государственный аграрный университет; первого на Урале вуза – Пермский государственный университет; старейшее высшее учебное заведение города Саратова – Саратовский государственный университет. В большинстве деклараций речь идет о подготовке кадров для региона, о тесном взаимодействии с региональным сообществом. Но статус старейшего вуза и наличие столетней истории сами по себе не обеспечивают субъектной роли университета в публичной политике региона. Более молодые и инициативные вузы успешно выигрывают конкуренцию у старейшин высшего образования региона.

Однако понимание своей субъектной роли университетами существенно различается. Как и в европейском случае, важно осознание вузом себя в качестве не только образовательного, но и социального института, самостоятельного актора. На наш взгляд, особое значение имеет то обстоятельство, что такое понимание может формироваться не только руководством университета, но и любым активным и инициативным сообществом внутри университета – факультетом, центром, кафедрой, группой профессионалов. Разумеется, без поддержки руководства вуза никакая группа не сможет трансформировать идею и инициативу в стратегию и программу университета. Однако это означает лишь то, что первоначально такая группа должна заявить себя в публичном пространстве своего вуза, отработать навыки публичной политики – убеждения, поиска союзников, образования коалиции, согласования, консенсуса, а затем – трансформировать эти навыки (уже при содействии руководства) в сфере региональной публичной политики.

Список литературы

- Информация о ННГУ // Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского: [Официальный сайт]. – Б.г. – Режим доступа: <http://www.unn.ru/general/brief.html> (Дата посещения: 24.05.2015.)
- Миссия и стратегия // Пермский государственный национальный исследовательский университет: [Официальный сайт]. – Б.г. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/universitet/missiya> (Дата посещения: 24.05.2015.)
- Миссия университета // Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского: [Официальный сайт]. – Б.г. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/structure/analysis-procuring/uok/garantiya-kachestva/missiya-universiteta> (Дата посещения: 24.05.2015.)
- Мирошниченко И.В.* Социальные сети в российской публичной политике: Дис. ... доктора полит. наук: 23.00.02. – М., 2013. – 299 с.
- Михеев В.А.* Социальное партнерство и пути совершенствования публичной политики // Власть. – М., 2005. – № 7. – С. 7–13.
- О вузе // Воронежская государственная сельскохозяйственная академия: [Официальный сайт]. – Б.г. – Режим доступа: http://www.vsau.ru/o_vuze (Дата посещения: 03.06.2015.)
- Перегудов С.П.* Гражданское общество как субъект публичной политики // Полис. – М., 2006. – № 2. – С. 139–151.
- Сведения об образовательной организации // Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова: [Официальный сайт]. – Б.г. – Режим доступа: <http://www.npi-tu.ru/index.php?id=3287> (Дата посещения: 24.05.2015.)
- A vision and strategy for Europe's universities and the European University Association. – Brussels, 2006. – 12 March. – 7 p. – Mode of access: http://www.eua.be/typo3conf/ext/bzb_securelink/pushFile.php?cuid=2122&file=fileadmin/user_upload/files/EUA1_documents/EUA_Vision_strategy_universities.pdf (Дата посещения: 24.05.2015.)
- Lashe S., Egger M., Meister-Scheytt C.* Building bridges over troubled water – A tale of the difficult cooperation between university and region // Bright satanic mills. Universities, regional development and the knowledge society / A. Harding, A. Scott, S. Laske, C. Burtcher (eds). – Aldershot: Ashgate publishing company, 2007. – 242 p.
- Soeiro A.* Defining and delivering the university's third mission // The Evollution – Illuminating the LLL moviment. – 2012. – Mode of access: http://www.evollution.com/program_planning/defining-and-delivering-the-universitys-third-mission/ (Дата посещения: 24.05.2015.)

А.Б. МАКАРОВ

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
НА УРАЛЕ. ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ ВАЖНЕЙШИХ
ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА УрО РАН**

Первый академический институт Большого Урала в области философии и права – Институт философии и права УрО РАН – был образован в марте 1988 г. Институт был ориентирован на решение научных задач мирового уровня, выходящих за рамки любых региональных «измов». Спустя четверть века следует признать, что стратегия научного поиска, связанная с комплексным философским, политологическим и правоведческим осмыслением трансформаций российского общества в контексте глобального мира, оказалась и наиболее правильной, и наиболее эффективной. В обзоре мы постараемся представить как стержневые, постоянные темы и направления, в разработке которых институт является одним из признанных научных лидеров (это политическая философия, конституционное и договорное право, теория политики, политические институты и процессы), так и неожиданные содержательные повороты, давшие не менее значимые результаты исследований.

Первоначально центральными направлениями **философско-политических исследований** института были проблемы философской антропологии, взаимоотношения человека и власти, концепции исторического процесса, условий становления гражданского общества и правового государства в России. В российский научный оборот были введены оригинальные философские и социологические идеи Эрнста Блоха, осмыслены проблемы утопического

сознания [Вершинин, 2001]. Широкий отклик получил анализ концептуальных моделей методологии истории в XX в.: неокантианской, позитивистской, историко-герменевтической, веберовской, модели истории школы «Анналов» и др. [Русакова, 2000]. Впервые в российской научной литературе были проанализированы проблемы теологии власти в концепциях О. Шпанна, К. Шмита, Л. Штрауса, Э. Фегелина [Максутов, 1998; Гайда, Максудов, 2001]. Сохраняют свою актуальность и остроту всесторонний анализ феномена тоталитаризма и посттоталитаризма [Гайда, Китаев, 1991], а также цикл исследований, посвященных осмыслению практического осуществления и эволюции марксизма в контексте российской истории [Марксизм и Россия, 1990; Социализм и Россия, 1990; Ленинизм и Россия, 1995; Лоскутов, 1990; Скоробогачкий, 1988].

Ряд интересных исследований был посвящен анализу религиозно-философской, консервативно-этатистской, либеральной и революционно-радикальной моделей взаимодействия гражданского общества и государства в российской мыслительной традиции XIX–XX вв. [Судьбы гражданского общества... 2004]. Значительный вклад в исследование этой проблемы внесли работы о становлении институтов социального партнерства, развитии гражданской культуры и гражданского участия [Модель И.М., Модель Б.С., 1998].

Было критически переосмыслено социально-философское и теоретико-политическое наследие И.В. Сталина: концепции по решению национального вопроса в России, строительству социализма в одной отдельно взятой стране, федеративному устройству советского государства; теоретически осмыслены особенности советского внешнеполитического мышления [Любутин, Мошкин, 2011]. Данная монография продолжает цикл исследований, посвященных российским и зарубежным версиям марксизма, – философским и политическим взглядам А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, А.М. Горького, В.И. Ленина, А.В. Луначарского [Любутин, 2000; Любутин, Франц, 2002; Любутин, Мошкин, 2000; 2011]. В 2010-е годы предметом исследований стали политические концепции современных неомарксистов; впервые был осуществлен перевод ряда работ Ф. Джеймисона, осмыслена политическая философия Л. Альтюссера [Джеймисон, 2015; Иванова, 2013; Любутин, Шихардин, 2010].

Значительных успехов научные сотрудники добились в разработке проблем политической философии в современном мире, в

осмыслении современных политических теорий, в критическом анализе и развитии методологии политической науки. Под руководством д-ра филос. наук, профессора О.Ф. Русаковой с 2001 г. были начаты исследования политического дискурс-анализа [Многообразие политического дискурса, 2004; Современные теории дискурса, 2006; Дискурсология... 2006]. К настоящему времени это направление сформировалось в известную научную школу. Ее представителями анализируются современные теории дискурса, методология дискурс-анализа, проводится дискурсивный анализ социальных ресурсов политической власти и инструментов влияния (реклама, PR, народная дипломатия, массовая культура) и др. С 2001 г. школой издается научный журнал «Дискурс-Пи», входящий в РИНЦ на условиях открытого полнотекстового доступа. Рассмотрены основные интерпретации концепта *soft power* («мягкой силы») в современной политической философии, проведен анализ концепта политики памяти и политического медиадискурса [Русакова, 2012 а; 2012 б].

Значительный вклад в политическую науку представляет системный анализ исторической роли постмодернистских и постиндустриальных теорий, претендовавших на глобальную альтернативу доминирующей парадигме Модерна. Постмодернистские теории в итоге были включены в парадигму «позднего» или глобального Модерна на условиях ее критического самоописания [Мартьянов, 2012 а]. Осуществлена реконструкция структуралистской парадигмы в политической теории [Мартьянов, 2011]. Теория идентичности впервые рассмотрена как составная часть идейного проекта общества Модерна [Мартьянов, 2012 б]. Проанализированы исторические особенности российских версий справедливости. Аргументированы методологические, ценностные и политические условия теории справедливости, адекватной актуальному российскому обществу [Мартьянов, 2006].

К знаковым, фиксирующим кризисное состояние общества, относятся работы, посвященные проблемам морали. Продолжением линии изучения политических аспектов морали [Франц, 1993] в современном контексте стало рассмотрение проблемы исчезновения морали в ходе эволюции человека и общества и ее смены такими социальными регуляторами, как нравственность и правовые нормы, а также анализ попыток возвращения к «этике добродете-

ли» [Фишман, 2012]. Осуществлено рассмотрение трансформации социального института семьи в условиях исторического изменения государства и собственности [Романова, 2010]. Научный интерес представляют анализ этнополитических и этносоциальных процессов в Российской Федерации, разработка концепта этнорегиональной идентичности как основы конструирования регионального общества на полиэтнической основе [Фадеева, 2003; 2012].

Широкий резонанс получили исследования, посвященные политическим и правовым аспектам трансформации институтов гражданского общества и государства в современном обществе. Была осуществлена теоретико-методологическая реконструкция моделей взаимодействия гражданского общества и государства, критически осмыслен дискурс догоняющей модернизации, описаны особенности и последствия включения России в капиталистическую миросистему (КМС), предложена стратегия проективных изменений для России [Мартынов, 2012]. Серьезным научным значением обладает разработка проблемы становления гражданина как субъекта гражданского общества. Выявлены социокультурные факторы становления и исторической эволюции феномена гражданина. Сконструированы инвариантная теоретическая модель гражданина, модели исторических типов гражданина – античного, средневекового, эпохи Модерна [Фан, 2006; 2007; 2010 а]. Проблема возможности становления гражданина в России анализируется путем поэтапного рассмотрения изменения значений слова «гражданин» в российской истории, соотношения эгалитарного и элитарного начал, политического и правового неравенства, выявления социокультурных условий исполнения российским гражданином роли частного и публичного лица [Фан, 2004; 2010 с; 2011].

Весь период существования института продолжалась разработка разных аспектов и направлений **теории политической науки**, в которых прослеживается и преемственность, и многообразие тем. Разработана авторская концепция эволюции и трансформации метапарадигмы наук об обществе, проанализирована историческая эволюция парадигмы Модерна от европоцентричной, национально-территориальной к его космополитической версии. Рассмотрено соотношение капитализма и этики; показано, что «моральный коллапс» капиталистической миросистемы привел к крушению попыток рационального обоснования морали. Проанализированы особенно-

сти попыток моральной компенсации капитализма, инициируемые из разных автономных подсистем капиталистического общества с начала Нового времени до позднего Модерна [Мартьянов, Фишман, 2010; 2012; Мартьянов, 2005; 2010; Степанова, 2009; Фишман, 2004 а; 2012]. Особо значимой темой стала проблема стратегии России в глобальном мире. Сокращения области рыночных обменов в обществе и рост роли дистрибутивно-распределительных процессов нынешнего социально-политического порядка все более превращают российский капитализм в «периферийный» [Мартьянов, 2014]. Проанализированы нравственная трансформация российского общества, моральный тупик политических дискурсов, выдвигаемых российской политической и интеллектуальной элитой. Обосновано, что новые утопии и идеологии могут возникнуть лишь на основе «моральной революции» [Мартьянов, 2010; Мартьянов, Фишман, 2010].

В области истории политической мысли политологическому анализу подвергнута теоретическая дискуссия о характере советской военной доктрины, состоявшаяся в начале 1920-х годов среди военного и политического руководства СССР; рассмотрены основы экспансионистской доктрины как одной из доминант внешней политики советского государства [Мошкин, 1997; 2011; 2012]. Проанализирован феномен идеологической эклектики в современной российской политической мысли и показана его связь с консерватизмом; проведен сравнительный анализ правого и левого политического мышления [Фишман, 2010 b].

Исследования, посвященные проблеме генезиса демократии, подтвердили гипотезу о связи милитаризации, сферы публичной политики и процессов трансформации политических институтов. Проанализирована связь демократии, либерализма и риторики «угрозы (национальной) безопасности». Показано, что демократия вытекает из политической сделки, заключенной между элитами и массами, целью этой сделки является значительное увеличение военной мощи государства. Сходство между античной демократией и современными политическими режимами заключается в наличии прямой связи демократии с определенного рода военной организацией [Фишман, 2010 а; 2011]. Анализировались политико-правовые институты прямой демократии и перспективы развития прямой демократии в современном обществе. Всесторонне изучен феномен

«чистой демократии» («pure democracy») как определенная политико-правовая модель правления и образец конструирования реальности. Обосновано, что идея «чистой демократии» нацелена на выработку моделей власти и управления, противоположных меритократии [Руденко, 2006; 2012 а]. На основе дифференциации согласительных и мобилизационных политических систем проанализированы особенности современной демократии и политико-правовые институты прямой демократии в современном обществе, изучена роль общественных советов в системе делиберативной демократии [Руденко, 2003; 2007]

Весьма интересными представляются исследования сотрудников института, посвященные разного рода идейным течениям. Как особый мировоззренческий стиль, занимающий значительное место в духовной истории европейской цивилизации, рассматривался современный консерватизм [Абелинскас, 1999]. Эта тема была продолжена в работе, посвященной испанскому консерватизму [Василенко, 2008]. Высокой научной значимостью обладают структурный анализ левого и правого радикализма, а также типология современных разновидностей радикализма: движения антиглобалистов, этнонационализма, неоевразийства [Русакова, 2001]. Значительной научной новизной обладает оригинальная классификация современных политических дискурсов [Фишман, 2004 б]. Предложена новаторская методологическая концепция политического экстремизма, рассматривающая его только в категориях действия. Доказывается, что экстремизм не может быть самостоятельной политической идеологией. Согласно аргументируемой классификации экстремизм может быть отнесен к области нелегитимного публичного политического насилия [Мартьянов, 2008; Мартьянов, Фишман, 2008].

В настоящее время бурно развивающееся направление политической науки представляет собой политическая коммуникативистика. В его рамках осуществлен анализ основных теоретических подходов к изучению массовой коммуникации и власти, выделены две основные модели этих взаимоотношений: модель доминирования и плюралистическая модель. Эти модели показали свою эффективность при исследовании проблемы информационного неравенства, Интернета и др. [Дьякова, 2002]. Отличается высокой степенью новизны дискурсивный анализ массовой коммуникации как идеоло-

гический инструмент [Трахтенберг, 2006]. Впервые в отечественной литературе осуществлено теоретическое моделирование процессов перехода к электронному правительству и выделены три основные модели: общественного запроса, административного запроса и «гонки за лидером». Были осмыслены процессы и условия формирования «электронного общества» и «электронного государства» за рубежом и в России. Выявлено значительное расхождение официального дискурса электронного правительства и потребностей граждан; проанализированы ожидания, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении, и показан их утопический характер [Дьякова, 2011; Дьякова, Трахтенберг, 2009; Трахтенберг, 2010 а; 2010 b; 2011].

Анализировались теории, осмысливающие различные политические феномены. На основе критического рассмотрения базовой модели лоббизма была разработана новаторская дискретная модель лоббистских коммуникаций, базирующаяся на методологии К. Шеннона и В. Уивера. Новизна проведенных исследований, посвященных проблеме пропаганды, заключается в анализе концепции пропаганды Э. Бернейса, установлении того, как под влиянием пропаганды происходит трансформация свойств или даже самого объекта [Белюсов, 2005; 2010; 2012]. Важнейшим направлением научных исследований института является изучение таких политических институтов и процессов в России, как выборы, парламентаризм, партийные системы, политическая оппозиция, политическая конкуренция. Отделами института обобщаются политические процессы в период электоральных циклов, изучаются локальные элиты, феномен традиции и его место в мифологических системах; рассматриваются виды интеграционных проектов в современной России [Гаврилов, 2003; Киселев, 2007 а; Рязанова, 2010; Ашихмина, 2010; Витковская, Рябова, 2011; Партийная организация... 2012].

Важнейшие результаты фундаментальных и прикладных исследований были достигнуты при рассмотрении процессов трансформации современного федеративного государства. Работа над данной проблематикой в последнее время получила «второе дыхание». В институте дважды был проведен всесторонний анализ федеративных отношений в условиях децентрализации и централизации власти в стране, была разработана дистрибутивная модель федерализма, рассмотрены проблемы функционирования, эволю-

ции и структурной динамики федеративных систем [Федерализм и децентрализация, 1998; Федерализм и централизация, 2007; Панкевич, 2008].

Впервые в мире осуществлено комплексное исследование разнообразных форм гражданского участия в отправлении правосудия в современных государствах. Выявлено четыре базовые модели гражданского участия в отправлении правосудия в современном мире: модель непрофессионального суда, модель суда присяжных, модель смешанного суда и модель гибридного суда. Каждое государство выбирает одну или несколько таких моделей участия граждан в правосудии с учетом специфики своей правовой системы и социокультурных особенностей [Руденко, 2011 а; 2011 b; 2011 с]. Осуществлен методологический анализ институционального подхода в сравнении с субъективистскими моделями объяснения изменений политических систем, сделан вывод об эффективности институционализма при рассмотрении устойчивых практик взаимодействия политических акторов как факторов трансформации федераций [Ильченко, 2009]. Достижение контроля над структурными трансформациями федеративных моделей является институциональной стратегией во взаимодействии таких политических акторов, как государственные и экономические элиты [Ильченко, 2008].

На пике актуальности в настоящее время находится тематика региональной политики, определения условий устойчивого развития регионов и городов. Исследованы политические отношения, складывающиеся в треугольнике местное сообщество – местное самоуправление – градообразующее предприятие [Подвинцев, Козлов, 2011]. Рассмотрены особенности и результаты советской и российской урбанизации, проведен анализ направлений постсоветской трансформации сетей российских мегаполисов [Мартьянов, Руденко, 2012; Мартьянов 2013]. Осуществлен анализ символической политики на региональном и локальном уровнях в России; рассмотрены основные методологические проблемы изучения структуры локальных сообществ в РФ, вопросы импловивности, конструирования идентичностей и формирования групп интересов локальных сообществ, проектирования политических партий в современной России [Киселев, 2007 b; 2010; 2012].

Научной новизной обладает анализ логики коллективных политических действий в условиях глобализации. Обосновано, что

основные причины дефицита эффективности политического действия, характерного для современного состояния большинства политических систем, обусловлены радикальной трансформацией политического пространства [Панкевич, 2012]. С помощью инвариантных элементов сказки и ее логической структуры осуществлен анализ действий основных участников современной политической ситуации в России [Фан, 2012]. Обладающим эвристическим потенциалом и весьма перспективным является исследование политико-правовой трансформации национального государства в процессе глобализации. Показано, что на современном этапе фиксируется кризис политической формы суверенного национального государства, что в международном контексте открывает возможности для формирования новых властных конфигураций между негосударственными и субгосударственными акторами. Было изучено стратегическое поведение транснационального сектора экономики как актора, способного к комплексной трансформации политического пространства в глобальном, национальном и локальном измерениях. Установлен рост политического веса пространственных единиц субгосударственного характера (регионов, сетей городов), их автономизации от национальных пространств и самостоятельной интеграции в глобальные процессы, а также диспропорций в развитии регионов [Панкевич, 2010; 2011]. Также в современных политических концепциях находит отражение процесс эволюции института гражданства, детерминированный трансформацией национальных государств [Фан, 2010 b].

Представленный багаж интеллектуальных достижений Института философии и права УрО РАН впечатляет многообразием, фундаментальностью и одновременно обращенностью к социальной, политической и правовой практике.

Список литературы

- Абелинскас Э.Ю.* Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования). – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1999. – 100 с.
- Ашихмина Я.Г.* Интеграционные проекты в современной России: виды и характеристика // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – Екатеринбург, 2010. – Вып. 10. – С. 193–203.

- Белоусов А.Б.* Лоббизм как политическая коммуникация. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2005. – 216 с.
- Белоусов А.Б.* Эдвард Бернейс: от манипуляции общественным мнением к инженерии согласия // Полис. – М., 2012. – № 4. – С. 143–148.
- Белоусов А.Б.* Политическая пропаганда в современной России // Свободная мысль. – М., 2010. – № 2. – С. 83–96.
- Василенко Ю.В.* Идеино-ценностные уровни испанского консерватизма // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 8. – С. 293–311.
- Вершинин С.Е.* Жизнь – это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. – Екатеринбург: УрО РАН, 2001. – 304 с.
- Витковская Т.Б., Рябова О.А.* Моногорода Среднего Урала: Локальные элиты и политические процессы. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 284 с.
- Гаврилов Г.А.* Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2003. – 154 с.
- Гайда А.В., Китаев В.В.* Власть и человек. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – 158 с.
- Гайда А.В., Максutow А.Б.* Теология власти. – Екатеринбург: УрО РАН, 2001. – 263 с.
- Джеймисон Ф.* Удовольствие: политический вопрос // Логос. – М., 2015. – № 1. – С. 1–22.
- Дискурсология: методология, теория, практика / Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2006. – 172 с.
- Дьякова Е.Г.* Массовая коммуникация и власть. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2002. – 278 с.
- Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д.* Официальные сайты органов власти как инструмент электронного правительства. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 202 с.
- Дьякова Е.Г.* Переход к электронному правительству как процесс институциональной адаптации // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – Вып. 11. – С. 235–252.
- Иванова Е.А.* Сартрианские истоки концепции политической субъектности в работах Фредрика Джеймисона // Социум и власть. – М., 2013. – № 3. – С. 91–94.
- Ильченко М.С.* Институциональные истоки «Нового централизма» в современной России // Полис. – М., 2008. – № 5. – С. 125–134.
- Ильченко М.С.* Институционализм и проблема субъекта: опыт анализа федеративных отношений // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 9. – С. 263–274.
- Ильченко М.С.* Инерция в российской политике: как институты определяют политические ценности // Свободная мысль. – М., 2011 а. – № 5. – С. 55–66.
- Ильченко М.С.* Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: переговорный процесс за рамками формальных правил // Политическая наука. – М., 2011 б. – № 1. – С. 170–190.
- Киселев К.В.* Партийное проектирование в современной России: роль идеологии // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2007 а. – Вып. 7. – С. 231–239.

- Киселев К.В.* Акторы и тренды региональной политики. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2007 б.–376 с.
- Киселев К.В.* Динамика символической политики власти в электоральном цикле 2011–2012 гг. // Политэкс. – СПб., 2012. – № 4. – С. 205–217.
- Киселев К.В.* Структурирование местных сообществ и группы интересов // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2010. – Екатеринбург, 2010. – Вып. 10. – С. 259–270.
- Ленинизм и Россия / Под ред. А.В. Гайда, К.Н. Любутина. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. – 320 с.
- Лоскутов В.А.* Историческая природа марксизма: основания и система развития. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 308 с.
- Любутин К.Н.* Российские версии марксизма: Александр Богданов. – Екатеринбург: Урал. ин-т коммерции и права, 2000. – 89 с.
- Любутин К.Н., Мошкин С.В.* Российские версии марксизма: Николай Бухарин. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2000. – 206 с.
- Любутин К.Н., Мошкин С.В.* Российские версии марксизма: Иосиф Сталин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2011. – 160 с.
- Любутин К.Н., Франц С.В.* Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – 170 с.
- Любутин К.Н., Шихардин В.В.* Альтернатива Луи Альтюссера: неомарксистский выбор. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – 114 с.
- Марксизм и Россия / Под ред. В.А. Лоскутова. – М.: ФО СССР, 1990. – 286 с.
- Мартянов В.С.* Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Полис. – М., 2006. – № 4. – С. 61–73.
- Мартянов В.С.* Постмодерн – реванш проклятой стороны Модерна // Полис. – М., 2005. – № 2. – С. 147–157.
- Мартянов В.С.* Политический проект Модерна. От мирозкономики к мирополитике: стратегии России в глобализирующемся мире. – М.: РОССПЭН, 2010. – 360 с.
- Мартянов В.С.* Умножение зла добром // Свободная мысль. – М., 2008. – № 5 (1588). – С. 83–96.
- Мартянов В.С., Руденко В.Н.* Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. – Екатеринбург, 2012. – Вып. 12. – С. 316–330.
- Мартянов В.С., Фишман Л.Г.* Быть свободным или «бороться с экстремизмом»? // Новый мир. – М., 2008. – № 11. – С. 132–152.
- Мартянов В.С., Фишман Л.Г.* Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. – М.: Весь мир, 2010. – 256 с.
- Мартянов В.С., Фишман Л.Г.* Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // Полис. – М., 2012. – № 1. – С. 63–75.
- Мартянов В.С.* Знак и символ как конкурирующие структуры политического дискурса // Политическая лингвистика. – М., 2011. – № 3. – С. 110–116.
- Мартянов В.С.* Модерн продолжается? // Полис. – М., 2012 а. – № 3. – С. 108–122.
- Мартянов В.С.* Эволюция идентичности в политическом проекте Модерна // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: РОССПЭН,

- 2012 б. – Т. 2.: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. – С. 307–331.
- Мартыанов В.С.* Стратегия городского развития в Арктическом регионе России // ЭКО. – М., 2013. – № 5. – С. 125–137.
- Мартыанов В.С.* Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // Полис. – М., 2014. – № 1. – С. 83–98.
- Многообразие политического дискурса / Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, УрГСХА, 2004. – 386 с.
- Модель И.М., Модель Б.С.* Власть и гражданское сообщество России: от социального взаимодействия – к социальному партнерству. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1998. – 158 с.
- Мошкин С.В.* Революция извне: историко-политологические очерки. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1997. – 292 с.
- Мошкин С.В.* Закарпатье – послевоенное приобретение Сталина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – Екатеринбург, 2011. – № 11. – С. 389–407.
- Мошкин С.В.* «Военные марксисты» против Троцкого // Политэкс. – СПб., 2012. – № 4. – С. 84–99.
- Панкевич Н.В.* Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. – 194 с.
- Панкевич Н.В.* Диспропорции регионального развития: проблема без решения? // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 1. – С. 97–109.
- Панкевич Н.В.* Политико-правовое регулирование деятельности ТНК: вызовы, возможности и противоречия // Политика. – М., 2011. – № 3. – С. 55–69.
- Панкевич Н.В.* ТНК: гражданско-политический контроль в условиях денационализации // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2012. – № 3. – С. 34–42.
- Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. – 300 с.
- Подвинцев О.Б., Козлов Д.В.* Иркутская и Пермская аномалии на партийно-электоральной карте современной России // Вестник СПбГУ. Серия 6. – СПб., 2011. – Вып. 3. – С. 89–99.
- Романова К.С.* Трансформация семьи как социального института в условиях изменения государства и собственности // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2010. – Екатеринбург, 2010. – Вып. 10. – С. 271–287.
- Руденко В.Н.* Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2003. – 476 с.
- Руденко В.Н.* Новые Афины, или Электронная республика (О перспективах развития прямой демократии в современном обществе) // Полис. – М., 2006. – № 4. – С. 7–16.
- Руденко В.Н.* Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. – М., 2007. – № 4. – С. 116–124.

- Руденко В.Н.* Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011 а.–644 с.
- Руденко В.Н.* Большое жюри как институт гражданского участия в отправлении правосудия // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2011. – Екатеринбург, 2011 б. – Вып. 11. – С. 467–488.
- Руденко В.Н.* Участие граждан в дознании в странах общего права // Российская юстиция. – М., 2011 с. – № 2. – С. 16–18.
- Руденко В.Н.* «Чистая демократия» и ее атрибуты // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. «Философия». – Новосибирск, 2012. – Т. 10, Вып. 3. – С. 120–126.
- Русакова О.Ф.* Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. – Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 2001. – 352 с.
- Русакова О.Ф.* Историософия: структура предмета и дискурса // Вопросы философии. – М., 2004. – № 7. – С. 48–59.
- Русакова О.Ф.* Философия и методология истории в XX веке. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2000. – 354 с.
- Русакова О.Ф.* Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2012 а. – С. 90–130.
- Русакова О.Ф.* Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. – Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2012 б. – 400 с.
- Скоробогачкий В.В.* По ту сторону марксизма. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 272 с.
- Социализм и Россия: Сб. ст. / Отв. Ред. А.В. Гайда, К.Н. Любутин. – М.: ФО СССР, 1990. – 260 с.
- Степанова Е.А.* Постижение веры. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. – 252 с.
- Степанова Е.А.* Теории секуляризации в «проекте модерна»: возможности и границы // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2009. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 9. – С. 54–73.
- Судьбы гражданского общества в России: в 2 т. / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – Т. 1. – 224 с; – Т. 2. – 288 с.
- Трахтенберг А.Д.* Дискурсивный анализ массовой коммуникации как идеологический инструмент // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2006. – № 8. – С. 85–94.
- Трахтенберг А.Д.* В поисках утраченной альтернативы: Интернет как объект анализа в восходящих к Ж. Лакану теориях медиадискурса // Известия УрГУ. – Екатеринбург, 2010 а. – № 1. – С. 28–38.
- Трахтенберг А.Д.* Информационная революция в России: к вопросу о гендерной специфике освоения информационно-коммуникационных технологий в малом уральском городе // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2010. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010 б. – Вып. 10. – С. 135–142.
- Трахтенберг А.Д.* Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2011. – Екатеринбург, 2011. – Вып. 11. – С. 243–269.

- Фадеечева М.А.* Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2003. – 248 с.
- Фадеечева М.А.* Политическая символика государств Юго-Восточной Азии как инструмент мягкой власти // Политэкс. – СПб., 2012. – № 4. – С. 218–227.
- Фан И.Б.* От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2006. – 314 с.
- Фан И.Б.* Гражданин в контексте города: исторический смысл понятия // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН, 2004. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – Вып. 4. – С. 112–137.
- Фан И.Б.* Политический театр эпохи буржуазных революций: рождение гражданина // Общественные науки и современность. – М., 2007. – № 5. – С. 75–86.
- Фан И.Б.* Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход // Полис. – М., 2010 а. – № 6. – С. 149–161.
- Фан И.Б.* Модель гражданина Модерна: время дифференциации и транснационализации // Политическая наука. – М., 2010 б. – № 1. – С. 173–191.
- Фан И.Б.* Частное и публичное в жизни российского гражданина // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2010. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2010 с. – Вып. 10. – С. 243–258.
- Фан И.Б.* Апатия вместо жажды. Свобода и справедливость в жизни российского гражданина // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2011. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. – Вып. 11. – С. 270–283.
- Фан И.Б.* Модель народной сказки в российской политике // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2012. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2012. – Вып. 12. – С. 356–370.
- Федерализм и децентрализация / Отв. ред. А.В. Гайда, В.Н. Руденко. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1998. – 416 с.
- Федерализм и централизация / Под ред. К.В. Киселева. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2007. – 374 с.
- Фишман Л.Г.* В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004 а. – 155 с.
- Фишман Л.Г.* Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004 б. – 236 с.
- Фишман Л.Г.* Демократия, «социальное государство» и война // Свободная мысль. – М., 2010 а. – № 2. – С. 11–125.
- Фишман Л.Г.* Слишком много эклектики // Полития. – М., 2010 б. – С. 145–155.
- Фишман Л.Г.* Происхождение демократии («Бог» из военной машины). – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. – 258 с.
- Фишман Л.Г.* А теперь – добродетель! // Полития. – М., 2012. – № 2. – С. 89–97.
- Франц А.Б.* Политическая анатомия морали (опыт философии этоса). – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1993. – 314 с.

В.А. ИНОЗЕМЦЕВА, Е.И. ЧЕРНЕНКОВА
ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО
РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ: ОПЫТ УЧАСТИЯ
В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Деятельность экспертно-аналитических сообществ как акторов публично-государственного управления в Республике Карелия стала предметом научной рефлексии с начала 2000-х годов [Аналитические... 2011; Прохорова, 2006; Сухоруков, 2008; 2011]. Исследования показали сформированность аналитических сообществ в регионе, приверженность карельских аналитиков, с одной стороны, научному академизму, а с другой – осознание ими политического анализа в качестве специфического вида деятельности и ориентацию на принципы партнерства и автономии во взаимодействиях с лицами, принимающими решения [Зайцев, 2011, с. 166–167; Сухоруков, 2011, с. 114]. В качестве проблемы развития экспертно-аналитических сообществ в Республике Карелия была выделена их неконсолидированность, объясняемая неопределенностью механизмов возможной интеграции, отсутствием реальных лидеров и ориентаций на сетевое межсекторальное взаимодействие.

Важнейшим направлением экспертно-аналитического сопровождения является стратегическое планирование в Республике Карелия. С 1997 г. по инициативе мэра Петрозаводска С.Л. Катанандова ученые были приглашены к выработке стратегических планов развития города. В 1998 г., после избрания С.Л. Катанандова Председа-

¹ Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета.

лем Правительства республики, эта практика была распространена на региональный уровень в связи с подготовкой Концепции социально-экономического развития республики, которую глава региона согласно республиканской Конституции должен представлять на рассмотрение Законодательного собрания РК. С этого времени одним из ключевых направлений аналитической деятельности стало участие специалистов (в первую очередь, экономистов) в разработке стратегических планов развития региона, возникла постоянная площадка их взаимодействия с республиканскими органами власти. В последующем были подготовлены две долгосрочные Стратегии развития республики (1998–2010 гг. и 2008–2020 гг.), раз в четыре года готовятся Концепции социально-экономического развития Республики Карелия, ведется мониторинг их реализации.

Этот опыт оказался востребованным на уровне Северо-Западного федерального округа. В 2000–2001 гг. группа экспертов из Карелии в составе А.Ф. Титова, А.И. Шишкина, О.В. Толстогузова, П.В. Дружинина, Е.Г. Немковича, В.А. Шлямина, В.Н. Суржикова, В.К. Соловова приняла участие в подготовке «Доктрины развития Северо-Запада России», разрабатывавшейся петербургским Центром стратегического развития «Северо-Запад» под руководством П.Г. Щедровицкого и Ю.А. Перельгина.

Выстраивание федеральной «вертикали власти» отразилось на взаимодействии властных структур и общества в регионах. Глава Республики Карелия стал назначаться. Возникли проблемы в налаживании эффективных каналов коммуникаций между главой республики и Законодательным собранием, усилилось «традиционное» противостояние между администрацией главы РК и администрацией Петрозаводского городского округа (далее – ПГО). С 2009 г. дважды сменилось руководство республики и руководство ПГО, в котором проживает почти треть населения республики. Происходили изменения структуры органов власти и обновления состава членов Правительства республики и руководителей отделов администрации ПГО. В 2014 г. Карелия по показателю «эффективность консолидации элиты» заняла 79-е место в рейтинге эффективности управления в регионах [Орлов, 2014].

В условиях конфронтации элитных групп процесс принятия политических решений становится менее прозрачным, зачастую замыкается на реализации групповых интересов. На этом фоне по-

требности властных структур в экспертно-аналитической деятельности стали сворачиваться до задач легитимации принимаемых решений. Парадокс заключается в том, что с 2012 г., с момента инициации административного реформирования на принципах «открытого правительства», когда в различных регионах начинают показывать свою результативность практики привлечения экспертов к управленческим процессам, в республике с имеющимся признанным опытом подобной деятельности этот процесс не получает должного развития, а имеющийся потенциал используется далеко не в полной мере. Вместе с тем нельзя утверждать, что существующая ситуация свидетельствует о сворачивании поля экспертно-аналитической деятельности.

Продолжилась практика привлечения экспертов к стратегическому планированию на муниципальном уровне. Одними из последних событий стали разработка и обсуждение Концепции социально-экономического развития Петрозаводского городского округа на период до 2025 г.

Администрация ПГО изначально ориентировалась на максимальное использование ресурсов экспертного сообщества города. В основу работы над текстом был заложен проектный подход, ориентированный на постановку целей и задач по двум стратегическим направлениям. Первое направление предполагало повышение эффективности использования имеющегося потенциала. Второе ориентировано на создание новых точек экономического роста. Обсуждение Концепции осуществлялось в течение 2013–2014 гг. Администрацией ПГО было инициировано создание 15 рабочих групп, к подготовке проекта Концепции привлекались специалисты Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), Института экономики КарНЦ РАН, представители НКО. Обсуждение проводилось в коллегиальных структурах при администрации ПГО и в Экспертном совете при главе Петрозаводского городского округа, созданном в феврале 2014 г.

Само создание этого Экспертного совета свидетельствует о понимании муниципальной властью столицы региона роли экспертного сопровождения принятия управленческих решений. Однако способ его конструирования, подробно описанный одним из авторов данной статьи, как и практика создания муниципального информационного ресурса – сайта «Городской экспертный онлайн-

совет Петрозаводского городского округа», – свидетельствуют скорее о реализации некоего PR-проекта, нацеленного на поддержание имиджа главы ПГО как руководителя, ориентированного на административные инновации [Иноземцева, 2014].

Наряду с созданием в Карелии этих общественных экспертных структур патрон-клиентского характера в 2013–2014 гг. произошли существенные изменения в формировании и функционировании общественных советов при министерствах социального блока, состав которых был расширен за счет независимых экспертов – представителей академической общественности и общественных организаций. Наиболее масштабно представители академических и вузовских центров включены в деятельность экспертного совета при Министерстве экономического развития Республики Карелия. В течение 2014 г. Экспертным советом был подготовлен ряд экспертных заключений, в том числе по проекту «О концепции использования минерально-сырьевой базы Пудожского района (Пудожский мегапроект)», достаточно широко обсуждаемому в республике.

Новым форматом стало публичное обсуждение механизмов формирования экспертных советов профессиональных творческих сообществ по методике доцента ГИТИСа, представителя театрального экспертного сообщества Москвы Ю.Б. Большаковой, предложенной самим автором на семинаре в Петрозаводске, проведенном под эгидой Министерства культуры в феврале 2015 г. Ход обсуждения выявил стремление предотвратить потенциально возможную ангажированность и политизированность создаваемых при учреждениях культуры общественных экспертных советов.

Привлечение к работе в консультативных структурах представителей третьего сектора поставило в повестку дня проблему обучения общественников технологиям экспертной деятельности. К организации обучения активно привлекаются представители академических сообществ. За 2014 г. Центром развития молодежных и общественных инициатив, оператором проекта, направленного на подготовку независимых экспертов, был подготовлен 21 эксперт качества в сфере социального обслуживания и 40 общественных экспертов – представителей социально-ориентированных некоммерческих организаций. С декабря 2014 г. Центр начал реализацию проекта по подготовке экспертов в сфере социального обслуживания. В обу-

чение вовлечены представители комплексных центров социального обслуживания 10 муниципальных районов Республики Карелия.

При всех новациях важнейшим компонентом экспертно-аналитической деятельности остается включенность в нее традиционных для республики академических и образовательных учреждений, готовых к сотрудничеству как с региональными и муниципальными властями, так и с третьим сектором, производящих прикладные исследования на принципах академичности, актуальности и научной специализации. Вместе с тем автономность функционирования этих институтов определяет такую особенность, как «цеховость» экспертно-аналитической деятельности, недостаточную развитость сетевого взаимодействия.

Совокупностью исследовательских и аналитических структур в республике представлен Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ), который стал центром разработки целого ряда инновационных практик, применяемых в управленческой деятельности. ПетрГУ (под руководством проректора Н.С. Рузановой) стал признанным на федеральном уровне лидером внедрения ИТ-технологий в систему регионального и муниципального управления, что позволило создать современные каналы диалога власти и общества в формах «электронного правительства».

В качестве самостоятельной аналитической структуры выступает Центр бюджетного мониторинга (ЦБМ) ПетрГУ, возглавляемый д-р физ.-мат. наук, профессором В.А. Гуртовым. Научная специализация и основные направления деятельности Центра связаны с информационно-аналитическим обеспечением федеральных и региональных властных институтов результатами анализа и прогнозирования развития рынков труда и рынков образовательных услуг; прикладного бюджетного анализа в сферах науки и образования. В марте 2015 г. ЦБМ победил в публичном федеральном конкурсе проектов по представлению бюджета России для граждан в номинации «Сравнительная характеристика расходов региональных бюджетов». Участие в проекте показывает конкурентоспособность ЦБМ на федеральном уровне, востребованность его рекомендаций для правительственных структур и вместе с тем безусловную актуальность результатов для республики.

В ПетрГУ сосредоточены значительные силы карельского регионального политологического сообщества, экспертно-аналити-

ческая деятельность которого осуществлялась как одно из направлений научно-исследовательской и проектной деятельности преподавателей. Потребность в профессиональном анализе политических процессов в республике выразилась в создании аналитических структур: Центра политических и социальных исследований, Центра политического анализа, Центра электоральной поддержки. Преподаватели-политологи (А.Ю. Ильин, М.И. Безбородов, Е.Ю. Цумарова, Г.О. Яровой) периодически привлекались к региональным экспертизам процессов государственно-публичного управления. В 2010–2013 гг. имеющийся опыт пригодился при проведении экспертных научно-практических дискуссий. Обсуждения были организованы в рамках таких проектов федерального уровня, как проект «Состояние и перспективы Российского федерализма: взгляд из регионов» (Горбачёв-фонд) (2010); исследовательский проект «Укрепление сотрудничества между региональными властями и НКО на Северо-Западе России: анализ и оценка» (2011); международный научно-методологический семинар «Повестка дня финноугорских народов. Глобальная и региональные повестки дня» (2012). Представители сообщества политологов ПетрГУ участвуют в деятельности ряда экспертных и общественно-консультативных структур, наиболее активен в этом отношении канд. филос. наук А.Ю. Ильин. Политологи осуществляли экспертное сопровождение процессов государственно-публичного управления в сфере образования, участвовали в подготовке документов по стратегическому развитию Петрозаводского городского округа. Достаточно заметна роль политологов в медийном пространстве республики. Помимо традиционных форм участия в программах СМИ общественно-политической направленности, они выступают с экспертными оценками региональных событий в интернет-изданиях, активно дискутируют в блогосфере. Наиболее заметными фигурами в этом направлении экспертно-оценочной деятельности являются канд. техн. наук О.Ч. Реут, член экспертного совета Центра интернет-политики МГИМО (У) МИД РФ, и канд. полит. наук Г.О. Яровой, исполнительный директор «Центра публичной политики, гражданского образования и прав человека».

За последние годы среди форм аналитической деятельности в республике возросла роль социологических исследований. Наряду с созданной в 2007 г. социологической лабораторией ПетрГУ,

которая за этот период выполнила 12 исследовательских проектов по заказу республиканских структур исполнительной власти и администрации ПГО, социологические исследования в республике проводят преподаватели Карельского филиала РАНХиГС (до 2011 г. – Карельский филиал Северо-Западной академии государственной службы). Место этого института в экспертно-аналитической деятельности определяется тем, что он активно участвует в реализации проектов, выполняя заказы органов государственной власти. По заказу Государственного комитета Республики Карелия по вопросам развития местного самоуправления была подготовлена Концепция развития муниципальной службы Республики Карелия до 2012 г. Функционирующий на базе Карельского филиала РАНХиГС специализированный центр поддержки процессов развития местного самоуправления «Муниципальный консалтинг» в 2003–2006 гг. провел масштабное исследование по оцениванию системы местного самоуправления представителями МСУ республики. В 2012–2014 гг. представители филиала принимали участие в социологических опросах по определению уровня оценки населением результатов деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Карелия.

Проектная деятельность Карельского филиала РАНХиГС сопровождалась организацией с 2009 г. семинаров по проблемам развития экспертно-аналитических сообществ Республики Карелия. Последним событием в этом ряду стало проведение в мае 2014 г. семинара «Роль экспертного сообщества в развитии региона», организованного совместно с Институтом экономики КарНЦ РАН (ИЭ КНЦ РАН), являющимся одним из самых влиятельных центров консолидации представителей экспертного сообщества. С середины 90-х годов сотрудники института сопровождают процессы стратегического планирования в республике, готовят экспертные заключения на проекты государственных программ Республики Карелия, выступают на заседаниях общественно-консультативных структур. Ежегодно ведущие ученые ИЭ КНЦ РАН участвуют в работе Общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России: обновление стратегий, обновление смыслов», который собирает ведущих российских и зарубежных экспертов и специалистов. С 2013 г. в институте проводятся регулярные семинары по направлениям «Муниципальное развитие» и

«Инвестиционный и предпринимательский климат региона», на которые приглашаются все заинтересованные стороны. Эти семинары являются собой пример активизации межсекторального взаимодействия. Ориентируясь на необходимость преодоления разобщенности представителей экспертно-аналитических сообществ Республики Карелия и на задачу создания действенного инструмента влияния на региональные политико-управленческие процессы, по инициативе директора ИЭ КНЦ РАН д-р экон. наук Ю.В. Савельева в апреле 2014 г. создан и активно развивается информационный портал «Эксперт Карелия», оперативно реагирующий на изменения политической повестки дня и обновляющий материалы по проблемам социального и экономического развития региона. В создании этого портала проявилась объективная потребность выхода за пределы академической аналитической процедуры, дополнения ее принципами независимой экспертной деятельности, практики которой также достаточно распространены в регионе.

Традиции независимой политической аналитики в Карелии представлены Центром политических и социальных исследований А. Цыганкова, транслирующим материалы на уникальном аналитическом интернет-ресурсе www.politica-karelia.ru, Экспертно-правовым партнерством «Союз», Фондом поддержки инновационных проектов «Новое измерение», с которым связана деятельность одного из ведущих экспертов Карелии А. Сухорукова, а также «Центром публичной политики, гражданского образования и прав человека», возобновившим свою работу в Карелии с 2012 г.

В Республике Карелия существует большое количество разрозненных экспертно-аналитических структур и сетей разного уровня. Их влияние на политический процесс в основном связано с деятельностью по рассмотрению, обсуждению, согласованию публично-управленческого решения, что в большей степени ориентировано на повышение эффективности, а не открытости власти. Обретению экспертами и аналитиками подлинной субъектности мешает отсутствие консенсуса в экспертном сообществе, практик институционализации политического консультирования, системы коммуникаций в направлении достижения конвенционального соглашения между властью и экспертно-аналитическими сообществами.

Список литературы

- Аналитические сообщества в Республике Карелия: Сб. ст. / Под ред. Ш.Ш. Какабадзе; МОФ «Интерлигал». – М.: Интелкорп, 2011. – 136 с.
- Зайцев Д.Г.* Характеристики идентичностей региональных аналитических сообществ: сравнительный анализ Саратовской области, республик Карелия и Татарстан // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / Под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой, В.В. Лапкина, П.В. Панова. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 266–267.
- Иноземцева В.А.* Экспертно-аналитическая деятельность в сфере публично-государственного управления в Республике Карелия // *Studia humanitatis borealis*. – Петрозаводск, 2014. – № 2. – С. 25–37.
- Орлов Д.* Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2014 г. – М., 2014. – 3 декабря. – Режим доступа: <http://www.regcomment.ru/articles/reyting-effektivnosti-upravleniya-v-subektakh-rossiyskoy-federatsii-v-2014-g/> (Дата посещения: 12.03.2015.)
- Прохорова Л.В.* К вопросу о гражданской активности и региональном сообществе политологов в Республике Карелия // *Публичная политика-2006*: Сб. ст. / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма. 2006. – С. 82–100.
- Сухоруков А.С.* Измерения гражданского общества // *Городской альманах*. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. – Вып. 3. – С. 222–226.
- Сухоруков А.С.* Субъектность региональных аналитических сообществ: критерии, этапы становления и условия // *Полис*. – М., 2011. – № 3. – С. 109–114.

РАКУРСЫ

Дж. КАПАНО, Л. ВЕРЗИЧЕЛЛИ

NEMO PROFITA IN PATRIA: ТРУДНЫЙ ПУТЬ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ К ОБЩЕСТВЕННОМУ ВЛИЯНИЮ¹

1. Введение

В Италии положение политической науки в академической системе, равно как и ее общественный имидж, все еще остаются непрочными. Считается, что есть пять показателей, по которым можно оценить общественный статус и общую репутацию научной дисциплины [Elzinga, 1987; Becher, Kogan, 1992]. Первый носит наследственный характер: на развитие любой научной дисциплины сильное влияние оказывает среда, в которой она зародилась. Остальные четыре фактора следует анализировать с диахронической точки зрения, к ним относятся: способность одержать победу в дарвиновской борьбе за ресурсы; привлечение студентов; заметность практиков от этой дисциплины в академической среде; восприятие полезности и легитимности данной дисциплины обществом. Согласно оценкам, представленным в некоторых классических работах, в итальянском случае ситуация с первым показателем оказалась

¹ В основу статьи положен доклад, представленный авторами на XXXIII Всемирном конгрессе МАПН в Монреале (19–24 июля 2014 г.). Авторы выражают благодарность Розелле Борри за помощь на стадии сбора материала и разработки дизайна этого исследования.

весьма проблематичной в силу ряда причин, в числе которых – сильная позитивистская традиция в юриспруденции, недоверие к эмпирическим наукам, а также задержка с реорганизацией социальных наук после падения фашистского режима [Bobbio, 1969; Morlino, 1991]. Что касается борьбы за ресурсы и способности привлекать студентов, за последние десятилетия положение политической науки в этих сферах частично улучшилось [Morlino, 1989; Capano, Tronconi, 2005; Capano, Verzichelli, 2010], однако ситуация с двумя внешними показателями (академическая среда и восприятие дисциплины обществом) не претерпела значительных изменений.

Тем не менее политическая нестабильность последнего 20-летия позволила итальянским политологам стать более заметными в общественной сфере. Пытаясь использовать в своих интересах появившийся в итальянском обществе спрос на преобразования, они старались изменить имидж своей профессии за рамками научного сообщества и добиться более значимой роли в общественных дискуссиях. Таким образом, у них была неплохая возможность изменить восприятие обществом практической применимости и полезности политической науки к лучшему.

В начале новой и решающей фазы политических перемен результат этих усилий можно охарактеризовать как весьма спорный. С одной стороны, есть свидетельства значительной институционализации политической науки в Италии (в особенности в области преподавания и научных исследований)¹. С другой стороны, по мнению большинства коллег, уровень признания итальянской политической науки и социальной значимости ее «плодов» не свидетельствует о росте ее влияния на общество в целом. Почему так происходит? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, проанализировав три аспекта отношений политологов с общественной сфе-

¹ Помимо цифр, которые мы рассмотрим позже, стоит напомнить, что на протяжении последних 20 лет итальянские политологи стали более заметны в международном сообществе. Качественным показателем этого может служить назначение Леонардо Морлино президентом Международной ассоциации политической науки (2009–2012) и Лючиано Барди (2009–2012), а затем Симоны Пьятто-ни (2012–2015) председателями Европейского консорциума политических исследований. Кроме того, итальянские политологи стали играть более заметную роль в исполнительных комитетах этих и других международных ассоциаций ученых.

рой: 1) как политическая наука представлена в академической системе (в частности, в образовательных программах); 2) каково влияние ее представителей в международном сообществе; 3) в какой мере они включены в общественные дискуссии, как на «политической» стороне, т.е. в составе представительных элит¹ и журналистского корпуса, так и с точки зрения роста общего авторитета производимых ими знаний вне «башни из слоновой кости» научного сообщества.

2. Теоретические основы и дизайн исследования

Политическая наука представляет собой сферу научного знания, которая, согласно наиболее известным классификациям научных дисциплин [Biglan, 1973 a; 1973 b; Becher, 1989; Becher, Trowler, 2001], может быть охарактеризована как *слабо оформленная (soft)* и *ориентированная на чистую теорию (pure)* с когнитивной точки зрения и как «*сельская [rural]*» и *дивергентная* с социальной точки зрения. Согласно классификации Биглана, политическая наука представляет собой *слабо оформленную* дисциплину, поскольку среди ее представителей нет прагматического консенсуса. В то же время теоретические основы данной науки высокодифференцированы. Она также может быть отнесена к разряду дисциплин, *ориентированных на чистую теорию*, поскольку политологи не слишком обеспокоены практическим применением результатов. В свою очередь, Бечер и Траулер, уделявшие особое внимание социальному конструированию идентичностей научных дисциплин, относят политическую науку к числу *дивергентных*, так как степень осознания ею своей идентичности и уровень единства остаются низкими из-за отсутствия общих форматов дискурса / моделей аргументации. Они также считают ее «*сельской*» дисциплиной, поскольку не так много исследователей занимаются одной и той же темой, в силу чего конкуренция между ними ниже (по сравнению, например, с химией, рассматриваемой Бечер и Траулер как пример «городской» дисциплины, в рамках которой многие исследователи

¹ К «представительным элитам» авторы относят членов законодательных ассамблей (местных, региональных и национальной) и лиц, занимающих должности советников при политических органах и должностных лицах. – *Прим. ред.*

занимаются одним и тем же, вследствие чего они находятся под постоянным давлением и вынуждены торопиться с получением результатов и их публикацией).

Ясно, что приведенная выше классификация отражает общий тренд, который можно поставить под сомнение. Нужно признать, что на протяжении двух последних десятилетий на политическую науку воздействовали факторы, способные изменить ее культурные и когнитивные характеристики. Так, ее статус «сельской» дисциплины был несколько поколеблен из-за необходимости публиковаться, обусловленной внутренней академической динамикой. Степень дивергенции сократилась благодаря тенденции к редукции теоретического и методологического многообразия (это подтверждается преобладанием в самых престижных американских журналах количественных исследований на материале больших выборок, а также доминированием в них парадигмы рационального выбора). Когнитивный аспект также трансформировался под воздействием внешних факторов. Например, в США согласованные усилия республиканской партии привели к существенному сокращению финансирования американских политологических департаментов, выделяемого Национальным научным фондом. Аргументируя это решение, сенатор Том Коберн оспаривал социальную значимость дисциплины: по его словам, «исследования президентской исполнительной власти и отношения американцев к обструкции в Сенате не оберегают жизнь американцев от угроз и не способствуют повышению конкурентоспособности Америки в мире» [Coburn, 2013]. В то же время новая рамочная программа «Горизонт 2020», принятая в Европейском союзе на период с 2014 по 2020 г., призывает все социальные науки, в том числе и политическую, кардинально сместиться в сторону прикладных исследований. Многие европейские политологи посчитали, что этот сдвиг станет неприемлемым ограничением для существующей свободы исследования.

Таким образом, общая картина социальной легитимации политической науки выглядит весьма проблематичной во всем мире, а не только в Италии, где она была институционализирована совсем недавно. Свойства данной дисциплины (ее слабая оформленность / ориентация на чистую теорию / дивергентность / «сельскость») могут привести к утрате ею социальной значимости.

Политологи могут оказаться неспособными играть роль «советников», на которую они втайне претендуют.

Кроме того, описанные выше свойства политической науки повышают риск ее погружения в порочный круг социальной и политической нерелевантности. Джерри Стокер предлагает четыре возможных объяснения низкой публичной оценки политической науки (на наш взгляд, они тесно связаны с вышеупомянутыми культурными и когнитивными характеристиками).

1. Временной разрыв между логикой политологического исследования и политическими процессами, в силу которого у политологов не так много шансов выступать в роли консультантов. Но и эти редкие возможности часто плохо используются, поскольку, придерживаясь своей миссии научной «чистоты», политологи стремятся получить более точные результаты. А это требует времени, которое редко им предоставляет быстрый и часто непредсказуемый процесс принятия решений. В то же время слабая оформленность и дивергентность политической науки не позволяют ей предлагать практикам решения, которые имели бы шанс на всеобщую поддержку.

2. В случае дисциплин, ориентированных на чистую теорию, организационные стимулы научной работы в значительной мере связаны с приобретением репутации в кругу коллег; это означает, что они уделяют меньше внимания внешней среде – в отличие от прикладных наук.

3. Сложные отношения между фактами и ценностями и преобладание риторики о нейтральности исследования ведут к тому, что большинство политологов предпочитают давать описания и объяснения, но не прогнозы, рекомендации и оценки. С этой точки зрения есть очевидное противоречие между историческими условиями, которые сделали возможным развитие политической науки (т.е. консолидацией демократических режимов), и ее нерешительностью в принятии на себя роли науки о демократии, как это предлагал Г. Лассуэл [The policy sciences, 1951; Lasswell, 1956; 1963].

4. Акцент на исследовательских вопросах, оторванных от реальных политических проблем. По причине отсутствия внимания к насущным проблемам и «сельского» характера дисциплины над одной и той же темой работает небольшое количество ученых, из-за чего планирование исследования не привязывается к наиболее

насушным проблемам существующих политических систем. В результате полученные знания не так просто перевести на язык практики. Политическая наука излишне озабочена поиском объяснений, но не политических и стратегических решений важных социальных вопросов [Stoker, 2010].

Выводы Стокера могут быть полезны для анализа социальной значимости итальянской политической науки. Действительно, анализ литературы показывает, что ей трудно обеспечить себе достаточно широкую аудиторию в общественно-политической сфере. Кроме того, приведенные выше соображения помогают точнее оценить итальянский случай, поместив его в более широкий контекст. Хорошо известные проблемы, которые итальянской политической науке приходилось преодолевать в процессе институционализации (в том числе – главенствующая роль права, а в последние десятилетия – экономики, в качестве дисциплины, дающей советы «Государю»), накладывались на внутренние ограничения повышения социальной значимости, которые политическая наука испытывала повсюду.

В данной статье мы постараемся оценить, в какой мере и каким образом итальянская политическая наука пытается справиться с исторически сложившимися внутренними ограничениями, которые мешают ей повысить собственную социальную значимость. Мы собрали последние данные о дисциплинарной институционализации университетских курсов начиная с реформы 2010 г., в соответствии с которой все факультеты, в том числе и факультеты политической науки, были упразднены. Мы собрали информацию о публикациях итальянских политологов в международных изданиях, чтобы понять, насколько итальянское сообщество политологов интегрировано в международную среду, а также чтобы определить, какие темы предлагаются международной аудитории. Мы провели опрос всех политологов, находившихся в штатах университетов в начале 2014 г. (более 200 человек), с целью сбора информации об их личных отношениях с внешней средой¹. Наконец, мы проанализировали и произвели кодировку резюме всех этих

¹ Опрос был проведен с использованием платформы CAWI (Computer Assisted Web Interview) Лабораторией социального и политического анализа Университета Сиены. Мы хотим поблагодарить Франческо Олмастрони за его неоценимую помощь.

ученых, чтобы классифицировать их научные предпочтения и области исследований.

Данные по исследованиям и публикациям в международных изданиях полезны для оценки уровня академической институционализации дисциплины в Италии. Результаты исследования и анализа, а также кодификация резюме помогли нам оценить уровень социальной включенности дисциплины.

Мы хотим проверить следующие гипотезы.

1. Несмотря на удовлетворительный уровень академической институционализации (которая может считаться успехом, учитывая проблематичный контекст), итальянская политическая наука во многом не способна стать заметной в публичной сфере или добиться ощутимой социальной значимости.

2. Традиционные структурные причины слабой, непропорциональной степени институционализации (а именно: недостаточное присутствие политической науки в университетах на юге и в провинциях, отсутствие необходимого количества ученых во многих департаментах социальной науки) по-прежнему важны, но не являются ключевыми, поскольку во внутренней логике самого предмета можно найти другие факторы неэффективности.

3. Академический статус итальянской политической науки

3.1. Трудности развития политической науки в университетах Италии

Недавняя волна реформ системы высшего образования Италии [Carano, 2008; Turri, 2014 a] наглядно демонстрирует постоянную, хотя и трудную модернизацию социальных наук в Италии. В частности, разрыв между оптимистичными ожиданиями и фактическими результатами почти после 20 лет реформ особенно очевиден в сфере политических наук. Действительно, эта дисциплина была воспринята как возможный источник инноваций и упоминалась в ряде министерских директив по созданию образовательных программ, одобренных Министерством высшего образования. Основные предметы, относящиеся к сфере политических наук и уже представленные в программе по получению традиционной бака-

лаврской степени по политическим наукам, были введены для ряда других направлений подготовки, таких как социология, теория коммуникации, экономика, преподавание, наука управления и др. Более того, в рамках ряда двухгодичных курсов повышения квалификации, введенных в 1999 г. с целью присоединения к Болонскому процессу и адаптации к новой двухступенчатой (бакалавриат – магистратура) структуре университетских программ добавлено множество продвинутых курсов по отдельным политическим субдисциплинам.

Согласно данным некоторых исследований [Capano, 2002; Capano, Tronconi, 2005; Capano, Verzichelli, 2010], именно реформа 1999 г., предполагавшая введение «европейской системы 3 + 2», дала уникальную возможность: курсы политической науки стали основными или дополнительными в 16 из 42 национальных бакалаврских программ и в 32 из 130 магистерских. Дальнейшее реформирование университетских степеней, инициированное министерствами (в 2004 и в 2007 гг.), не наложило каких-либо существенных ограничений на возможность включения дисциплины в итальянские университетские программы. Однако новые строгие министерские требования, касающиеся минимального соотношения студентов и преподавателей для каждого курса, которые были введены в 2010 г., в сочетании со значительным сокращением государственного финансирования университетов (с 2008 г.) поставили макросектор социальных наук в невыгодное положение. Многие программы, включавшие политологические предметы, в действительности были закрыты: данные табл. 1 (по бакалаврским программам) и табл. 2 (по магистерским программам) резюмируют последствия финансовых и организационных преобразований, реализуемых с 2007–2008 учебного года (последнего перед министерской реформой и началом претворения в жизнь политики финансовых ограничений) по 2012–2013 учебный год (последний год, по которому доступна полная информация) (см. табл. 1, табл. 2).

Общее число бакалаврских программ, включающих изучение политической науки, упало со 156 до 84 (–46%), в то время как количество магистерских программ, содержащих в списке дисциплин политическую науку, снизилось со 134 до 69 (–48%). Качественная оценка показывает существенное сокращение всех групп политических дисциплин. Вполне очевидно, что в условиях ограниченных ресурсов (в том числе из-за непропорционального при-

сутствия специалистов в области политической науки во многих университетах) политика сокращения расходов привела к исключению предмета из многих бакалаврских программ, а также магистерских программ по социальным наукам.

Таблица 1

**Представленность политической науки
в бакалаврских программах итальянских университетов.
Диахронический анализ**

Название программы	Количество программ, в которых есть обязательные курсы политических наук, 2007–2008 гг.	Количество программ, в которых есть обязательные курсы политических наук, 2012–2013 гг.
Иностранные языки	1	0
Городское и территориальное планирование	1	0
Бизнес и управление	3	0
Спорт и образование	1	0
История	1	1
Экономика	6	2
Сотрудничество и развитие	10	3
Коммуникационные исследования	12	5
Социальные науки	17	6
Социальная работа	14	7
Государственное управление	38	22
Политические науки и международные отношения	52	38
Всего	156	84

Таблица 2

**Представленность политической науки в магистерских
программах итальянских университетов.
Диахронический анализ**

Название программы	Количество программ, в которых есть обязательные курсы политических наук, 2007–2008 гг.	Количество программ, в которых есть обязательные курсы политических наук, 2012–2013 гг.
1	2	3
Культурная антропология	1	0
Финансы и бухгалтерский учет	1	0
Право	2	0
Иностранные языки	1	0

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Методология социального исследования	1	0
Городское и территориальное планирование	2	0
Педагогика	1	0
Современная история	1	0
Журналистика	3	1
Экономика	5	1
Бизнес и управление	8	1
Сотрудничество и развитие	4	1
Коммуникации и маркетинг	1	2
Социальные и институциональные коммуникации	2	2
Наука о европейской интеграции	8	3
Менеджмент социальных услуг	11	6
Социология	11	7
Наука государственного управления	20	12
Политические науки	23	17
Международные отношения	28	21
Всего	134	69

Такой сценарий обескураживает: курсы социальных наук были сокращены примерно на 40%; это почти вдвое больше, чем доля всех сокращенных курсов во всех итальянских университетах. Тем не менее это не означает, что политическая наука стала менее конкурентной по сравнению с ее прямыми «соперниками»: количество политологов в штатах многих базовых программ обучения (в том числе – по социальной работе, социальным наукам, теории коммуникации) и даже некоторых важных магистерских программ (таких как исследования Европы, менеджмент социальных услуг, социология, государственное управление) все еще значительно. Фактически если мы определим долю бакалаврских и магистерских курсов, где присутствие политической науки может считаться, по крайней мере, частично значимым (см. рис. 1)¹, мы увидим, что положение улучшилось, и это частично компенсиро-

¹ Для измерения актуальности предмета берется доля обязательных кредитов к общей доле кредитов. В рамках этого довольно упрощенного анализа мы выделили две категории: «критическая масса кредитов» (больше 15 кредитов) и промежуточный класс «достаточное количество кредитов» (по крайней мере, девять кредитов). Вот почему мы говорим о «частичной актуальности».

вало негативные эффекты от сокращения расходов. Ситуация с магистерскими степенями кажется обнадеживающей, так как политическая наука считается важным предметом более чем в 60% случаев.

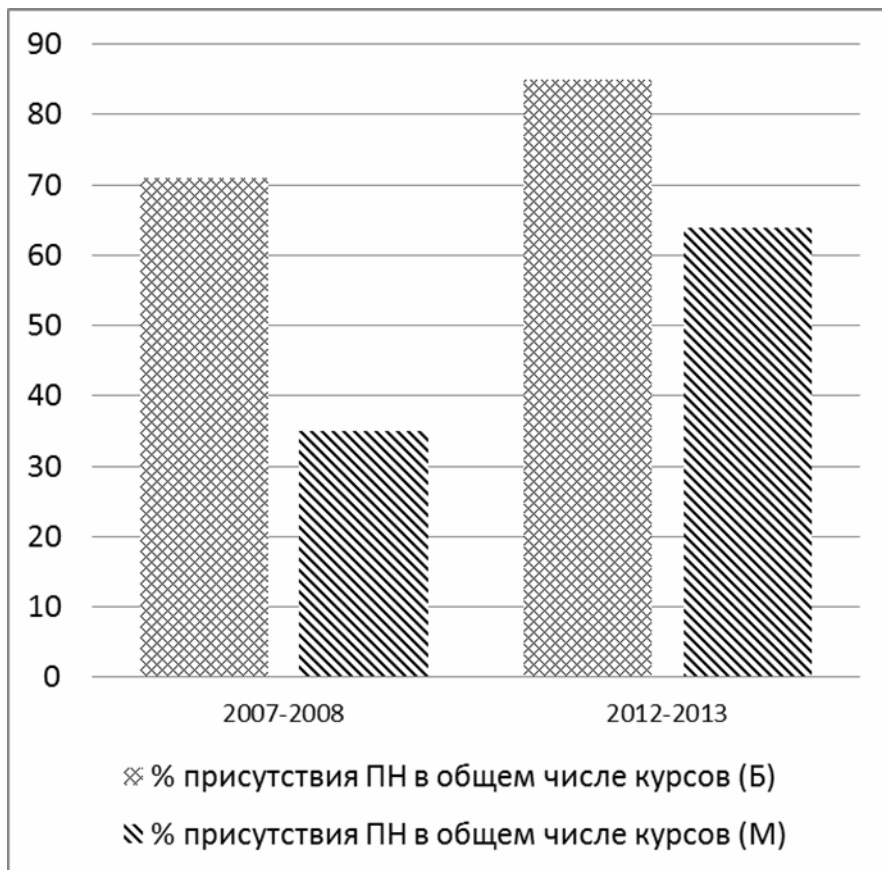

Рис. 1.
Пропорции образовательных программ,
в рамках которых преподается политическая наука
(2007–2013)

3.2. Асимметричное распределение политологов в итальянских университетах

Тенденция стабилизации положения социальных наук в академической среде Италии подтверждается данными о характере сообщества преподавателей и исследователей, находящихся в штатах университетов (см. рис. 2). Сравнив эти данные, можно увидеть, что из-за финансового кризиса привлечение новых кадров остановилось. Как показывают недавние исследования, общее количество позиций остается неизменным с 2008 г., когда число официально практикующих политологов впервые достигло значения 200 [Regalia, Valbruzzi, 2013, p. 11]. Однако финансовые трудности осложнили рост квалификации, что привело к увеличению доли доцентов и сделало достижение полного профессорского звания более зависимым от селекции.

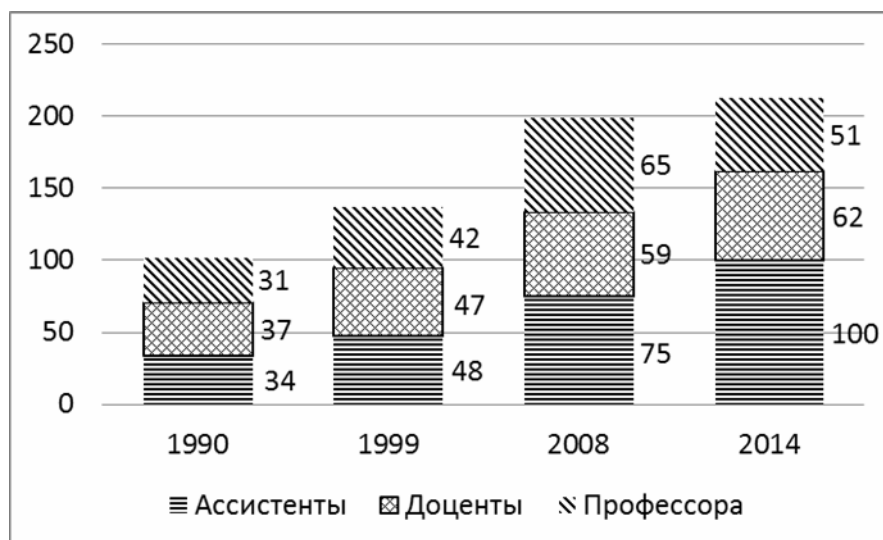

Рис. 2.
Академическое сообщество политологов (1990–2014)

В конечном счете можно сказать, что положение политической науки отражает сложное время, в которое мы живем, и ограниченную привлекательность социальных наук. Глубоко укоренилось ощущение «бесполезности» программ обучения, которые не способствуют нахождению работы и укреплению социального статуса. К тому же последние решения, принятые в рамках преодоления кризиса, едва ли поспособствовали подъему политической науки. Усугубляет положение и раздробленность научного мира: 45% штатных политологов работают в пяти университетах, где они действительно представлены в достаточном количестве¹, в то время как оставшиеся 27% выступают в роли «индивидуальных представителей» дисциплины или в группах до четырех человек. Еще 27% организованы в группы, по крайней мере, по пять человек, что достаточно для обеспечения преподавания полного набора основных курсов.

Таким образом, ожидания прочной консолидации предмета до сих пор не оправдались, и мы должны признать, что политическая наука в Италии сохранила традиционную академическую субординацию. С другой стороны, соотношение политологов и «ученых из других социальных наук», а также соотношение числа курсов по политической науке и числа других курсов остаются неизменными. Поэтому мы не можем пенять на традиционные причины отставания. Если во многих областях предмет остается слабо развитым, это не (только) потому, что «другие плохо к нам относятся». Ограниченное присутствие политологов в СМИ, во многом определяющих университетский рынок, негативно отражается на процессе институционализации предмета: студенты бакалавриата не знают, кто такие политологи, что они делают. Иногда они думают, что все политологи — это социологи, проводящие предвыборные опросы. И это только часть представлений итальянской общественности о политологах.

¹ В частности, в начале 2014 г. Болонский университет мог похвастаться 37 ставками в области политической науки (с преподаванием, распределенным между двумя площадками в Болонье и Форли). Другие большие группы политологов представлены в Катанийском (12), Флоринтийском (12), Миланском государственном (19) и Туринском (17) университетах.

4. Внешнее влияние итальянской политической науки

А. Политологи и институциональная реформа

По мнению некоторых итальянских политологов, достижение политической наукой полной зрелости должно породить новую волну активного участия в общественных дискуссиях – на этот раз исходя из повестки самой дисциплины. Эта позиция, высказанная Джованни Сартори, недавно была подтверждена Джанфранко Паскуино [Pasquino, 2013]. Ее можно суммировать так: и «научные», и «политические» компоненты – неотъемлемая часть «миссии» политолога.

Если посмотреть на реальное «политическое призвание» политологов или, по крайней мере, на готовность итальянских политологов принимать участие в общественных дискуссиях, можно легко увидеть, что критическая масса «активно выступающих» политологов представляет собой крошечную группу интеллектуалов, большинство из которых недостаточно опытни как «политики». Еще меньшая их часть может считаться «лидерами общественного мнения». Джованни Сартори в этом смысле является исключительной, уникальной фигурой¹. Впрочем, отдельные его бывшие коллеги во времена «основания» политической науки были еще больше вовлечены в политику². Еще одна небольшая группа политологов, активно вовлеченная в общественное обсуждение в качестве обозревателей и новостных аналитиков, может быть классифицирована как «активно выступающие интеллектуалы». Их количество за последнее время выросло.

¹ В связи с этим можно упомянуть известную позицию Сартори относительно «конституционной инженерии», хотя наиболее известным аспектом его работы является серия передовых статей, написанных для одной из крупнейших газет Италии «Вечерний курьер» (Corriere della Sera).

² К примеру, Джанфранко Паскуино был избран сенатором от независимого левого течения в 80–90-х годах, Джулиано Урбани был одним из основателей правой партии «Вперед, Италия» (Forza Italia) и служил министром, так же как Доминико Физичелла (основатель Национального альянса (Alleanza Nazionale). Стефано Пассигли также был членом парламента (от Демократической левой партии) в течение нескольких лет.

Тем не менее по поводу заметности политической науки в публичном пространстве можно высказать два общих соображения.

Во-первых, участие политологов в общественных дискуссиях, как правило, связано с проведением макроинституциональных реформ (принятие поправок к Конституции, изменения в правилах административного управления и т.д.) – полем, где они обычно помогают юристам в области конституционного права (а иногда и сами выступают в качестве таковых). Их позиции по конкретным повседневным вопросам (законодательства, внешней политики, политических скандалов и пр.) представляют для итальянских СМИ гораздо меньший интерес. Даже в обсуждении результатов предвыборных опросов и политических исследований, за небольшим исключением, преимущественно участвуют так называемые «эксперты по политическим вопросам» (т.е. эксперты в области политической коммуникации без какого-либо политологического образования, журналисты с некоторыми знаниями в области политики, профессиональные исследователи общественного мнения, социологи, другие ученые из сферы социальных наук с высокой степенью заметности в СМИ и т.д.). Единственный предмет, по которому статус политологов не является второстепенным, – вопросы избирательной реформы, традиционно связываемые с «уроком» Сартори – его анализом последствий вариантов такой реформы для различных систем. По мере расширения этих дискуссий политическая наука приобретает определенную общественную значимость, и участвующие в них политологи высказывают разные точки зрения.

Во-вторых, эмпирическому, сравнительному и «международному» опыту политологов в общественном обсуждении в любом случае отводится мало места. Если политологи вовлекаются в медиасистему и общественные дискуссии, они обычно олицетворяют собой общий «интеллектуальный» голос, иногда излагающий позиции, близкие «политически ориентированным» медиа и некоторым мозговым центрам. Об их исследованиях говорится мало, термин «политический исследователь» (political scientist) почти не звучит в СМИ. Более того, политологи, работающие в средствах массовой информации, редко апеллируют к своей профессиональной идентичности.

Факт того, что в июне 2013 г. итальянское правительство учредило комитет экспертов, задачей которого было рассмотреть вопрос институциональной реформы, особого удивления не вызвал. В списке из 35 имен только троих можно было назвать политологами. Ими оказались Джузеппе ди Федерико, Анджело Панебьянко и Надя Урбинати (последняя – профессор в сфере политической теории, работающая в США). Однако на самом деле все они были выбраны не потому, что являлись политологами, представителями важного научного сообщества. Скорее, они «воспринимались» как эксперты в отдельных политических областях и как видные публицисты, способные представлять определенные «идеологические» позиции, связанные с конституционными вопросами.

В. Чем на самом деле занимаются итальянские политологи

В этом разделе мы проанализируем наши данные по профилям специализации итальянских ученых, чтобы проверить наши рабочие гипотезы. Начнем с общего описания академического профиля тех штатных политологов, которые работали в итальянских университетах на момент начала 2014 г. (см. табл. 3). Как показывает таблица, профиль, именуемый «Сравнительная политика» (хотя он включает ученых, работающих в самых различных областях), продолжает оставаться преобладающим. Из табл. 3 видно, что в области государственной политики недавно был засвидетельствован некоторый рост (это следует из преобладания числа исследователей над числом профессорских позиций). То же самое можно сказать о «новых» субдисциплинах, таких как наука о европейской интеграции. В целом распределение «основных направлений» в рамках академической гильдии выглядит достаточно сбалансированным и в конечном итоге не сильно отличается от ситуации на европейском уровне [The state of political science... 2007].

Другой интересный аспект, касающийся современной «популярности» итальянских политологов, – относительно низкая степень участия в управлении академическими структурами. Только четверть опрошенных ученых являются членами руководящих органов их факультетов (деканами, руководителями департаментов, членами Сената или административного совета, координаторами

учебных программ). Совсем незначительная доля, составляющая 3,3%, имеет академический управленческий опыт в более широком контексте (членство в национальных научных советах, оценочных агентствах национальных университетов, руководящих или оценочных органах других университетов и т.д.). Это подтверждает «наследственный» характер политической науки в Италии, выражающийся в разрыве между культурной, личной и социальной репутацией и «академической властью», или институциональной значимостью.

Таблица 3

**Распределение штатных ученых
по профилям политической науки (2014)**

Профиль	Кол-во	%	Академическая роль		
			ассистент профессора	доцент	профессор
Сравнительная политика	84	39,4	33	25	26
Государственная политика, администрирование, теория организации	48	22,5	24	14	10
Методология	3	1,4	1	0	2
Политическая социология, изучение коммуникации	17	8,0	10	4	3
Наука о европейской интеграции	17	8,0	12	4	1
Международные исследования	35	16,4	17	11	7
Политическая теория	9	4,2	3	4	2
Всего	213				

Мы можем оценить установки этой группы ученых, охарактеризовав продукты их исследований с точки зрения «эмпирических» или «теоретических» ориентаций. Табл. 4 показывает, что ориентация на эмпирическое содержание политической науки остается преобладающей, при этом значительное меньшинство итальянских ученых являются приверженцами «смешанного» профиля исследования¹.

¹ Мы используем термин «смешанный профиль» для обозначения случаев, в которых преобладают (не менее 75%) публикации, связанные с анализом первичных эмпирических данных.

Таблица 4

**Типы исследований итальянских политологов
по профилю, % (2014 г.)**

Тип исследования	Сравнительная политика	Публичная политика	Методология	Политическая социология	Наука о европейской интеграции	Международные отношения	Политическая теория	Общее кол-во
Чистая теория	3,6	2,1				14,3	66,7	15
Смешанный	36,9	41,7		35,3	23,5	51,7	33,3	84
Эмпирический	59,5	56,3	100	64,7	76,5	28,6		114
Общее кол-во	84	48	3	17	17	35	9	213

Достаточно ощутима поляризация между старыми и новыми «международниками», хотя общее распределение теоретиков, придерживающихся «чистых» и «смешанных» подходов, среди различных групп является достаточно постоянным. Те, кто вовлечен в европейские исследования, больше фокусируются на эмпирической работе, в то время как значительное число экспертов в международных отношениях как таковых неохотно участвуют в чисто эмпирических исследованиях.

С. Что политологи делают во «внешнем мире»?

Чтобы лучше оценить общественное влияние политической науки, нужно рассмотреть тех политологов, которые играют публичную роль в качестве ведущих обозревателей в национальных газетах, консультантов по политическим вопросам или депутатов законодательных ассамблей различного уровня. Это стало возможным благодаря проведенному нами опросу всех штатных политологов в итальянских университетах. Примерно 60% процентов из 202 человек, к которым мы обращались, ответили на наши вопросы. В табл. 5 приведены результаты нашего исследования, дополненные на основе кодирования информации, взятой из CV.

Таблица 5

**Индикаторы социального и политического
влияния итальянских политологов**

Индикатор	%	Общее кол-во
Опыт академического управления (в собственном университете)	26,8	213
Опыт академического управления (в других университетах)	3,8	213
Присутствие в медиа (любого типа) (за последние 5 лет)	49,8	213
Регулярное присутствие в национальных медиа (за последние 5 лет)	4,2	213
Недавний опыт работы в качестве советника (в частных или государственных институтах)	52,7	205
Участие в международных конференциях	56,4	213
Регулярное участие в международных исследованиях (по крайней мере, каждые три года)	18,8	213
Членство в международной профессиональной ассоциации	21,1	213

Вырисовывается неоднозначная картина: оказалось, что политологи Италии заинтересованы во всех аспектах, которые мы рассматриваем в данном исследовании, но ни один из этих аспектов не стал «общей заботой» большинства респондентов. Точнее, уровень их участия в управлении своими университетами относительно низок, так же как и уровень интеграции в медиасистему.

Опрос позволил получить и другие интересные результаты. Во-первых, 44% респондентов были советниками или консультантами в государственных организациях и институтах в период 2009–2014 гг., в то время как «только» 27% работали в частных компаниях, партиях или движениях. Более половины внешних профессиональных услуг было предоставлено органам местного самоуправления, запрос же на остальные услуги был выполнен от лица государственных министерств и других национальных политических институтов (председателей Совета министров и Парламента). Во-вторых, только 25% респондентов были членами государственных или общественных органов (public bodies), причем в большинстве случаев они состояли в консультативных комитетах (таких, как советы университетов или комиссии по аккредитации), а не в органах, принимающих решения. В-третьих, ответы респондентов относительно их сотрудничества со СМИ подтверждают, что медиапространство остается сферой, в которую политологи вовлекаются редко. Лишь немногие из них регулярно посещают теле-

и радиодискуссии, и их участие, как правило, сводится к медиаканалам ограниченного воздействия (в основном к местным газетам).

В отличие от прошлых лет, сегодня политологи обладают консультативными полномочиями как на частном, так и на государственном уровнях, но не в медиа. Однако стоит отметить, что консультативная работа проводится преимущественно тогда, когда общественным организациям нужно создать комитет для изучения возможных политических решений проблемы (такие комитеты обычно являются междисциплинарными). В сущности, консультативная роль политологов по отношению к общественным организациям касается маргинальных аспектов этих проблем. Это объясняет, почему 80% респондентов утверждают, что влияние политологических исследований очень ограничено (69,9%) или отсутствует вовсе (12,8%). Подавляющее большинство «негативных ответов» можно рассматривать как наглядный показатель не только коллективного осознания маргинального статуса предмета и практикующих его специалистов, но и определенной степени фрустрации последних.

Наконец, интересно отметить, что когда политологов просили выделить два направления исследований, которые следует развивать, респонденты, как правило, указывали эмпирические, потенциально «прикладные» области, такие как государственная политика / государственное управление (23,5%), сравнительный анализ политических институтов (18,1%) и политика [politics and policy] Европейского союза (16,9%). Этот «рейтинг» интересен тем, что он отражает «ключевые политические вопросы» через призму восприятия итальянских политологов: им кажется, что наиболее остродискуссионные вопросы – радикальная реформа государственного управления и общественной политики (public administration and public policy), институциональные реформы, политическая динамика (political and policy dynamics) Европейского союза, а также влияние этих проблем на итальянскую политику и жизнь граждан.

Некоторые коэффициенты корреляции наглядно иллюстрируют вариативный характер разных типов интеллектуальной «миссии», чем подтверждают тезис о существующей фрагментации в рамках данного сообщества. Очевидно, что возраст и академический стаж коррелируют с уровнем вовлеченности в академическое управление, в то время как заметность в медиа и опыт работы кон-

сультантом (как в частной, так и в государственной организации) так или иначе коррелируют друг с другом. И наконец, самое очевидное: влияние, измеряемое количеством публикаций в международных изданиях, коррелирует с активным участием в международных конференциях и членством в международных ассоциациях.

Таблица 6

**Факторный анализ. Латентные компоненты
в профилях итальянских политологов
Матрица компонентов (Component matrix (a))**

	Компонент		
	1	2	3
Возраст	-0,763	0,306	0,147
Стаж	0,908	-0,106	-0,081
Академический опыт	0,708	-0,006	0,248
Заметность в СМИ	0,437	-0,006	0,668
Опыт работы советником	0,104	0,036	0,829
Участие в международных конференциях	0,079	0,870	0,010
Членство в международной организации	0,215	0,723	-0,137
Публикации ISI SCOPUS (2004–2014)	0,185	0,738	0,066

Метод: анализ главных компонент, извлекаются три компонента.

Таблица 7

Объяснение общей дисперсии (Total Variance Explained)

Компонент	Всего	% кумулятив. дисперсии	Кумулятив. %	Всего	% кумулятив. дисперсии	Кумулятив. %
1	2,198	27,477	27,477	2,198	27,477	27,477
2	1,935	24,184	51,663	1,935	24,187	51,663
3	1,245	15,565	67,228	1,245	15,565	67,228
4	0,728	9,098	76,326			
5	0,672	8,396	84,722			
6	0,604	7,550	92,272			
7	0,381	4,763	97,035			
8	0,237	2,965	100,000			

Метод: анализ главных компонент.

Количественный анализ этих данных выявил три скрытых фактора (см. табл. 6), которые, в свою очередь, объяснили причины разброса в распределении кейсов. Первая группа факторов – характерные черты «академической вовлеченности» (стаж, опыт управления и, в определенной степени, международное присутствие в профессиональных институтах). Второй фактор представляет собой международное присутствие, заключающееся в наличии международно признанных публикаций. И третий фактор подчеркивает связь между заметностью в медиа и консультационным опытом.

5. Анализ

Какие выводы мы можем сделать из этого первоначального анализа? В целом можно выделить три в некоторой степени отличающихся друг от друга типа итальянских политологов.

1. *Включенные в университетскую жизнь («академики»)* – участвуют в процессе институционального строительства в своем университете. Исследовательский профиль такого типа политологов носит открытый характер, в какой-то степени ориентирован на прикладное использование результатов, но активность в качестве публичного интеллектуала чаще всего низка.

2. *Фундаментальные «исследователи»* – постоянно активны (в настоящее время в большей или меньшей степени на международной арене), причем результатом этой активности является научная продукция, не относящаяся к разряду прикладной. Чистые исследователи не заботятся о своем общественном имидже и не вовлечены в политику или во внешнюю консультативную деятельность.

3. *«Публичные интеллектуалы»* – предельно открыты для средств массовой информации. Они в известной степени заинтересованы в прикладных исследованиях, хотя и не обязательно являются очень продуктивными в этой области, особенно на международном уровне. Данный тип ученых практически исключен из сферы институционального и академического управления.

Хотя возможность комбинации этих «идеальных типов» среди итальянских политологов не исключена, мы можем утверждать, что четвертый идеальный тип, который мы определяем как *электичный ученый*, в реальной жизни почти не встречается. В допол-

нение к «классическим» чертам чистого ученого или даже чистого «академика» эклектичный ученый будет обладать также некоторыми характеристиками публичного интеллектуала, в частности, его влиянием на общественное обсуждение посредством постоянного присутствия в медиа¹.

Сложности, препятствующие появлению определенных форм эклектики, подтверждают наше первоначальное предположение о том, что итальянская политическая наука, несмотря на удовлетворительный уровень академической институционализации (которая, однако, страдает от последствий недавних организационных изменений и сокращения финансирования системы итальянских университетов), все еще не добилась значимого общественного статуса. И подобная неэффективность может быть связана скорее с внутренней логикой функционирования и развития предмета, нежели с относительной численностью профессиональных политологов и географией их трудоустройства.

Как показывают результаты нашего исследования, итальянские политологи осознают социальную неактуальность предмета, а также то, в каких направлениях должна вестись работа для повышения воспринимаемой общественной полезности (*perceived social utility*). Однако поведение профессиональных политологов не свидетельствует об этом осознании.

Таким образом, представляется, что итальянская политическая наука так и осталась слабо оформленной / теоретически ориентированной / дивергентной / «сельской» дисциплиной. «Слабая оформленность» свойственна политической науке во всем мире, и в итальянском случае едва ли можно исключить эту мультипарадигмальность. Однако три другие характеристики – тяготение к «чистому» исследованию, отсутствие общей идентичности и большое разнообразие научно-исследовательских тем, которое включает любую экономию на масштабах и, как результат, любое

¹ Другое подтверждение того, что итальянские политологи сталкиваются с трудностями в данной сфере, – их участие в программе под названием «Политические страницы», в рамках которой ученые и журналисты представляют последние исследования итальянской политики. Как видно из архивов программы, показатель посещаемости данной программы политологами очень низок по сравнению, например, с историками и социологами. См.: Radiotelevisione Italiana [Сайт Итальянской государственной телерадиокомпании]. – Mode of access: <http://www.rai.tv/>

развитие общего ядра «знания» по конкретным вопросам, – остаются предметом для обсуждения.

Причины сохранения характеристик итальянской политической науки как «теоретически ориентированной», дивергентной и «сельской», очевидно, могут быть связаны с любым из приведенных выше объяснений Дж. Стокера (временным несовпадением логики политического научного исследования и его политического времени; организационными стимулами академической работы; риторикой научной нейтральности; тяготением к исследовательским вопросам, которые не связаны с актуальными политическими проблемами и проблемами политики), хотя в случае Италии три из этих объяснений кажутся наиболее значимыми. Вопрос о временном несовпадении научного и политического времени – это в действительности результат «теоретического» подхода к исследовательской деятельности; он снимается, если изменяются остальные три элемента.

Организационный стимул в итальянской академической работе заключается, как это часто бывает в случае чистых дисциплин, в погоне за уважением коллег и необходимости показать, что высокие теоретические и методологические стандарты были соблюдены. Этим сущностным характеристикам придается еще большее значение (если такое только возможно) из-за критерия Национальных исследований оценки качества проектов (VQR), которые, в отличие, например, от британской системы Research Excellence Framework 2014 (<http://www.ref.ac.uk/>), акцентируют свое внимание только на «научном качестве» исследовательских продуктов, не учитывая социального влияния среды [Reboja, Turri, 2013; Turri, 2014 b]. Таким образом, институциональный контекст, в котором функционирует итальянская политическая наука, лишь усиливает ее приверженность «чисто теоретическому» подходу. В одиночку политологи могут сделать не так много для переустройства реального мира.

Тем не менее, что касается двух других измерений данного вопроса, здесь мы не можем сослаться на влияние «внешних ограничений». Фактически риторика научной нейтральности и преобладающая ориентация на внутренне значимые исследовательские темы находятся под полным контролем самого научного сообщества. Таким образом, сохранение нейтральности и отсутствия интереса к

политически ориентированным / социально значимым исследованием является результатом культурных ограничений.

С культурной точки зрения риторика нейтральности является своего рода генетической меткой. В стране, где политическая наука вынуждена была развиваться в сильно идеологизированной среде, вполне естественно, что призыв к нейтральности тем более значим, что позволяет лучше легитимировать новый предмет и границы между ним и другими «конкурирующими» предметами (учитывая, что политическая философия, право и история в Италии предлагают весьма идеологизированный анализ политики). Тем не менее сохранение такого рода риторики в век институционализированной итальянской политической науки кажется контрпродуктивным с точки зрения ее легитимации. Поэтому предложение Лассуэла быть наукой для демократии должно восприниматься всерьез, особенно принимая во внимание значительное распространение популистских и антиполитических движений и школ мысли в рамках итальянского общества.

Ограничения для идентичности итальянских политологов тесно связаны с их профессиональной социализацией. Идея о том, что наш предмет теоретический и поэтому имеет значение только теория, приводит к тому, что просьба выбрать тему для исследования, адресованная к молодым ученым, подразумевает связь этой темы с теоретически значимым исследовательским вопросом. Это означает, что воспроизводство предмета абсолютно лишено любой связи с реальными политическими проблемами.

Таким образом, защищая культурный бренд (*мы нейтральны, а потому мы настоящие ученые*) и идентичность (*мы заинтересованы только в улучшении качества наших теорий*), итальянские политологи не способны ни развить интерес студентов к предмету, ни достучаться до медиасистемы или политиков, ни повысить свою значимость для общества. Это похоже на бесконечный порочный круг.

Мы не должны недооценивать самые последние изменения. В частности, очевидное развитие новой волны интернационализации (ставшей возможной благодаря целому поколению ученых, воспитанных в более мобильной среде (проект Lifelong Learning Programme (http://ec.europa.eu/education/tools/llp_en.htm), а также расширению программ мобильности для аспирантов) означает не

только повышение конкурентоспособности итальянского сообщества в международных профессиональных изданиях. Можно утверждать, что это «интернационализированное» поколение ученых также обеспечит постоянное присутствие в «эпистемологических сообществах», которые активны, особенно на европейском уровне, в ряде областей, начиная от консультативных органов государственных институтов и мозговых центров и заканчивая определенными «политически ориентированными» интеллектуальными предприятиями, поддерживаемыми ассоциациями и политическими партиями. Однако развитие в этом направлении идет достаточно медленно и не сильно заметно на национальном уровне по причине того, что, будучи активными на наднациональном уровне, многие ученые оказываются не у дел дома.

6. Заключительные замечания

Почти 20 лет назад один довольно известный итальянский политолог, один из тех, кто поистине верил в практическую полезность дисциплины, с энтузиазмом утверждал, что «дисциплина не только академически консолидирована, но и ее общественная полезность уже не может быть поставлена под сомнение. Более того, наблюдается растущая потребность в политической науке и тех отраслях социальных наук, которые способны развить и систематизировать знания о политических институтах, движениях, процессах и поведении» [Pasquino, 1997, p. 33].

Как мы показали в этой статье, эмпирические данные говорят, как правило, об обратном, и сегодня оценка Пасквино кажется довольно оптимистичной.

В сущности, в Италии, как и повсюду, чувствуется реальная потребность в повышении социальной значимости предмета. Это не только тактическое требование (чтобы добиться большей заметности в общественной сфере и повысить репутацию, с целью улучшения имеющихся ресурсов – получить больше рабочих мест, больше студентов, больше финансирования и т.д.), но также и стратегический выбор исследовательской повестки. Эпистемологический разрыв должен быть предан обсуждению, а путь, предложенный Лассуэлом, воспринят с большей серьезностью. Мы должны попытаться

увидеть, что «заинтересованность в проблемах наших сограждан – не что-то дополнительное (optional add-on) для политической науки как профессии, но и обязанность, такая же непреложная, как наша погоня за научной истиной» [Putnam, 2003, p. 252].

Эти гносеологические «преобразования» в наших руках, нашим департаментам и старшим ученым по силам обратиться к новым поколениям, придать больший вес социально и политически значимым исследованиям. И наши журналы должны поощрять предоставление докладов (очевидно, соответствующих высоким методологическим стандартам), уделяющих внимание реальному миру и реальным политическим проблемам и проблемам политики. Возможно, пришло время переориентировать исследовательскую «политику» и профессиональную идентичность итальянских политологов.

Список литературы

- Becher T.* Academic tribes and territories: Intellectual enquiry and the cultures of disciplines. – Milton Keynes: Open Univ. press, 1989. – 200 p.
- Becher T., Kogan M.* Process and structure in higher education. – 2nd ed. – L., N.Y.: Routledge, 1992. – 209 p.
- Becher T., Trowler P.R.* Academic tribes and territories: Intellectual inquiry and the culture of disciplines. – 2nd ed. – Buckingham: Open univ. press, 2001. – 238 p.
- Biglan A.* The characteristics of subject matter in different academic areas // Journal of applied psychology. – Washington, D.C., 1973 a. – Vol. 57, N 3. – P. 195–203.
- Biglan A.* Relationships between subject matter characteristics and the structure and output of university departments // Journal of applied psychology. – Washington, D.C., 1973 b. – Vol. 57, N 3. – P. 204–213.
- Bobbio N.* Saggi sulla scienza politica in Italia. – Bari: Laterza, 1969. – 254 p.
- Capano G.* Implementing the Bologna declaration in Italian universities // European political science. – Colchester, Essex, 2002. – Vol. 1, N 3. – P. 81–91.
- Capano G.* Looking for serendipity: The problematical reform of government within Italy's universities // Higher education. – Amsterdam, 2008. – Vol. 55, N 4. – P. 481–504.
- Capano G., Tronconi F.* Political science in Italian universities. A peaceful survival? // European political science. – Colchester, Essex, 2005. – Vol. 4, N 2. – P. 151–163.
- Capano G., Verzichelli L.* Good but not enough: Recent developments of political science in Italy // European political science. – Colchester, Essex, 2010. – Vol. 9, N 1. – P. 102–116.
- Coburn T.A.* Letter to the director of the national science foundation. – 2013. – 12 March. – Mode of access: http://www.coburn.senate.gov/public//index.cfm?a=Files.Serve&File_id=60c99a67-2f0d-4c83-9b3d-1d65225d6abb (Дата посещения: 09.06.2014.)

- Elzinga A.* Internal and external regulatives in research and higher education systems // *Disciplinary perspectives on higher education and research* / Ed. by R. Premfors. – Stockholm: Univ. of Stockholm, 1987. – P. 191–217.
- The state of political science in Western Europe / Ed. by Klingemann H.D. – Opladen: Barbara Budric publishers, 2007. – 434 p.
- Lasswell H.D.* The political science of science: An inquiry into the possible reconciliation of mastery and freedom // *American political science review*. – Washington, D.C., 1956. – Vol. 50, N 4. – P. 961–979.
- Lasswell H.D.* The future of political science. – N.Y.: Atherton press, 1963. – 256 p.
- The policy sciences / Ed. by Lerner D., Lasswell H.D. – Stanford: Stanford univ. press, 1951. – 344 p.
- Morlino L.* Ancora un bilancio lamentevole? // *Scienza Politica* / Ed. by L. Morlino. – Torino: Edizioni Fondazione Agnelli, 1989. – P. 5–52.
- Morlino L.* Political science in Italy: Tradition and empiricism // *European journal of political research*. – Hoboken, NJ, 1991. – Vol. 20, N 3–4. – P. 341–358.
- Pasquino G.* Corso di Scienza politica. – Bologna: Il Mulino, 1997. – 276 p.
- Pasquino G.* Political science for what? Giovanni Sartori's scholarly answer // *Rivista italiana di scienza politica*. – Bologna, 2013. – N 3. – P. 455–468.
- Putnam R.* APSA presidential address: The public role of political science // *Perspective on politics*. – Cambridge, MA, 2003. – Vol. 1, N 2. – P. 249–255.
- Rebora G., Turri M.* The UK and Italy research assessment exercises face to face // *Research policy*. – Amsterdam, 2013. – Vol. 42, N 9. – P. 1657–1666.
- Regalia M., Valbruzzi M.* Introduzione // *Quaranta anni di scienza politica in Italia* / Ed. by G. Pasquino, M. Regalia e M. Valbruzzi. – Bologna: Il Mulino, 2013. – P. 4–19.
- Stoker G.* Blockages on the road to relevance: why has political science failed to deliver? // *European political science*. – Colchester, Essex, 2010. – Vol. 9, N 1. – P. 72–84.
- Turri M.* The difficult transition of the Italian university system: growth, underfunding and reforms // *Journal of further and higher education*. – L., 2014 a. – Mode of access: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0309877X.2014.895303> (Дата посещения: 20.05.2015.)
- Turri M.* The new Italian agency for the evaluation of the university system (ANVUR): A need for governance or legitimacy? // *Quality in higher education*. – L., 2014 b. – Vol. 20, N 1. – P. 64–82.

*Перевод с английского С.А. Солодянкиной
под ред. О.Ю. Малиновой*

А.Ю. БЕЛЯЕВ

**ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ СТЕПЕНЬЮ
ОБЩЕСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ ФАБРИК МЫСЛИ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЯРИЗАЦИЕЙ ОБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ США)**

Фабрики мысли являются одним из институтов, через которые интеллектуалы могут принимать участие в современном политическом процессе. Сейчас, в силу трансформации традиционного института партии, политический процесс представляет собой противостояние между различными коалициями (advocacy coalitions), каждая со своими ценностями и целями. И фабрики мысли в них могут выступать в качестве источника рефлексии для всей коалиции в случае поражения на выборах, рупором новой мысли, с помощью которой можно победить в новом электоральном цикле, а также продвигать в органы власти свои предложения. Линдквист в своей статье [Lindquist, 2006] отмечает, что в последние десятилетия наблюдается изменение деятельности фабрик мысли от сугубо академической формы в сторону, ориентированную непосредственно на «политические баталии». Таким образом, в развитых странах политические институты, известные как think tank, в последние годы стали в большей мере зависеть от своих коалиций и политической жизни.

Элитисты исходят из предположения о том, что если аналитические центры и оказывают влияние на политический процесс, то главным образом потому, что связаны с властной элитой. Характерным примером рассмотрения фабрик мысли с элитистских позиций является теория фабрик мысли, разрабатываемая Дж. Макганом. Данная теория «позволяет идентифицировать тесную связь

между теми, кто финансирует мозговые центры, и теми, кто управляет ими» [McGann, 2000].

Однако у этой теории есть изъян: по мнению Д. Абельсона, она основана на неверном предположении, согласно которому «мозговые центры не в состоянии влиять на общественную политику» [Abelson, 2002, p. 50], что подтверждает хотя бы институт советничества или независимая экспертиза, которая функционирует в развитых странах. По мнению Р. Дали [Даль, 2003, с. 359] и того же Абельсона, сторонников плюралистического подхода, фабрики мысли могут конкурировать за влияние с профсоюзами, группами защитников окружающей среды и другими неправительственными организациями [Балаян, Сунгуров, 2014, с. 236]. Стоит отметить, что вышеописанные теории не учитывают привилегированный статус фабрик мысли. Они «обладают уникальными признаками, которые позволяют им выделяться» [Abelson, 2002, p. 52].

С точки зрения Д. Абельсона, неинституциональный и плюралистический подходы можно рассматривать как один, общий подход к изучению фабрик мысли. В его рамках влияние на деятельность фабрик мысли оказывают не только их ресурсы (как в структурно-функциональном подходе), но и участие в цикле разработки и принятия политического решения. «Согласно Д. Кингдону, мозговые центры могут часто быть неспособны влиять на заключительный выбор, сделанный высшими чиновниками, но они могут оказать большое влияние на установку и возможное расширение пределов представительных дебатов. Это, в свою очередь, приводит к рассмотрению различных альтернатив, которые, возможно, не были на повестке дня ранее» [Медушевский, 2011]. Представители плюралистической теории, например, Р. Дали [Даль, 2003], считают, что аналитические центры могут влиять на политический процесс, равно как и остальные группы интересов.

Один из наиболее важных вопросов, на которые пока нет окончательного ответа: являются ли фабрики мысли, согласно плюралистическому подходу, скорее группами интересов, действующими по правилам гражданского общества, или акторами, обслуживающими деятельность элит? Иными словами, действуют ли они, прежде всего, ориентируясь на свои интересы и ценности, или приоритетными являются интересы потенциальных заказчиков экспертизы.

С другой стороны, важно понимать, что фабрики мысли могут оказывать влияние не только непосредственно во время взаимодействия с представителями власти, но и с их окружением, оказывая воздействие на политическое пространство. Как следствие, появляется проблема методологии расчета индекса активности фабрик мысли. Иначе говоря, по каким критериям мы должны оценивать деятельность фабрик мысли?

Многие руководители аналитических центров отмечают [Murray, 2011, p. 92], что существует огромное количество конкурирующих с фабриками мысли институтов, а также отсутствует полный набор объективно измеряемых (прямых или косвенных) критериев, из-за чего до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, как измерять влияние фабрик мысли.

Однако можно попробовать оценить относительную влияние конкретной организации среди ей подобных. Именно с целью подобной оценки ежегодно в университете Пенсильвании под руководством Дж. Макгана проводится исследование «Global go to think tank index». Это ежегодный опрос экспертов с целью ранжирования фабрик мысли по различным критериям, по которым каждый эксперт выставляет баллы фабрикам мысли из своего региона. Таким образом, хоть охват и обширен, исследование базируется на субъективном восприятии экспертов, что часто приводит к неясным результатам.

Помимо этого, проводится множество количественных исследований фабрик мысли. Чаще всего это количественный анализ упоминаемости в средствах массовой информации. Предполагается, что фабрики мысли стараются создать ощущение влияния на общественность политиков (это, возможно, помогает им продвигать свои инициативы) и что нет лучшего способа создать ощущение влияния, чем привлечь внимание СМИ. Такой метод позволяет косвенно определить не только влияние, но и направленность деятельности этих фабрик мысли.

Однако «изучение средств массовой информации говорит нам очень мало о характере и степени влияния фабрик мысли» [Abelson, 2011, p. 25]. Измерение влияния аналитических центров затруднено, поскольку неясно, определяют ли мозговые центры повестку дня, расширяют ли политические дискуссии, влияют на решения политиков или просто следуют тенденции в области по-

литики [Lindquist, 2006, p. 15]. Авторы одной из образцовых работ, посвященных исследованию влияния фабрик мысли, отмечают: «Для измерения влияния фабрик мысли нужно измерять способности влиять в отличие от измерения корреляции между научно-исследовательскими работами или рекомендациями института и конкретными результатами политики» [McNutt, 2009, p. 220]. В своей работе они особую роль уделяют исследованию интернет-пространства. Интернет открывает широкие возможности для взаимодействия с широкой аудиторией (студентами, учеными, лицами, принимающими решения). Опираясь на инструменты, доступные в сети (такие, как alexa.com, cgdev.org), можно оценить, насколько активно интернет-публика читает (трафик веб-ресурса фабрики мысли) и ссылается (количество сайтов со ссылками на сайт фабрики мысли) на продукт ученых. Однако данная информация не распределена по времени, что существенно ограничивает нас в использовании такого рода метрики.

В данном исследовании в качестве такого критерия будет взято количество цитирований в научных источниках тех публикаций, в которых фабрика мысли указана как издатель. Это лишает нас возможности оценить влияние связанных с фабрикой мысли исследователей, однако дает хорошее представление о временной динамике влияния на научное сообщество.

Все вышеперечисленные показатели описывают воздействие на достаточно крупные слои общества и, как предполагается, играют важную роль при разработке долго обсуждаемых проектов и предложений. Однако мы знаем, что нередко решения принимаются достаточно быстро, и в таком случае ключевыми факторами будут являться не общественность и даже не экспертное сообщество, а непосредственный контакт и взаимодействие лиц, принимающих решения. Канал влияния, связанный с непосредственным контактом с лицами, принимающими решения, является в таких случаях критичным, но исследовать его – задача крайне сложная.

В данном исследовании будет реализована попытка найти взаимосвязь между степенью политической поляризации в представительных органах (посчитанным для сената и палаты представителей США) и показателями, отражающим влияние фабрик мысли.

Обобщая, можно разделить все возможные направления влияния фабрик мысли на три группы (см. табл. 1).

Таблица 1

Направления влияния фабрик мысли

Направление влияния	Каналы влияния	Используемые ресурсы	Информация для операционализации
Консультирование	Национальные дискуссии / дебаты формальные и неформальные встречи	Исследование и анализ, представление доказательств и обобщенных аргументов	Количество экспертных запросов со стороны ЛПР, количество упоминаний исследований в академических кругах (репутация в экспертном сообществе)
Лоббирование и переговоры	Формальные и неформальные встречи с ЛПР, участие экспертов в комиссиях	Прямое взаимодействие – связи и доверие	Интервью с непосредственными участниками, количество минут встреч с ЛПР, количество упоминаний в официальных отчетах представительных органов
Публичное продвижение	Публичные дебаты / обсуждения митинги / встречи / презентации, телевидение, газеты, прочие СМИ	Формирование месседжей, создание публичных кампаний, образование, продвижение идей	Охват аудитории и количество цитирований в СМИ и Интернете

Естественно, предлагаемая модель не претендует на абсолютную объективность, и многие критерии могут быть улучшены или дополнены. Также необходимо отметить, что некоторые данные собрать крайне сложно, хоть это и возможно (теоретически). Из этих трех показателей вследствие ограниченности имеющейся информации в работе оценка будет проведена применительно к двум из них – влияние посредством консультирования и публичного продвижения. Так как мы имеем множество измерений сходных характеристик (несколько групп переменных), имеет смысл изучить их согласованность, чтобы сделать выводы о сходности их поведения.

Для исследования были выбраны десять самых влиятельных фабрик мысли по версии «Global go to think tank. Index report» 2013 г. [Global go to think tank... 2014], попадающие в верхушки

рейтинга последние несколько лет: Brookings Institution, Carnegie Endowment for International Peace, Cato Institute, Center for American Progress, Center for Strategic and International Studies, Council on Foreign Relations, Heritage Foundation, Urban Institute, RAND Corporation, Hoover Institution.

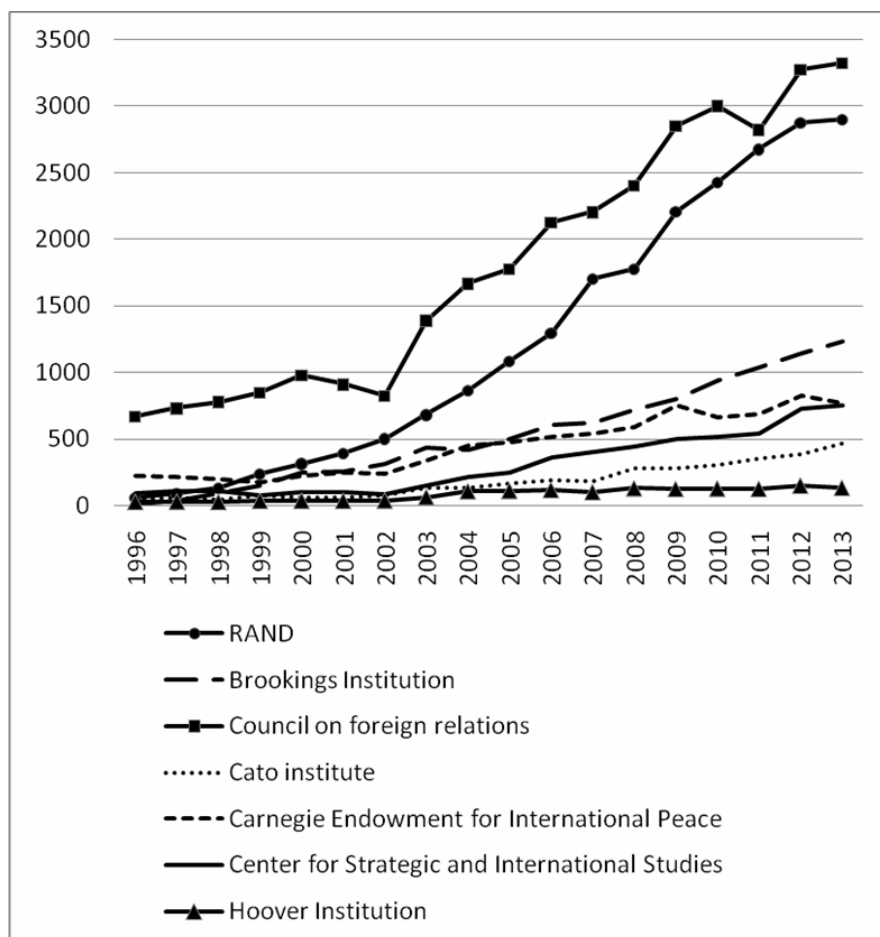

Рис. 1.
Динамика академического цитирования
исследовательских работ фабрик мысли

В качестве критериев, использованных для определения влияния фабрик мысли посредством консультирования и публичного продвижения, применялись, соответственно, количество цитирований в научных источниках журналов, выпущенных фабрикой мысли, и количество упоминаний фабрики мысли в СМИ.

Для первого замера использовалась база данных Web of Science.

Исходя из рис. 1, можно сделать вывод, подтверждаемый после расчета коэффициента конкордации Кендалла (аналог R Спирмена, измеряемый для множества переменных, больше двух), о подчинении значения академических цитирований различных фабрик мысли общим закономерностям. Полученный результат $W = 0,896$ говорит об очень высокой согласованности показателей цитируемости и, как следствие, позволяет предположить, что переменные следуют общей динамике.

Аналогичным образом проведем анализ упоминаний различных фабрик мысли в СМИ (см. рис. 2). В качестве источника информации использовалась база данных LexisNexis. Результаты, как и в предыдущем случае, говорят о наличии значимой схожести между поведением переменных $W = 0,872$.

Очевидно, общая динамика продиктована неизвестными пока структурными факторами или событиями. Заметно уменьшение активности после 2009 г., которое еще необходимо объяснить.

Важным фактором, кроме конкурентной борьбы за власть, является также пространство для дискуссии, на которое могут оказывать влияние фабрики мысли. За основу будет взят индекс поляризации общества, который не только показывает идеологическую разницу в интересах общественных групп, но и учитывает «удельную представительность» различных идей в парламенте. Фактор представительности тем сильнее влияет на возможности «договариваться» и заключать временные коалиции, чем больше партий представлено в парламенте.

Основываясь на работе Ф.Т. Алескерова и М.А. Голубенко [Алескеров, Голубенко, 2003], в начале расчета коэффициента поляризации общества необходимо оценить по шкале идеологическую направленность политических партий (нормировано, т.е. 0 – максимально левые, 1 – максимально правые).

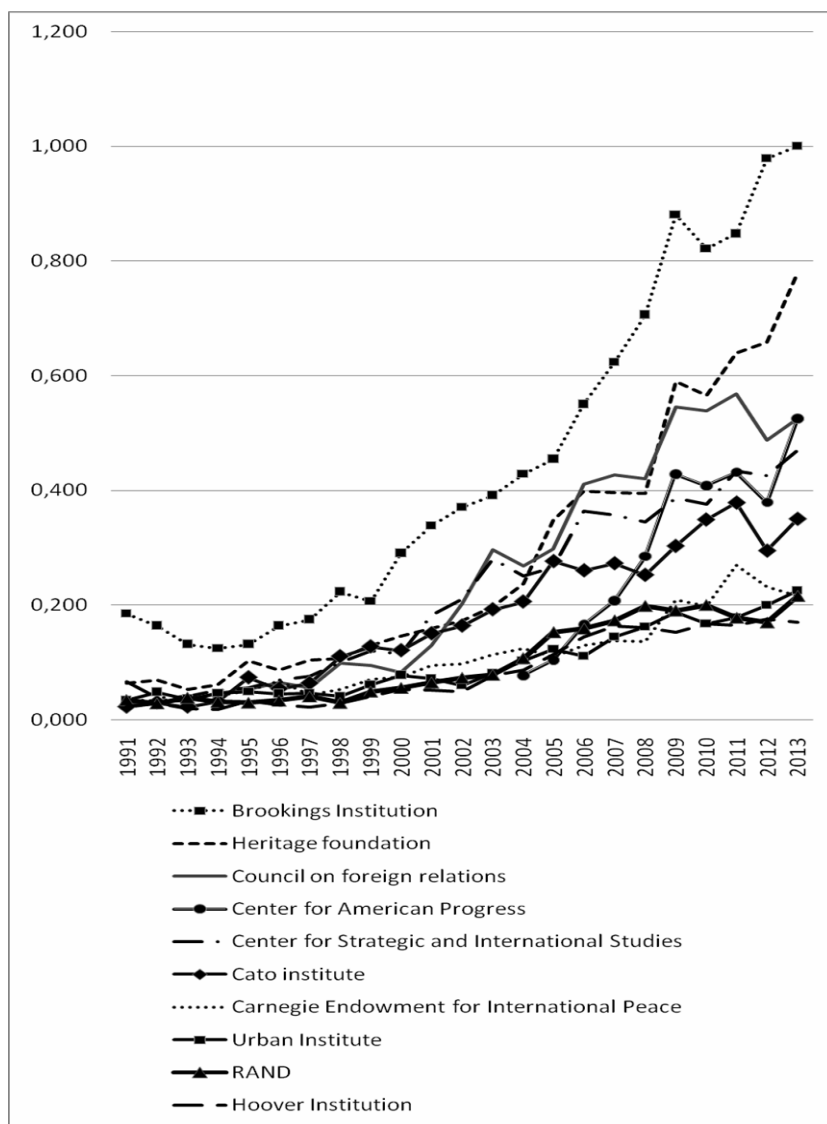

Рис. 2.
Динамика упоминаний фабрик мысли в различных СМИ

После чего нам нужно будет получить «идеологический» центр с учетом «веса», т.е. представленности каждой из идеологий. В данном случае V_k – доля голосов, отданных за партию k , а P_k – ее идеологическая направленность (все от 0 до 1):

$$c = \frac{\sum_{k=1}^n V_k P_k}{\sum_{k=1}^n V_k}$$

После этого мы можем оценить, насколько далеко находятся партии от этого идеологического центра, и посчитать коэффициент политической поляризации:

$$p = 2 \sum_{k=1}^n V_k |P_k - c|$$

Расчет этого коэффициента поможет составить представление о том, как широки возможности в политическом пространстве в парламентах для возможных дискуссий.

Идеологические оценки для партий следует проводить не по одномерной шкале левые – правые, а как минимум по двум. Первая оценка – роль государства в экономике. По мнению специалистов из группы исследователей Voteview, необходимо «второе измерение, учитывающее специфики различных регионов, гражданские права. С принятием Закона о гражданских правах 1964 г., Закона об избирательных правах 1965 г. и Акта 1968 г. об открытых (справедливых) домашних хозяйствах (Open housing act) второе измерение медленно уменьшалось в важности и в настоящее время незначительно» [The polarization... 2015]. В данном случае в силу специфики кейса можно использовать идеологическую оценку, составленную специалистами центра VoteView, базирующуюся на методике, описанной в работе «Measuring bias and uncertainty in DW-NOMINATE ideal point estimates via the parametric bootstrap» [Lewis, Poole, 2009].

Данные для палаты представителей (см. табл. 2) и сената не сильно отличаются между собой и отражают общую тенденцию.

Таблица 2

Палата представителей – поляризация

Год	Р демократы	Р республиканцы	V демократы	V республиканцы	С	П
1991	0,35	0,68	0,591	0,384	0,465	0,304
1993	0,34	0,7	0,616	0,405	0,493	0,360
1995	0,33	0,74	0,474	0,524	0,540	0,407
1997	0,32	0,75	0,476	0,520	0,542	0,424
1999	0,32	0,76	0,485	0,513	0,546	0,438
2001	0,32	0,78	0,490	0,506	0,549	0,454
2003	0,32	0,79	0,471	0,526	0,567	0,468
2005	0,31	0,8	0,462	0,536	0,575	0,484
2007	0,32	0,82	0,536	0,464	0,554	0,493
2009	0,33	0,84	0,591	0,409	0,537	0,490
2011	0,31	0,85	0,444	0,556	0,608	0,538
2013	0,31	0,86	0,462	0,538	0,604	0,548

Полученные данные уверенно говорят о росте политической поляризации в течение последних 20 лет. Таким образом, можно судить о росте напряженности в парламенте, уменьшении возможностей для переговоров. Привлекает внимание небольшое уменьшение показателя поляризации в 2009 г. (см. рис. 3), которое совпадает с периодом уменьшения активности деятельности фабрик мысли за аналогичный период.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи между коэффициентом политической поляризации представительных органов и показателями влиятельности фабрик мысли проведем необходимый анализ. Имея две исходные, независимые, но сильно коррелирующие между собой переменные, мы хотим проверить их связь с двумя множествами зависимых переменных (многомерную зависимую переменную) – индексом консультирования фабрик мысли (количество ссылок на работы фабрик мысли) и индексом публичного продвижения (количество медиационирований).

В данном случае мы будем использовать многомерный дисперсионный анализ (MANOVA – от M – multilateral (многосторонний) и Analysis Of Variance – ANOVA). Существенными показателями для него являются показатели значимости (чем меньше, тем больше доверия к наблюдаемой зависимости) и Частная Эта в квадрате (показывает вклад независимых переменных в разброс

значений зависимых переменных), определяемые по показателям тестов с различной силой (след Пиллая, λ -Уилкса и т.д.).

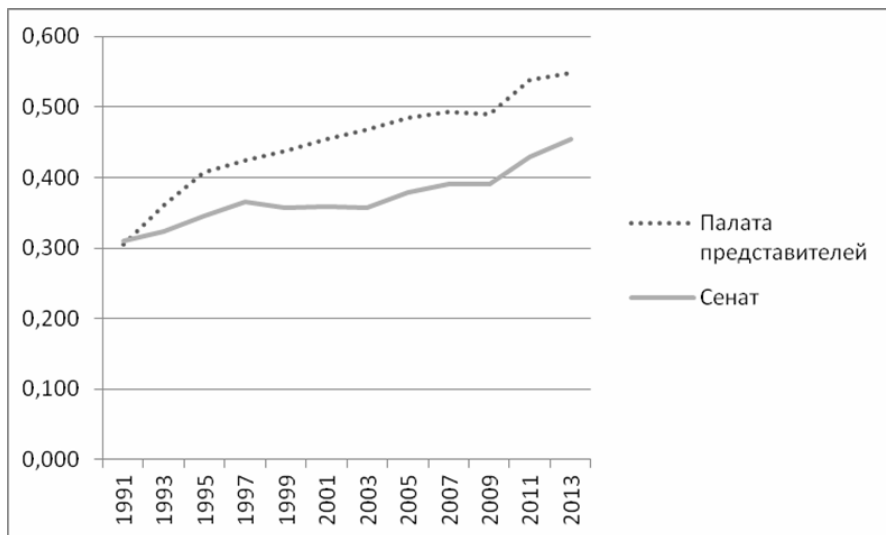

Рис. 3.
Изменение политической поляризации с 1993 по 2013 г.

Ограничением модели является необходимость использовать номинальные или порядковые переменные в качестве независимых, что создало необходимость в корректировке исходных данных, имеющих относительные значения. Таким образом, исходным значениям коэффициента поляризации были присвоены дискретные значения рангов, от наименьших к наибольшим. Показатели для сената и палаты представителей также считались отдельно в силу ограничений модели.

В данных таблицы (см. табл. 3) можно четко наблюдать, что почти все статистические тесты подтверждают нашу гипотезу о высокой связи политической поляризации в сенате и палате представителей и активностью фабрик мысли в направлении публичного продвижения идей и консультирования. Таким образом, при увеличении политической поляризации растет активность фабрик мысли по

этим направлениям. У этих совпадающих динамик, безусловно, может быть третья причина, поиск которой необходимо продолжать.

Таблица 3

Показатели тестов

Многомерные критерии для показателя консультирования				Многомерные критерии для показателя публичного продвижения			
Эффект		Знач.	Частная Эта в квадрате	Эффект		Знач.	Частная Эта в квадрате
П сенат	След Пиллая	0,000	0,586	П сенат	След Пиллая	0,001	0,587
	Лямбда Уилкса	0,000	0,802		Лямбда Уилкса	0,000	0,828
	След Хотеллинга	0,000	0,945		След Хотеллинга	0,000	0,955
	Наибольший корень Роя	0,000	0,990		Наибольший корень Роя	0,000	0,988
П палата представи- телей	След Пиллая	0,001	0,617	П палата представи- телей	След Пиллая	0,019	0,661
	Лямбда Уилкса	0,000	0,858		Лямбда Уилкса	0,000	0,910
	След Хотеллинга	0,000	0,992		След Хотеллинга	0,074	0,998
	Наибольший корень Роя	0,000	0,999		Наибольший корень Роя	0,000	1,000

Однако можно предположить, что именно политическая поляризация является причиной роста активности фабрик мысли. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что в условиях повышения политической поляризации растут политические риски, связанные с уменьшением возможностей для нахождения компромисса между участниками процесса, т.е. для достижения конкретного результата в парламенте нужно больше аргументов, и зачастую требуется большее давление со стороны широкой общественности. И соответственно, фабрики мысли активизируются в случаях роста политической напряженности, чтобы предоставить необходимую рефлексию и аргументы участникам коалиции. С другой стороны, те фабрики мысли, которые не связаны с политическими силами или являются так называемыми независимыми, вынуждены с большим усердием опираться именно на публичные кампании в продвиже-

нии своих идей, так как иные каналы в таких условиях становятся менее доступными.

Список литературы

- Алескеров Ф.Т., Голубенко М.А.* Об оценке симметричности политических взглядов и поляризованности общества: Препринт WP7/2003/04 «Теория и практика общественного выбора». – М.: НИУ ВШЭ, 2003. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2010/05/05/1216436804/WP7_2003_04.pdf (Дата посещения: 24.04.2015.)
- Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли: международный и российский опыт: Учеб. пособие. – СПб.: НИУ ВШЭ, 2014. – 236 с.
- Даль Р.* Демократия и ее критики / Пер. с англ., под ред. М.В. Ильина. – М.: РОССПЭН, 2003. – 359 с.
- Медушевский Н.А.* Экспертное сообщество в политической сфере в конце XX – начале XXI века: Диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. – М., 2011. – 208 с.
- Abelson D.* Do think tanks matter? Assessing the impact of public policy institutes. – Montreal [Que.]: McGill-Queens univ. press, 2002. – 272 p.
- Abelson D.* Is anybody listening? Assessing the influence of think tanks // Think tanks and public policies in Latin America / Ed. by A. Garcé and G. Uña. – N.Y.: Routledge, 2010. – 226 p.
- 2013 Global go to think tanks: Index report / Univ. of Pennsylvania. – Philadelphia, PA, 2014. – 117 p. – Mode of access: <http://gotothinktank.com/dev1/wp-content/uploads/2014/01/GoToReport2013.pdf> (Дата посещения: 02.05.2015.)
- Lewis J.B., Poole K.T., Rosenthal H.* Measuring bias and uncertainty in DW–NOMINATE ideal point estimates via the parametric bootstrap // Political analysis. – Oxford, 2009. – Vol. 17, N 3. – P. 261–275.
- Lindquist E.* Think tanks, foundations and policy discourse: Ebbs and flows, investments and responsibilities. – Ottawa: Canadian policy research networks Inc., 2006. – 18 p.
- McGann J., Weaver K.R.* Think tanks and civil societies in a time of change // Think tanks & civil societies: Catalysts for ideas and action / Ed. by J.G. McGann and R.K. Weaver. – New Brunswick, NJ: Transaction publishers, 2000. – P. 1–37.
- McNutt K., Marchildon G.* Think tanks and the Web: Measuring visibility and influence // Canadian public policy. Analyse de Politiques. – Toronto, 2009. – Vol. 35, N 2. – P. 219–236.
- The polarization of the congressional parties // Vote view. – Mode of access: http://www.voteview.com/political_polarization.asp (Дата посещения: 12.05.2015.)
- Weidenbaum M.L.* The competition of ideas: The world of the Washington think tanks. – New Brunswick, NJ: Transaction publishers, 2011. – 128 p.

О.Ю. МАЛИНОВА

**КТО ФОРМИРУЕТ ОБЩЕСТВЕННОЕ «ЛИЦО»
ПРОФЕССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ПОЛИТОЛОГОВ»,
«ЭКОНОМИСТОВ» И «ИСТОРИКОВ»
В РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ¹**

Развитие политической науки в России практически с самого начала современного, постсоветского этапа стало предметом систематической рефлексии. Этой теме посвящено несколько книг и глав в коллективных монографиях [Политическая наука в России... 2008; Пляйс, 2009; Политология в российских регионах... 2001; Pyin et al., 2010 и др.], не говоря уже о десятках статей. Основное внимание в этих работах уделяется истории становления новой дисциплины и анализу паттернов ее институционализации. Гораздо меньше известно о формировании профессиональной идентичности политологов и ее восприятию во внешней среде – обществом и властью². Между тем в данном случае эти аспекты приобретают особое значение: когда в начале 1990-х годов политическая наука

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 13-03-00 553 а.

² Отдельные штрихи к профессиональному портрету российских политологов можно найти в исследованиях С.В. Патрушева и О.Ю. Малиновой на основе членской базы Российской ассоциации политической науки (РАПН) и двух опросов участников информационной сети РАПН [Политическая наука в России..., 2008, с. 440–454; Малинова, 2006], а также в материалах семинара РАПН [Общественные функции..., 2005]. Любопытно наукометрическое исследование Л. Савинова [Савинов, 2012].

получила официальный статус, принадлежность к новой «модной» профессии не могла определяться обычными критериями – дипломами об образовании, учеными степенями, публикациями в профильных журналах и т.п. Самоидентификация и идентификация в качестве «политолога» в большей степени были связаны с видами деятельности, ассоциируемыми с этим термином. При этом не только широкая публика, но зачастую и сами «политологи» имели смутное представление о том, что это такое «на самом деле». Формирование профессиональных стандартов деятельности происходило, с одной стороны, с оглядкой на зарубежные практики (которые не отличаются единообразием), с другой стороны, в символической «борьбе за монополию легитимной номинации» [Бурдые, 2007, с. 27–28]: содержание зонтичного понятия «политолог» стало предметом конкуренции частично пересекающихся, но все же разных профессиональных сообществ. С течением времени границы последних приобрели более отчетливые очертания, и в 2008 г. авторы эмпирического исследования РАПН констатировали, что в случае «институционального ядра» исследователей и преподавателей «профессионально-идентификационное дистанцирование политологов от представителей других наук уже произошло», хотя российская политическая наука в целом сохраняет свою приверженность междисциплинарности [Политическая наука в России... 2008, с. 453]. Однако это не снимает проблему несовпадения самоидентификации и идентификации внешними агентами, связанную с борьбой за номинацию, которая происходит на разных публичных аренах. Ключевое значение здесь имеют СМИ: поскольку профессия «политолог» не является массовой, ее восприятие внешними агентами в значительной степени определяется медийными репрезентациями.

В настоящей статье представлены результаты исследования, целью которого было выяснить, кто представляет российских «политологов» в печатных СМИ. Источниками для контент-анализа послужили материалы, опубликованные в течение года (с 1 мая 2014 г. по 30 апреля 2015 г.) в десяти газетах, отобранных с учетом охвата аудитории на основе данных TNS Gallup (см. приложение 1). В выборку вошли пять изданий, рассчитанных на «массового» читателя: «Метро» (Москва), «Аргументы и факты», «Вечерняя Москва» (утренний ежедневный выпуск), «Комсомольская правда»,

«Московский комсомолец», и пять изданий различной идеологической ориентации, считающихся «качественными» и ориентированных на более специфические аудитории: «Коммерсантъ», «Известия», «Независимая газета», «Российская газета», «Новая газета». На основе информационной базы СМИ «Интегрум» был составлен список лиц, для характеристики которых использовался термин «политолог», а также определено количество публикаций, в которых они были рекомендованы в указанном качестве (единицей подсчета выступали документы, а не высказывания; «политологи» фигурировали чаще всего как комментаторы, реже – выступали в роли авторов статей). Полученный список «медиаполитологов» был подвергнут количественному и качественному анализу, одной из задач которого было сопоставить публикационную активность в СМИ и профессиональных журналах, для чего были использованы данные Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Для более адекватной оценки полученных результатов аналогичные исследования были проведены для профессиональных категорий «экономист» и «историк», которые тоже широко представлены в медийном дискурсе, но связаны с более «старыми» и «знакомыми» для российского общества социально-научными дисциплинами.

Результаты контент-анализа показали, что слово «политолог» упоминается в печатных СМИ почти в 1,5 раза чаще, чем термины «экономист» и «историк» (см. рис. 1). Еще более существенен разрыв между количеством публикаций, в которых эти категории используются для характеристики конкретных персоналий (лица, именуемые «политологами», фигурируют в 2379 текстах, тогда как «экономисты» – в 1021, а «историки» – в 326). Это, по-видимому, объясняется тем, что за «политологами» как группой людей в российских СМИ закрепилась постоянная функция – они комментируют политические новости, причем многие журналисты строят свои материалы в формате обзора мнений разных аналитиков. Примечательно, что на протяжении анализируемого периода тот же алгоритм активно применялся и к их украинским коллегам: список из 296 российских «политологов» дополнили 50 украинских (они фигурируют в 286 газетных материалах).

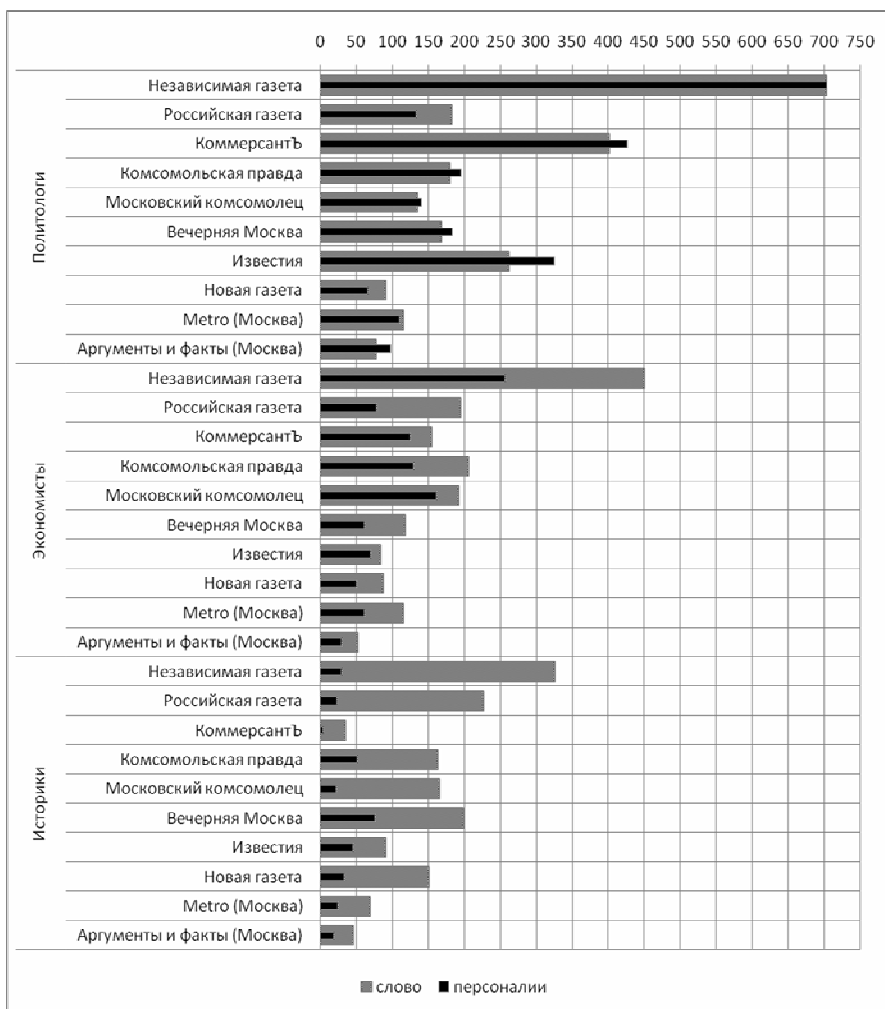

Рис. 1.
Количество публикаций печатных СМИ, содержащих упоминания
о «политологах», «экономистах» и «историках»

Разумеется, это не означает, что «экономисты» и «историки» не выступают в роли комментаторов новостей. Обнаруженный разрыв отчасти обусловлен структурой медиаконтента: возможно,

политические новости кажутся журналистам более актуальными, нежели новости, касающиеся экономики и тем более истории. Есть и характерные различия между СМИ, которые мы условно рассматриваем как «массовые» и «качественные»: в первой группе существенно меньше публикаций, упоминающих о рассматриваемых нами профессиональных группах, но если для «политологов» речь идет о разрыве в 2,4 раза, то для «экономистов» – в 1,4, а для «историков» – в 1,2 раза (см. рис. 1). Другими словами, количественное превосходство «политологов» особенно заметно в изданиях второй группы; имея меньший охват аудитории, они адресованы более «образованной» публике.

Вместе с тем количество экономических комментариев в действительности может быть больше: наша методика предполагала поиск публикаций, которые содержат термин «экономист», однако при использовании в качестве ключевых слов фамилий наиболее активных комментаторов-экономистов в базе данных обнаруживаются дополнительные тексты. В пользу предположения свидетельствует и то, что «экономистов» рекомендуют по их институциональному статусу почти в два раза чаще, нежели «политологов» (см. табл. 1). Ниже мы еще вернемся к этому различию.

Целью исследования было проанализировать не только количественный, но и качественный состав групп, репрезентирующих свои профессиональные сообщества в печатных СМИ. В частности, нас интересовал вопрос о том, в какой мере «медиаполитологи» включены в «академические» профессиональные сети. Для ответа на него мы проверили статус лиц, упоминаемых СМИ в качестве «политологов», «экономистов» и «историков», в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). Оказалось, что во всех трех категориях большинство не имеет научных трудов в журналах и сборниках, индексируемых РИНЦ¹. Другими словами, медиаперсоны образуют особые группы, которые лишь частично пересекаются с научными сообществами.

Однако объем этих пересечений разнится (см. рис. 2). Больше всего «ученых» среди «медиаэкономистов» и «медиаисториков». Меньше всего – среди «политологов»: лишь у 23% лиц в дан-

¹ Отчасти это может объясняться и несовершенством базы РИНЦ, к которой есть немало нареканий – в частности, у обществоведов.

ном списке имеются публикации в РИНЦ, при этом индекс Хирша не ниже 4 имеют 13% «медиаполитологов», не ниже 10 – всего 3%¹. Указанные различия еще более заметны, если для анализа берутся группы из 30 специалистов, наиболее активно сотрудничающих со СМИ.

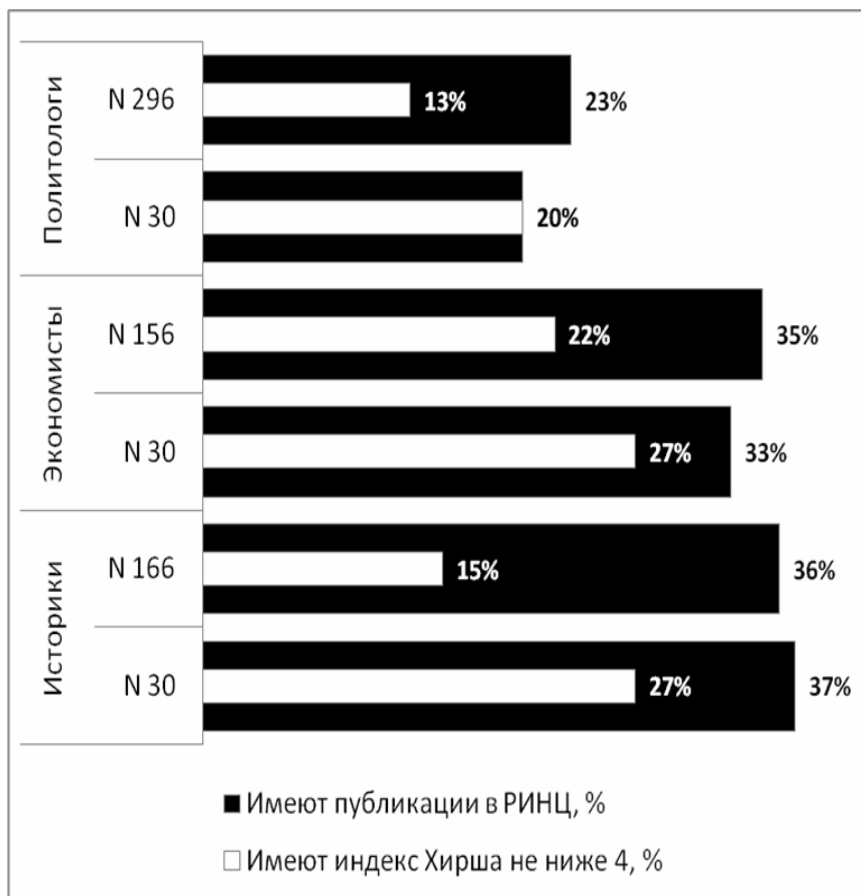

Рис. 2.
Статус медийных «политологов»,
«экономистов» и «историков» в РИНЦ

¹ Лишь два «политолога», имеющих индекс Хирша выше 10, активно сотрудничают со СМИ и входят в топ-30 по количеству медийных публикаций.

Таким образом, пересечений между группами медийных комментаторов и участников академического дискурса у «политологов» меньше, нежели у «экономистов» и «историков». На наш взгляд, это различие можно объяснить, во-первых, сравнительно недавней институционализацией отечественной политической науки: поскольку старшее и среднее поколения российских политологов не имеют систематического профильного образования, включение в академическую коммуникацию требует от них определенной самоподготовки, для которой нужны стимулы. Во-вторых, разделение труда между публичными комментаторами и исследователями отчасти поддерживается сложившимися журналистскими практиками: как было показано выше, «медиаполитологи» составляют достаточно значительную группу, участие которой в создании контента приобрело институциональный характер. Комментарии «политологов» дозированно компенсируют недостаток политического плюрализма. Судя по частоте публикаций отдельных медиаперсон, журналисты обращаются к ним за комментариями по широкому спектру вопросов, что отчасти обусловлено соображениями практического удобства. Так или иначе, связи «политологов» с научно-академическим сообществом гораздо слабее по сравнению с «экономистами» и «историками», а профессиональная специализация наиболее активной части данной группы более явно связана с коммуникативной функцией.

При этом во всех трех случаях большинство медийных комментаторов не относятся к научно-академическим ядрам своих сообществ. Какие же группы они представляют? Некоторую информацию об этом дает анализ институциональной принадлежности лиц, именуемых в СМИ «политологами», «экономистами» и «историками». При кодировании типов организаций мы в первую очередь ориентировались на информацию самих газетных публикаций, дополняя ее поиском в Google (институциональная принадлежность фиксировалась, если ее можно было определить по первым десяти выдачам). Как видно из табл., рассматриваемые нами группы заметно различаются с точки зрения структуры институциональной принадлежности.

**Институциональная принадлежность медийных
«политологов», «экономистов» и «историков»**

Типы организаций	«Политологи»		«Экономисты»		«Историки»	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Университеты и институты РАН	37	13	41	26	23	14
Экспертно-аналитические структуры	52	18	19	12	7	4
Государственная служба	1	0	13	8	2	1
Выборные должности	2	0	1	1	2	1
Бизнес	0	0	34	22	0	0
Журналистика	9	3	1	1	8	5
Музеи и архивы	0	0	0	0	8	5
Без уточнения институциональной принадлежности	195	66	47	30	116	70
Всего	296	100	156	100	166	100

Наиболее сбалансирована институциональная принадлежность у «экономистов»: в этой группе значительную долю (26%) составляют специалисты из университетов (лидируют НИУ ВШЭ и РАНХиГС) и институтов РАН, в ней значимо представлены и высокопоставленные чиновники, и аналитики бизнес-структур, и сотрудники экспертно-аналитических организаций. Можно сказать, что состав «медиаэкономистов» достойно отражает как «науку», так и «практику».

Иначе обстоит дело с «историками»: здесь университетско-академическая составляющая несколько меньше (14%), представлены работники музеев и архивов, а также журналисты¹; вместе с тем в этой группе особенно велика доля «просто историков», институциональную принадлежность которых не удалось установить (таких 70%). Они по большей части выступали с единичными комментариями (в топ-30 «историков» их доля меньше – 37%). На наш взгляд, такая особенность институциональной аффилиации «историков» объясняется, во-первых, спецификой медийного интереса (коммен-

¹ Присутствие тележурналистов в верхних строчках рейтинга «медиаисториков» можно рассматривать как результат медиатизации «публичной истории».

тарии специалистов требуются по специфическим и неповторяющимся поводам), во-вторых, относительной массовостью профессионалов, имеющих профильную подготовку. Впрочем, среди «медиаисториков» есть и персоны, не имеющие таковой.

В структуре институциональной принадлежности «политологов» тоже немало «вольных художников» (66%), доля сотрудников университетов и академических институтов – самая маленькая (13%), зато заметно более значимую роль играют экспертно-аналитические структуры (18% против 12% у «экономистов» и 4% у «историков»; в списке «топ-30» удельный вес этой категории еще выше – 43%).

Заключение

Проанализированные нами данные позволяют ответить на вопрос, вынесенный в заглавие статьи. Если рассматривать СМИ как значимую арену для демонстрации внешним агентам идентичности нового профессионального сообщества, то следует признать, что общественное «лицо» совокупности профессий, обозначаемых термином «политолог», формируют политические комментаторы и аналитики (по-английски их называют *political analysts*). Можно сказать, что именно они выигрывают в символической борьбе за номинацию на внешних аренах – хотя «настоящим» политологам (т.е. тем, кто считает себя *political scientists*) это не кажется легитимным¹. Политические аналитики представлены сравнительно многочисленной группой, ядро которой благодаря частому появлению в СМИ является узнаваемым (эта особенность медийной репрезентации хорошо видна на рис. 1: если упоминания об «экономистах» и «историках» чаще носят обобщенный, нежели персональный характер, то в случае с «политологами» все наоборот). Данная группа систематически участвует в создании медийного контента; при этом именно коммуникативная функция высту-

¹ То, что в русском языке для этих видов деятельности используется общий термин, безусловно, создает дополнительные трудности. Однако более серьезной проблемой оказываются дискурсивные различия, которые обусловлены различиями в базовой профессиональной подготовке старших поколений российских политологов и усугубляются специализацией политических профессий.

пает важным элементом ее профессиональной идентификации: «политологи» – это те, кто «говорит о политике». Однако отношение пишущих журналистов к «политологу» как медиаперсонажу весьма скептическое: их суждения воспринимаются как спекуляции, за которыми не стоит серьезного знания¹. Чего стоит расхожий штамп «эксперты и политологи»!

В этой группе много лиц, чью институциональную принадлежность трудно определить (их меньше, чем у «историков», но гораздо больше, чем у «экономистов»); по-видимому, в данном случае это объясняется не столько массовостью профессии, полученной благодаря образованию, сколько тем, что доступ в нее не связан с жестким образовательным барьером. Это ведет к курьезам: например, «известными политологами» считаются такие далекие от политологии медиаперсоны, как Павел Глоба и Анатолий Вассерман. В отличие от «экономистов» среди «политологов» мало «практиков», зато заметную роль играют представители многочисленных экспертных организаций (последние не всегда известны своей аналитической продукцией, зато служат хорошим фоном для своих лидеров). По сравнению с двумя другими группами «медиаполитологи» меньше представлены в академических изданиях и слабее связаны с университетами и институтами РАН. Следствием этого является то, что собственно академическая версия политологического дискурса плохо представлена в СМИ (хотя в ряде газет, ориентированных на «образованных читателей», время от времени появляются весьма качественные публикации научно-популярного характера, но не они делают погоду). На наш взгляд, речь должна идти не о разных сегментах одного профессионального сообщества, а о разных сообществах, дискурсы и практики которых имеют не так много точек пересечения. Поэтому относительный успех «медиаполитологов» мало помогает узнаваемости других профессий, называемых тем же словом. За почти 25 лет своего «официального» существования политическая наука не слишком продвинулась в данном отношении.

Хотя в России проблема общественного «лица» политологии имеет некоторую специфику, связанную с особенностями совре-

¹ Как написала журналистка одной из московских газет, «если с мнениями политологов и экспертов можно не согласиться, то с данными опросов спорить трудно» [Лукьянова, 2014].

менного этапа институционализации науки, в других странах она стоит не менее остро. Это продемонстрировали участники панели «Политическая наука в публичном пространстве: сравнение опыта и контекстов», организованной автором этой статьи в 2014 г. в рамках XXXIII Всемирного конгресса МАПН в Монреале (обсуждался опыт Италии, Бразилии, США, Европейского союза, Мадагаскара и России). Не случайно, подводя итоги книжной серии, посвященной развитию политических исследований в мире, Дж. Трент констатировал, что современной политической науке пока не удастся стать «заметной», заслужить признание, доказать свою способность соответствовать запросам значимых аудиторий (*relevance*) и обрести идентичность [Trent, 2012, p. 163]. Очевидно, что эти составляющие успеха взаимосвязаны – «заметность» и «признание» существенно зависят от «идентичности» и «релевантности», и наоборот. Другими словами, проблема носит комплексный характер, при этом ее решение зависит от профессионализма не только политологов, но и политиков, журналистов, гражданских активистов и др. В частности, секрет успеха российских медиаполитологов – отчасти «на совести» журналистов. Вместе с тем он, несомненно, свидетельствует о том, что академическая часть политологов в отличие от профессиональных комментаторов и аналитиков плохо приспособлена к игре на медийных аренах. И даже если, окончательно проиграв символическую борьбу за номинацию, мы задумаемся о ребрендинге (с учетом описанного соотношения между академическим и экспертно-медийным сообществами это, возможно, не лишено смысла), игра стоит свеч только в том случае, если мы будем готовы осваивать правила игры на внешних аренах.

Список литературы

- Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Дукьянова Э. Слово редактора // Вечерняя Москва. Утренний деловой выпуск. – М., 2014. – № 114 (26788), 26 июня. – С. 2.
- Малинова О.Ю. Об опыте взаимодействия профессионального сообщества политологов с властью и гражданскими организациями // Публичная политика – 2006: Сб. ст. / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2006. – С. 42–54.

- Общественные функции политической науки в постсоветской России. Материалы научно-практического семинара, Москва, 19 апреля 2005 г. / Под ред. О.Ю. Малиновой. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2005. – 82 с.
- Плэйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. – М.: РОССПЭН, 2009. – 448 с.
- Политическая наука в России: проблемы, направления, школы, (1990–2007). – М.: РАПН, РОССПЭН, 2008. – 463 с.
- Политология в российских регионах. 1991–2000: Сб. материалов. – М.: РОССПЭН, 2001. – 238 с.
- Результаты исследований аудитории СМИ. Сентябрь 2014 – февраль 2015 г. // Сайт компании TNS. – Режим доступа: <http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/press/information/> (Дата посещения 23.05.15.)
- Савинов Л.В. Российская политология и ее наукометрические показатели // Полис. – М., 2012. – № 3. – С. 151–162.
- Ilyin M., Malinova O., Patrushev S. Political science in Russia: Development of a profession // Political science in Central-East Europe: Diversity and convergence. – Opladen etc.: Barbara Budrich Publishers, 2010. – P. 231–250.
- Trent J.E. Issues and trends in political science at the beginning of the 21st century: Perspectives from the world of political science book series // The world of political science: A critical overview of the development of political studies around the globe: 1990–2012 / ed. by J. Trent, M. Stein. – Opladen etc.: Barbara Budrich Publishers, 2012. – P. 91–153.

Приложение

Выборка изданий для контент-анализа

Издание	Охват аудитории, тыс. человек	Охват аудитории, % от опрошенных
Метро (Москва)*	1105	10,7
Аргументы и факты (Москва)	5579	9,2
Вечерняя Москва*	1041	10,1
Известия	300	0,5
Коммерсантъ	224	0,4
Комсомольская правда	4469	7,4
Московский комсомолец	764	1,3
Независимая газета	–	–
Новая газета	–	–
Российская газета	839	1,4

Источник: TNS Gallup, NRS, Россия, май 2014 – февраль 2015.

* Данные по Москве

ОБСУЖДЕНИЯ

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В ИНСТИТУТАХ РАН: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ»¹

Заседание «круглого стола» состоялось в рамках специального формата Конференции РАПН «Российская политическая наука: истоки, традиции, перспективы» 22 ноября 2014 г. в РАНХиГС. В нем приняли участие: В.С. Авдонин (ИНИОН) – модератор, С.В. Патрушев (Институт социологии), В.В. Смирнов (Институт государства и права), И.С. Семененко (ИМЭМО), Е.Ю. Мелешкина (ИНИОН), С.Г. Айвазова (Институт социологии), О.Ф. Русакова (Институт философии и права УрО РАН), Е. Пинюгина (ИНИОН), А.Б. Бардин (ИМЭМО), Н.А. Шведова (Институт США и Канады), а также другие участники и гости конференции².

Авдонин В.С.: Дорогие друзья! Начинаем наш «круглый стол» «Политическая наука в институтах РАН: история, современное состояние, перспективы». Хорошо известно, что ученые институтов Академии наук сыграли решающую роль в становлении политической науки в нашей стране. Этому посвящен целый ряд исследований и публикаций, в том числе и присутствующего здесь Сергея Викторовича Патрушева. Однако в последнее время положение политической науки в институтах РАН вызывает определенное

¹ Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00808 «Политическая наука в институтах РАН».

² Информационное сообщение о заседании было опубликовано на сайте РАПН: <http://rapn.ru/in.php?part=3&gr=1651&d=4918>

беспокойство. Оно связано как с начавшейся реформой РАН, так и с некоторыми другими моментами государственной политики в области науки. В этом контексте нами осуществляется проект «Политическая наука в институтах РАН», поддержанный РГНФ. По проекту было подготовлено несколько мероприятий, докладов, публикаций, был проведен сбор первичной информации. Сегодня в рамках заявленной темы мы хотели бы обменяться мнениями, получить дополнительную информацию об исследованиях и положении дел в институтах РАН, выслушать ваши мнения, оценки, предложения¹.

Патрушев С.В.: Я хотел бы рассказать о состоянии политической науки в Институте социологии. В 2005 г. в результате реорганизации в структуре Института социологии возник Центр политологии и политической социологии. В системе РИНЦ по тематике «Политика. Политическая наука» зарегистрировано 57 сотрудников института, включая 37 сотрудников центра, обеспечивающих около 18% публикаций и почти 24% цитирований публикаций института, причем в среднем на каждого сотрудника центра приходится 36 публикаций и 249 цитирований. 20 исследователей работают вне структуры центра, в других подразделениях. Их работа также отмечена высокой научной активностью: среднее число публикаций на человека превышает 35, а цитирований – 254 единицы. Опыт получения релевантной информации через информационную систему РИНЦ можно признать удачным, и необходимо активно использовать этот вид сбора эмпирической информации.

Институт социологии РАН в соответствии с уставом (принят 6.02.2008) призван разрабатывать ряд научных проблем, в числе которых есть политологические: методология и методы социологических и политологических исследований; трансформация социальных институтов и формирование гражданского общества; политическая и социокультурная модернизация российского общества; сравнительные исследования социальных и политических систем; социология политических отношений и электоральных процессов; формирование новых идентичностей и процессы интеграции и дифференциации российского общества. Государственное задание

¹ Вводное выступление В.С. Авдониной дано в сокращенном виде, так как часть представленной в нем информации содержится в его статье «Политическая наука в институтах РАН: институциональное измерение и наукометрические показатели», опубликованной в этом номере журнала.

Институту на 2014–2016 гг. включает следующие темы: «Гражданское участие как фактор демократизации российского общества», «Социальное согласие как основа устойчивого демократического развития посттоталитарного общества: методология анализа», «Общественно-политическое согласие по вопросам демократического развития и социальной политики», «Противоречия общественного сознания и трансформация российской политической системы», «Институциональный анализ политической трансформации России, методологические проблемы», «Политические факторы трансформации цивилизационных идентичностей в современном мире». Очевидно, что в институте разрабатываются как сугубо политологические, так и «смешанные» темы, когда политическая проблематика вписывается в социальный и цивилизационный контекст. Следует отметить, что сохранению и развитию традиций политических исследований, заложенных в Институте международного рабочего движения АН СССР и Институте сравнительной политологии РАН, способствует продолжающаяся активная работа в Центре патриархов отечественной политологии А.А. Галкина и Ю.А. Красина.

Бардин А.Б.: Как участник проекта, я хотел бы представить некоторые данные по Институту мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН). В системе РИНЦ по тематике «Политика. Политическая наука» за 2010–2014 гг. зарегистрировано 963 публикации сотрудников различных отделов ИМЭМО. Политологи широко представлены в подразделениях института, однако международная направленность большинства исследований и их преимущественно междисциплинарный характер – синтез экономического и политического анализа – обуславливают соответствующий специфический характер применения ими методов политической науки. В наиболее фундированном виде она представлена в работе Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований (ЦЭСПИ), разрабатывающего тематику социально-политических изменений. Одно из важнейших направлений работы ЦЭСПИ – исследования идентичности, продолжающие традиции социальной психологии, заложенные Г.Г. Дилигенским. Об этом подробнее расскажет Ирина Станиславовна Семененко. Политологические исследования являются неотъемлемой частью подготовки институтом прогностических ма-

териалов, в рамках которых, с одной стороны, анализируется динамика развития ключевых субъектов, структур и институтов международных отношений, наиболее вероятные модели их взаимодействия, формирующиеся принципы и механизмы глобального управления. С другой стороны, проводится анализ важнейших тенденций в развитии глобальной и региональной безопасности, направлений борьбы с международным терроризмом, контроля над вооружениями и разоружения. В подготовке данных материалов ключевую роль играют Отдел международно-политических проблем и Центр международной безопасности. Следует отметить наличие налаженной кооперации между различными подразделениями института, благодаря которой происходит активный обмен опытом между экономистами и политологами, проводятся совместные семинары, «круглые столы», конференции.

ИМЭМО активно интегрирован в международную политическую науку и на долгосрочной основе сотрудничает с ведущими аналитическими центрами мира (Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (SIPRI), Международный институт стратегических исследований, Стратегический совет Французского института международных отношений (IFRI) и т.д.). В 2012–2014 гг. в различных мероприятиях ИМЭМО приняли участие более 600 зарубежных ученых и экспертов.

Семененко И.С.: Продолжая разговор об ИМЭМО, следует отметить, что разделение на институты международного и немеждународного профиля в социальных исследованиях сложилось в Академии наук исторически. У нас в ИМЭМО еще в советский период консолидировалась научная школа под руководством Германа Германовича Дилигенского, его работы заложили основы нынешних направлений сравнительных политических исследований. В центре внимания были политические институты и процессы, политическое сознание и поведение.

Хочу подробнее сказать о втором из этих направлений – изучении политического поведения и сознания. Тогда это называлось «массовое сознание». В 1969 г. Г.Г. Дилигенский опубликовал пионерное исследование о рабочем на капиталистическом предприятии. В этой и других работах он поставил вопрос о причинах выбора индивидом тех или иных политических ориентаций, о механизмах политической мотивации. В центре его внимания были

проблемы взаимовлияния ценностей и потребностей. Позднее, в 1990-е годы, была подготовлена этапная для российских политических исследований книга «Социально-политическая психология», в ней упор был сделан на понятии «социально-политическое», на взаимосвязи социальной и политической психологии в объяснении политических процессов. Эти и другие работы Дилигенского и сотрудников Отдела социально-политических проблем развитых капиталистических стран Запада ИМЭМО – К.Г. Холодковского, С.П. Перегудова, В.В. Песчанского, Ф.Э. Бурджалова и др. – заложили основы той научной школы, которая стремилась не только системно описать, но и объяснить происходившие в западных странах социально-политические сдвиги. Хотя тогда не говорили о политической науке как таковой, но это были именно политические исследования. В начале 1990-х годов приоритетным направлением анализа стали проблемы политического развития России.

ИМЭМО РАН был и остается одним из ведущих центров политической науки в нашей стране. Сейчас изучение роли человека в политике в контексте социально-политических изменений – ключевое направление наших исследований. В последние годы мы наметили пути изучения политической динамики стран Запада и России через концептуализацию идентичности. Видим свою задачу в том, чтобы интегрировать в политический анализ человеческое измерение, объединить макрополитический и микрополитический анализ, разработать комплексную модель изучения социетальных изменений. Важным считаем разработку методологии анализа социально-политической динамики современного мира, только что наш коллектив опубликовал капитальную работу по этой тематике.

В контекст этого анализа мы интегрируем и рассмотрение России. Если в 70–80-е годы в ИМЭМО акцент был сделан на изучении западных стран, а в 90-е основное внимание уделялось России, то сегодня речь идет о сравнительном анализе тенденций развития стран Запада и России. Но не в том смысле, что у России особый путь. Все страны имеют особенности, в этом смысле все – особые. Так ставил вопрос и Г.Г. Дилигенский, разрабатывая российскую тематику и проблему субъекта российской модернизации, эти вопросы получили развитие в новых книгах С.П. Перегудова и К.Г. Холодковского, посвященных России. Политические изменения на постсоветском пространстве, и в первую очередь изучение

украинского кризиса, – тоже в центре нашего внимания сегодня. Незападные страны – еще один важнейший приоритет, ими в нашем институте занимается Центр проблем модернизации.

Одна из проблем сравнительных политических исследований сегодня – недостаточное внимание нашим соседям: странам Восточной Европы и ближнему зарубежью. Недавно мы подготовили большую монографию «Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития» (два тома, 80 авторских листов). В ней мы интегрировали и это измерение – Центральную и Восточную Европу, сотрудничали с Институтом социологии РАН и Институтом экономики РАН. И сами стараемся уделять больше внимания этому направлению. Ученые из стран Восточной Европы, из Польши, Венгрии проявляют к сотрудничеству с нами большой интерес, приезжают в ИМЭМО. Несмотря на политические трения, они хотят вести научный диалог. И здесь есть и другие интересные точки соприкосновения. Например, проблема «интеллектуального империализма» Запада: так польские коллеги сами поставили вопрос на одной из недавних конференций. Так что они предлагают помогать друг другу, сотрудничать, расширяя присутствие в зарубежных изданиях, тем более, что и у нас такая потребность есть.

В основном от российских ученых здесь ждут исследований именно по России. Это, конечно, закономерно, но вряд ли стоит этим ограничиваться. Иначе мы будем ходить в «вечных учениках» у западной, в первую очередь американской, политической науки, а она, как известно, весьма «специфична», ориентирована на себя. Уверена, что нам есть что сказать и в разработке методологии, и в области близких мне исследований идентичности, и по тематике межнациональных отношений, и на многих других направлениях.

Важнейшим условием качественного продвижения является развитие междисциплинарных исследований, объединение исследовательского потенциала на разных направлениях. Возвращаясь к вопросу об интеграции политической науки в институтах РАН, хочу подчеркнуть, что такая интеграция идет. В упомянутой мной монографии о глобальном мире участвуют авторы из Института социологии, Института Европы, Института Латинской Америки и Института Дальнего Востока, Института экономики, Института этнологии и антропологии, представлена московская вузовская

наука. Это – «горизонтальная интеграция». Мы активно сотрудничаем с известными научными школами политических исследований в Петербурге, Краснодаре, Перми, Екатеринбурге, Барнауле. Есть, конечно, и проблемы. Например, непросто взаимодействовать с учеными из Института российской истории, у них свои подходы; хотелось бы наладить более тесное сотрудничество с психологами и культурологами в изучении социокультурных изменений и перспектив политического развития.

Вопрос. Не могли бы Вы высказать мнение о возможных сценариях дальнейшего развития политической науки в институтах РАН?

Семененко И.С.: Очевидно, что во многом это будет зависеть от планов дальнейшей реформы РАН, от планов ФАНО (Федеральное агентство научных организаций. – *Ред.*). Может быть, политические исследования будут консолидироваться в рамках общего направления. Речь может идти не об институциональной консолидации, а об объединении интеллектуальных сил в изучении ключевых проблем политического развития. Как известно, в зарубежной политической науке исследования *politics* обычно идут в одном структурном контексте с *international political studies* и в этом смысле образуют единое научное пространство, хотя различия в подходах и методологии, конечно, есть. ИМЭМО обладает в этом отношении большим потенциалом междисциплинарных исследований: в нашем институте изучение исследования международных отношений и внутривнутриполитических процессов составляют два основных, наряду с третьим – мировой экономикой – научных направления.

Вопрос. Вы говорили о роли Г.Г. Дилигенского в начале ваших исследований. Могли бы Вы в общем охарактеризовать ту идейную среду, в которой тогда начинались политические исследования в Академии? Это был недогматический марксизм? Гуманизм?

Семененко И.С.: Я не думаю, что можно говорить о жестких идеологических предпочтениях, оценивая становление школы Дилигенского и саму идейную среду того времени. Конечно, был большой интерес к демократическому социализму, к проблемам еврокоммунизма, эти проблемы активно обсуждались на заседаниях коллектива отдела. Были и рубежные публикации, в той или иной степени затрагивавшие эти вопросы, несмотря на всем известные

цензурные барьеры (так что публикации по проблемам еврокоммунизма, например, выходили с грифом «Для служебного пользования»). Многие помнят, думаю, шестой том многотомного издания «Международное рабочее движение». Это был самый «проблемный», посвященный современности том, он был подготовлен сотрудниками Института международного рабочего движения и ИМЭМО.

Но магистральным направлением были политические и социополитические исследования, в центре были массовое сознание и человек как его носитель. В Академии наук СССР в 80-е годы был создан особый Институт человека, он был близок к Институту философии, директором был И.Т. Фролов. Но институт был упразднен, там самостоятельное направление не сложилось.

Патрушев: Может быть, все проще: Фролов был советником Горбачёва, и после ухода Горбачёва все распалось?

Айвазова С.Г.: Я хотела бы сказать следующее. Я работала в Институте международного рабочего движения, когда туда из ИМЭМО перешел отдел Т.Т. Тимофеева, там работал и Дилигенский. По поводу его взглядов. Я бы не стала их определять в терминах идеологии. Он был выше этого. Он занимался наукой как таковой, разрабатывал основы социально-политической психологии. В этом плане его фигура еще не оценена должным образом. Герман Германович, например, не включался в споры по неомарксизму, в грамшианские конференции, которые у нас были. Он старался разработать науку. Может быть, он в этом плане был ближе к школе «Анналов», он тяготел к этим подходам. Может быть, это был новый гуманизм с его вниманием к человеку. Помните его книгу «Рабочий на капиталистическом предприятии»? В дальнейшем эту линию продолжал А. Салмин, который пытался соединять идеи Дилигенского и Галкина. Они не стремились определять политическую науку через идеологию. Пожалуй, вот эти три фигуры – Галкин, Дилигенский, Салмин, – определили во многом линию развития нашей политической науки.

Авдонин В.С.: Тогда, может быть, их взгляды можно определить в духе мертоновской традиции социологии науки как линию деидеологизации науки, в частности, политической науки, в условиях идеологического давления официального марксизма?

Патрушев С.В.: Если обсуждать вопрос в таких терминах, то это может привести к тому, что нынешнюю российскую политическую науку будут считать как бы «перелицованным» марксизмом, что иногда и делают. Я думаю, что надо говорить о них как об ученых – экономистах, социологах, политологах без всякой идеологической подкладки. Хотя они все, конечно, были демократы...

Айвазова С.Г.: Но, по-моему, вопрос так и ставится. И это вопрос важный. Поскольку все общественное знание было тогда идеологизировано, они старались уйти от идеологизации, выйти из нее.

Семененко И.С.: Вероятно, они шли путем западных ученых, формируя автономный научный дискурс, но им было труднее это делать в условиях идеологического давления.

Пинюгина Е.: Я хотела бы сообщить о предварительных результатах сбора информации в трех институтах РАН – в Институте США и Канады, в Институте социально-политических исследований, в Институте востоковедения. По ИСК РАН получен массив данных за несколько последних лет. Его первичный анализ показал, что институт ведет активную публикационную, образовательную, экспертную деятельность, имеет обширные международные связи, участвует в международных конференциях и проектах. В кадровом составе политологи представлены очень активно, составляя большинство сотрудников. В то же время политическая наука теснейшим образом связана с дисциплинами «международные отношения» и «страноведение». Это затрудняет идентификацию проводимых там исследований как политологических. Видимо, требуется разработка специальных критериев для ее идентификации в рамках этих институтов. В какой-то мере сходная ситуация наблюдается и по итогам анализа информации по ИСПИ РАН. Там политическая наука также с большим трудом может быть выделена в массиве исследований и публикаций, близких к социологии, экономике, управленческим наукам, истории и т.д.

Что касается Института востоковедения, то там наблюдается похожая включенность политологических тем в страновые исследования и трудность идентификации политической науки. В то же время первичный анализ публикационной активности позволяет увидеть в исследованиях института наработанный потенциал для развития собственных, российских подходов к изучению политической культуры незападных стран. Он опирается на фундамен-

тальные разработки сотрудников института по разным аспектам политических трансформаций в странах Востока. Конкурентоспособными на мировом уровне направлениями работы института являются изучение политического ислама, процессов модернизации стран Азии, динамики политических систем незападных стран.

Исследовательские области и интересы упомянутых институтов подразумевают скорее инструментальную, чем методологическую связь с политической наукой, и она выступает лишь одной из граней, дополняющей изучаемую в них многоуровневую страновую и международную проблематику. Тем не менее качество и количество исследований этой проблематики позволяют перейти к использованию их данных в сравнительной политологии, развитие которой в страноведческих институтах РАН представляется естественным и желательным.

Шведова Н.А.: К высказанному здесь по поводу Института США и Канады я хотела бы добавить следующее. Наш институт был создан в 1967 г. академиком Г.А. Арбатовым, крупным ученым и, я бы сказала, «просвещенным государственнымником». Он задумывался как советский вариант западных фабрик мысли. Конечно, сегодня институт стал значительно меньше по числу сотрудников. У нас даже недавно забрали второе здание, и мы вернулись в старое. Тем не менее институт активно работает. В институте разработана методология решения вопросов международной безопасности и глобальных проблем развития, внесен весомый вклад в развитие теории современных международных отношений, в решение проблем безопасности по вопросам ядерного сдерживания, в анализ военно-политических доктрин США, в выработку стратегии внешней и военной политики России и др. Хочу отметить метод гендерного анализа, который используется в работе института, а также методы комплексного анализа политики государства в различных сферах: здравоохранительной, пенсионной, образовательной, природоохранной и др.

Смирнов В.В.: Дорогие коллеги! Я представляю здесь Институт государства и права. Хотел бы сделать полноценный доклад о работе нашего института, но вследствие недостатка времени ограничусь отдельными тезисам. Итак, Россия принадлежит к странам (таким, как Германия, Франция и др.), где формирование политической науки было глубоко укоренено в юриспруденции и

юридической науке. Об этом говорится во многих публикациях нашего института. Такие выдающиеся дореволюционные мыслители, как Чичерин, Новгородцев, Кистяковский и др., творили и как политические философы, и как государствоведы, и как теоретики политики. В советский период в отделе науки ЦК КПСС, а затем и в Институте государства и права размышляли над тем, как конституировать политическую науку, была высказана мысль о том, чтобы исходить из дореволюционной традиции. Поэтому первоначально в Советскую ассоциацию политической науки были привлечены юристы, и она стала также ассоциацией и «государствоведческих» наук. Штаб-квартира ассоциации располагалась в Институте государства и права, в ней было много авторитетных юристов из нашего института. И здесь я хотел бы подчеркнуть, что огромную роль во всей этой работе сыграл Г.Х. Шахназаров. Он возглавил сектор политологических исследований в Институте государства и права в 1979 г., сразу после политологического конгресса в Москве. Шахназаров и Бурлацкий вели очень искусную политику по развитию советской политической науки через привлечение юристов, так как к юристам относились более лояльно, не подвергали их гонениям, как, например, социологов. Шахназаров также способствовал перемещению из нашего института сектора государства и права, который возглавлял Н.Н. Разумович, в ИНИОН, чтобы он там занимался реферированием и изданием «для служебного пользования» литературы по «буржуазной» политической науке. Эта литература распространялась по академическим институтам и партийным инстанциям. И в нашем институте юристы Кудрявцев, Тихомиров и др. смогли уже в советское время отойти от понятия государства как диктатуры и разработать понятия правового государства, понятия прав человека и ряд других концепций. В институте появились темы (право и политика, правовая политика) выходящие за пределы чисто нормативистских трактовок права.

Сейчас в институте разрабатывается юридическая политология, в рамках этого направления продолжает развиваться идея открытого правового государства, исследуются правовая и политико-правовая культуры, а также политико-правовые институты. В то же время можно отметить, что при поощрении ФАНО усиливается тенденция к чисто нормативистским исследованиям права. Хотя в институте в целом есть понимание необходимости междисципли-

нарных подходов, прежде всего, в духе интеграции правовых и политологических исследований.

Вопрос: Почему в институте перестал работать диссертационный совет по присуждению ученых степеней по политической науке?

Смирнов В.В.: Внешне по чисто формальным причинам. Из него было выведено определенное число докторов политических наук. Но здесь была и определенная линия, связанная с теми тенденциями в работе института, о которых я только что сказал.

Вопрос: Что бы Вы могли сказать о сотрудничестве с неакадемическими центрами в области права и политической науки?

Смирнов В.В.: Мы сотрудничаем, в частности, с Институтом законодательства при правительстве и др. Они в основном работают по заказам правительственных структур. К сожалению, в их работе преобладают интересы зарабатывания денег. К науке они имеют все меньше отношения.

Русакова О.Ф.: Дорогие коллеги! Разрешите передать привет из Екатеринбурга и рассказать о работе Института философии и права УрО РАН. Наш институт – крупнейший за пределами Москвы центр политической науки в РАН. История работы института в этой области отражена во многих публикациях. Чуть подробнее хотелось бы сказать об Уральской школе политической дискурсологии. Она сложилась в 2001 г. на базе нашего института вокруг научно-практического альманаха «Дискурс-Пи» (с 2001 по 2014 г. вышло в свет 17 выпусков). В 2007 г. по инициативе постоянных членов научной школы политической дискурсологии была учреждена Международная академия дискурс-исследований. К настоящему времени ее членами издано 19 монографий и коллективных работ. Основные исследовательские направления школы: дискурс современной политической философии, специфика политического медиадискурса, дискурс этнонационализма, дискурс Модерна, дискурс идентичности и политики памяти, дискурс soft power и гуманитарной дипломатии, дискурс травелога, PR-дискурс, дискурс символической политики, дискурс мобильности. Результаты исследований научной школы были положены в основу интеграционного проекта «Создание сетевого ресурса “Теория и методология дискурс-анализа в современной науке”», выполняемого совместно с научной библиотекой УрО РАН.

Среди проблем, с которыми сталкивается наш институт в последнее время, хочу отметить прекращение защит диссертаций по политической науке по специальности 23.00.01 (теория, история, методология политической науки). ВАК отказывает в лицензировании этой специальности, что, учитывая уровень исследований и кадровый потенциал института, трудно объяснить¹.

Мелешкина Е.Ю.: Анализ уже полученной информации по институтам РАН позволяет говорить о ряде особенностей развития в них политической науки. Во-первых, на общем фоне межпоколенческого разрыва в академических институтах можно наблюдать большую степень преемственности традиций политических исследований, сложившихся в советский период вокруг таких крупных фигур, как Г.Г. Дилигенский, А.А. Галкин, А.М. Салмин и др. Во-вторых, на развитии политической науки в рамках академических институтов позитивно сказалась фундаментальная ориентированность их деятельности. Наряду с появлением прикладных исследований, общая направленность работ многих ученых сфокусирована на значимой для политической науки тематике в концептуальном отношении, включая вопросы научной саморефлексии. В-третьих, несмотря на сложности с финансированием деятельности РАН, следует отметить работу по созданию, развитию и продвижению научных журналов, некоторые из них демонстрируют высокий профессиональный уровень и являются признанными в политологическом сообществе в качестве задающих стандарты профессиональной деятельности, например «Полис (Политические исследования)» (среди учредителей – Институт социологии РАН), «Политическая наука» (среди учредителей – ИНИОН РАН), «Мировая экономика и международные отношения» (учредитель – ИМЭМО РАН).

В-четвертых, многие политологи-исследователи, работающие в стенах академических институтов, совмещают исследовательскую и преподавательскую деятельность, включая учебные подразделения образовательных учреждений, существующих при РАН. Таким образом, можно утверждать, что в этих учреждениях, пожалуй, формируется и воспроизводится позитивная традиция

¹ Выступление О.Ф. Русаковой дано в сокращенном виде, так как часть представленной в нем информации содержится в статье А.Б. Макарова «Академическая политическая наука на Урале», опубликованной в этом номере журнала.

интеграции науки и образования. Вместе с тем существуют серьезные проблемы в развитии политической науки в академических институтах. Помимо реформы РАН, это:

- слабая координация между коллективами из различных институтов и даже подразделений, что приводит к недостатку информации о деятельности коллег и препятствует возможным научным дискуссиям и сотрудничеству в рамках интересных и перспективных проектов;

- узкая специализация многих институтов и коллективов, связанная с историей создания РАН и ее институтов; в результате собственно политология не является приоритетным направлением научных исследований ни в одном из институтов РАН, что приводит к распылению ресурсов;

- недостаточная включенность ряда коллективов и многих научных сотрудников академических институтов в деятельность профессионального научного сообщества политологов (РАПН, МАПН, Академия политической науки), что также сужает возможности развития политических исследований в академических организациях.

Патрушев С.В.: В недавнем прошлом коллеги из институтов РАН играли ведущую роль в деятельности Российской ассоциации политической науки. Достаточно вспомнить имена таких ее президентов, как А.В. Дмитриев, М.В. Ильин, Ю.С. Пивоваров и др., которые очень много сделали для становления научного сообщества политологов. В РАПН были закреплены традиции академизма, разработаны и приняты близкие к ним издательские форматы, научные стандарты и методологические критерии. Сейчас эти традиции, к сожалению, ослабевают.

Айвазова С.Г.: РАПН должна бороться за сохранение этих традиций.

Авдонин В.С.: Может быть, оговорить обязательную квоту для ученых из институтов Академии в руководящих органах РАПН?

Патрушев С.В.: Я думаю, что на данном этапе это вряд ли возможно, там усиливается «вузовская» направленность. Вообще же, я хочу сказать, что сейчас создание специального Института по политической науке в РАН вряд ли целесообразно. Это время, видимо, уже ушло. Наша политическая наука сейчас очень разнообраз-

разна, многовекторна, субдисциплинарна. Для нее более подходящими форматами были бы, вероятно, координационные советы, площадки взаимодействия и сотрудничества.

Айвазова С.Г.: Но все это не мешает выступить с предложением о квоте для академических ученых в руководстве РАПН.

Авдонин В.С.: Хорошо. Я думаю, коллеги, мы все поддерживаем эту инициативу и попробуем сделать такое предложение в РАПН.

Дорогие друзья! Завершаем нашу работу. Надеюсь, что наш «круглый стол» был для всех нас интересным и полезным. Мы постараемся опубликовать материалы в одном из ближайших номеров журнала «Политическая наука». Желаю всем участникам творческих успехов!

Подготовил В.С. Авдонин

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

И.А. ФОКИН

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Политическая наука как всякий социальный институт имеет и свою структуру, которая представлена не только общепринятым этосом научной деятельности, но и своей организационной составляющей, так называемой «инфраструктурой». Ее состояние является одним из непосредственных индикаторов развитости политической науки.

Отечественный исследователь И. Лейман в своей работе «Наука как социальный институт» (1971) дает определение «социального института» как «объединения людей, выполняющих специфические функции в рамках социальной целостности и связанных общностью функций, а также традиций, норм, ценностей; объединение, обладающее внутренней структурой и иерархией и отличающееся особым устойчивым характером связей и отношений как внутренних, так и внешних» [Лейман, 1971, с. 19–20].

Функционалу и содержательному наполнению принципов научной деятельности знания уделил внимание и социолог Роберт Мертон. Комплекс таких принципов, норм он назвал этосом – совокупностью норм, которые действуют в научном сообществе. Основными же принципами этоса являются универсализм, коллективизм, организованный скептицизм, бескорыстность [цит по: Мирская, 2014].

Смысловое содержание каждого из этих принципов определяется следующим образом. Универсализм означает внеличностный характер научного знания. Знания справедливы везде, где

имеются аналогичные условия. Коллективизм подразумевает обязательство ученого передавать плоды своих трудов в общее пользование. Научные открытия принадлежат сообществу. Дополняется это принципом бескорыстия, который требует от ученого строить свою деятельность так, как будто кроме достижения истины, у него нет никаких других интересов. Организованный скептицизм – это принцип и методологии, и институциональный. Любой результат научной деятельности должен перепроверяться [цит по: Мирская, 2014]. Патологиями науки считаются конкуренция, подозрительность, зависть, скрытый плагиат.

Политическая наука в Украине имеет разветвленную институциональную инфраструктуру, делящуюся на три сегмента: академической науки, развивающейся в рамках институтов Отделения истории, философии и права Национальной академии наук Украины (далее – НАН Украины); вузовской науки, развивающейся в рамках специализированных подразделений высших учебных заведения (кафедр, институтов, центров); негосударственных и некоммерческих аналитических центров. У каждого сегмента есть и функциональная особенность.

Наука в институтах НАН Украины выполняет функцию дифференциации направлений политических исследований, совершенствования их теоретико-методологической базы. Развитие политической науки в рамках сегмента высшего образования в большей степени сориентировано на связь политической науки с преподаванием соответствующих дисциплин и подготовкой различного уровня квалификации специалистов: бакалавров, магистров, специалистов высшей квалификации (аспирантура и докторантура). Сегмент негосударственных и некоммерческих аналитических центров сориентирован в подавляющей массе учреждений на проведение прикладных политических исследований, используемых в повседневной работе различных акторов публичной политики.

1. Политическая наука в системе институтов Национальной академии наук Украины

Национальная академия наук является юридической и институциональной правопреемницей Академии наук Украин-

ской ССР. В свою же очередь, сама Академия была основана 27 ноября 1918 г. в период гетманата Павла Скоропадского.

В 1930 г. Народный комиссариат просвещения УССР принял постановление об основании в Академии наук аспирантуры. Общественно-ведческое знание в структуре Академии наук развивалось в рамках институтов по историческим, философским и юридическим дисциплинам. В общем-то, и по сей день данная особенность сохранилась.

Производство политического знания в НАН Украины происходит главным образом в трех следующих институтах [Наукові установи... 2012]: Институт политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса, Институт государства и права им. В.М. Корецкого, Институт философии им. Г. Сковороды. Кроме того, по различным аспектам международных отношений, политического процесса в Украине и на пространстве Восточной Европы, в мире исследования проводятся в рамках работы Института украиноведения («українознавства») им. И. Крип'якевича, Института всемирной истории. Историей стала работа двух институтов, ликвидированных в 2013 г., – Института востоковедения им. А. Крымского, а также Института мировой экономики и международных отношений [В Академії готуються.... 2013; НАН України... 2013]. Таким образом, можно сказать, что политическая наука в Украине в годы независимости развивалась в рамках семи институтов, два из которых уже не существуют (см. табл. 1)

Таблица 1

Политическая наука в институтах Отделения истории, философии и права НАН Украины¹

№	Название института	Специализация ученого совета	Дата создания	Издания и отделы	Ведущие сотрудники
1	2	3	4	5	6
1	Институт государства и права им. В.М. Корецкого	23.00.02 23.00.03 23.00.05	как сектор – 1949 г., как институт – 1969 г.	«Сравнительно-правовые исследования», «Государство и право»	И. Красина, д-р полит. наук

¹ Подробнее см.: [Фокин, 2015 б].

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
2	Институт политических и этнополитических исследований им. И.Ф. Кураса	23.00.01 23.00.02 23.00.05	1991 г. – создан Институт национальных отношений и политологии; 1997 г. – Институт политических и этнополитических исследований; 2005 г. – приобрел имя И. Кураса	Отделы: теории и истории политической науки; – отдел теоретических и прикладных проблем политологии; – центр исторической политологии этнополитологии Издания: «Научные записки Института политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса НАН Украины», «Политический менеджмент»	Н. Мельниченко, Ф. Рудич, Ю. Шаповал, В. Войналович
3	Институт философии им. Г. Сковороды	Нет	1946 г.	Отдел: социальной философии	А. Ермоленко

2. Высшее профессиональное образование Украины и производство политического знания в нем

Условным временем начала развития политической науки в Украине можно считать 1989 г., когда была официально утверждена номенклатура специальностей научных сотрудников, в том числе и «Политические науки». В 1992 г. политология вошла в перечень нормативных дисциплин высшей школы и была утверждена как дипломная специальность. Были утверждены научные степени кандидата и доктора политических наук. На факультетах философии в классических университетах стали появляться первые кафедры политических наук [Николко, 2002, с. 44].

19 мая 1993 г. письмом Министерства образования «Про преподавание социально-гуманитарных дисциплин» была введена политология [Фортельний, 2012, с. 12].

Таблица 2

**Специализации и распределение специализированных
ученых советов по городам Украины¹**

Код специализации	Количество специализированных ученых советов	Города
23.00.01	5	Львов, Киев, Черновцы, Днепропетровск
23.00.02	11	Киев, Харьков, Львов, Мариуполь, Николаев, Днепропетровск, Черновцы
23.00.03	2	Киев
23.00.04	6	Киев, Днепропетровск, Николаев, Одесса, Черновцы
23.00.05	3	Киев, Мариуполь
21.03.03	2	Киев, Днепропетровск
21.01.01	1	Киев

С 1994 по 2010 г. компетентность кадров высшей квалификации подтверждалась Высшей аттестационной комиссией. Но в 2010 г. ВАК была упразднена, а ее функционал был возложен на аттестационную коллегия Министерства образования, науки, по делам молодежи и спорта Украины. В мае 2014 г. в Украине был принят Закон «Об образовании», законодательно закрепляющий приведение образования в соответствие с требованиями «Болонского процесса» [Закон України... 2014].

На основании данных, представляемых ежегодно Госкомстатом (службой) Украины, прослеживается динамика изменения большого числа разных параметров развития политической науки: подготовка кадров, кадровый состав, квалификационный уровень исследовательского персонала, гендерный и возрастной состав персонала, структура финансирования и расходов по исследовательской работе в сфере политической науки, результативность, международные связи. Автор статьи подготовил несколько сводных таблиц погодичного изменения тех или иных параметров, они выложены в открытом доступе на сетевом ресурсе Academia.edu [Фокин, 2015 с]. С некоторыми общими тенденциями можно ознакомиться из размещенной ниже таблицы (см. табл. 3)

¹ Подробнее см.: [Фокин, 2015 а].

Таблица 3

**Некоторые количественные показатели политической науки
Украины. Сводные данные¹**

	1995 г.	2013 г.
Кол-во подготовленных кандидатов наук, человек	25	125
Кол-во подготовленных докторов наук, человек	2	12
Кол-во исследователей, политическая наука, человек	152	961
Кол-во выехавших за рубеж кандидатов наук, человек	184	27
Кол-во выехавших за рубеж докторов наук, человек	59	1
Кол-во занятых в экономике канд. полит. наук	50	768
Кол-во занятых в экономике д-р полит. наук	6	176
Государственное финансирование, тыс. грн.	244896,1	3859679
Объем привлеченных средств, тыс. грн.	14582,5	841780,3
Объем коммерческих заказов, тыс. грн.	233375,9	2285889,8
Кол-во выпущенных монографий, ед.	–	37
Кол-во статей в журналах, ед.	–	595

Украинский политолог А. Тягло считает, что существует территориальная диспропорция в распределении научных кадров: «Основная масса докторов политических наук работает в Киеве. Это обстоятельство определяет не только относительно более высокий уровень столичной политической науки, а и значительные темпы становления локального научного сообщества, особенно через пополнение его постсоветскими политологами и полноценным специальным образованием» [Тяглов, 2004, с. 8].

Политическая наука слабо представлена научными исследовательскими школами: «...несмотря на значительное число “произведенных” докторов и кандидатов, есть проблема тематического, теоретического и методологического наследования учеников у своих учителей. Часто бывает и так, что доктора наук, профессора проявляют широчайший уровень эрудиции при подготовке своих диссертантов, что также является подтверждением отсутствия в подавляющем числе вузов научных школ» [Кармазіна, 2007, с. 46]

И все-таки можно выделить наличие нескольких региональных школ политической науки (см. табл. 4).

¹ Подробнее см.: [Фокин, 2015 с].

Таблица 4

Региональные школы политической науки¹

	Город	Высшее учебное заведение	Специализированные ученые советы	Издания	Ведущие сотрудники
1	2	3	4	5	6
1	Львов	Львовский национальный университет им. И. Франка	23.00.01; 23.00.02	«Вісник Львівського університету. Серія: Філософсько-політологічні студії»	А. Романюк, А. Стариш, В. Денисенко, А. Свита. Бывший сотрудник, основательница: А. Колодий
2	Мариуполь	Мариупольский государственный университет	23.00.02, 23.00.04, 23.00.05	«Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія. Політологія»	К. Балабанов
3	Одесса	Одесский национальный университет им. И. Мечникова	Спец. совета нет	«Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки»	С. Аппатов. Сегодня, вед. сотр.: Коваль И., Глебов В., Шевчук Н., Коч С., Попков В., Хорошилов О., Милова М., Брусиловская О., Дубовик В., Войтович А.
4	Николаев	Черноморский государственный университет им. П. Могилы	23.00.01, 23.00.02, 23.00.04;	«Наукові праці МДГУ ім. Петра Могили» «Сучасна українська політика»	Шевчук А., Иванов Н., Колесниченко А., Тригуб П., Синкевич Е
5	Киев	Национальная академия государственного управления при Президенте Украины	Спец. совета – нет	«Аналітика і влада»	Тертичка В., Афонин Е., Телешун С., Ребало В., Якубовский А.

¹ Подробнее см.: [Фокин, 2015 а].

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6
6	Черновцы	Черновецкий национальный университет им. Ю. Федьковича	23.00.01 23.00.02 23.00.04	«Політологічні та соціологічні студії», «Історико-політичні проблеми сучасного світу», «Науковий вісник Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича. Серія: Історія. Політологія. Міжнародні відносини»	Будяк В., Круглашов А., Ротарь Н.
7	Харьков	Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина	23.00.01 23.00.02	«Вісник Харківського національного університету. Серія “Питання політології”, “Ойкумена”»	Фисун А., Панченко Т., Пивнева Л., Сазонов Н.

На общем фоне выделяются три вузовских исследовательских центра, объединяющих большое число исследователей и характеризующихся большим разнообразием методолого-теоретических подходов и тематических наборов: КНУ им. Т.Г. Шевченка, Национальный университет «Киево-Могилянская академия», Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова (см. табл. 5)

Таблица 5

Научно-исследовательские центры Украины в сегменте высшего образования¹

Название вуза	Спец. учен. совета	Издания	Подразделения	Ведущие сотрудники
1	2	3	4	5
Киевский национальный университет им. Т.Г. Шевченка	23.00.01 23.00.02 23.00.03 23.00.04 21.03.03	«Актуальні проблеми міжнародних відносин». «Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка. Міжнародні відносини», «-/-». Філософія. Політологія», «Гуманітарні студії»	Институт международных отношений, центр украинизма, кафедра политических наук, кафедра политологии	Грабовская И., Воропаева Т., Довбышенко М., Кобченко Е., Кириллюк Ф., Ткач А., Салтовский А., Малкина Г., Постригань Г., Олещук П., Петренко И.

¹ Подробнее см.: [Фокин, 2015 а].

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5
Национальный университет «Киево-Могилянская академия»	Реформа подготовки аспирантов. Третья стадия высшего образования	«Выборы и демократия»	факультет социальных наук, кафедра политологии, Центр европейских исследований им. Ж. Монэ, Институт гражданского образования, Центр канадских исследований, Центр междисциплинарных исследований мировой политики, Центр польских и европейских исследований им. Ежи Гедройца, Школа политической аналитики.	Демьянчук А., Гарань А., Бевз Т., Гнатюк Н., Дуда А., Умланд А., Кармазина М., Мишке Я., Якушик В., Бажал Ю., Кушниренко В., Диса Е., Яблонский В., Бурковский П., Павленко Е.
НПУ им. М.П. Драгоманова	23.00.01 23.00.03	«Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова. Серія: Політичні науки та методика викладання соціально-політичних дисциплін», «Нова парадигма», «Гілея: науковий вісник»	Кафедра политических наук	Бабкина О., Поляков А., Цыбин С., Варзар И., Телешун С., Ващенко К., Зеленъко Г., Бебик В., Климова И., Волянюк О.

3. Аналитические центры в Украине и прикладные политические исследования

В определении известного исследователя аналитических центров (фабрик мысли, think tanks) Дж. Макгэна дает следующее определение в докладах о состоянии фабрик мысли в мире: «Фаб-

рики мысли – это проводящие исследовательский анализ публичной политики посреднические организации, которые производят практически ориентированное исследование, анализ и рекомендации по национальным или же международным проблемам, тем самым позволяя политикам и обществу принимать обоснованные решения в публичной политике». Ученый выделяет следующие виды аналитических центров: автономные и независимые, квазинезависимые, государственные, квазигосударственные, университетские, партийные, корпоративные (относящиеся к коммерческому сектору) [2012 Global... 2013, p. 15].

Данный исследователь уже на протяжении целого десятилетия проводит исследования фабрик мысли (аналитических центров) по всему миру. Ежегодно публикуются рейтинговые доклады по самым лучшим аналитическим центрам. Украинские аналитические центры также попадают в эти рейтинги. В эти рейтинги попадают и государственные учреждения, и академические структуры, и частные исследовательские учреждения. Так, к примеру, из России в рейтинг регулярно попадает Институт мировой экономики и международных отношений, Московский центр Карнеги и др. [ibid., p. 87].

В Украине составителями мирового рейтинга регулярно регистрируются от 43 до 47 аналитических центров. Далеко не все они занимаются политическими исследованиями, до только шесть из них упоминаются в списке рейтингов Дж. Макгэна: Международный центр перспективных исследований, Украинский центр исследований европейской политики, Центр Разумкова, Киевский экономический университет им. В. Гетмана, Центр образовательной политики, Украинский центр независимых политических исследований, Институт экономических исследований и политических консультаций. В общем же мировом рейтинге по количеству аналитических центров Украина занимала в разные годы от 18-го (2007) до 23-го места (2014) [2014 Global... 2015, p. 75].

По качеству же украинские аналитические центры никогда не попадали в топ-50. Правда, регулярно получают почетные места в региональном рейтинге по Восточной Европе и в специальных номинациях. Например, в прошлом году Центр Разумкова занял 44-е место среди наиболее хорошо управляемых фабрик мысли. А Центр образовательной политики, Международный центр поли-

тических исследований, Институт экономических и политических исследований, Украинский центр независимых политических исследований занимали почетные места в пятом-шестом десятке за лучшие образовательные программы, а также программы отстаивания интересов граждан (*advocacy campaign*).

Значительное число украинских аналитических центров созданы при вузах. Многие из них существуют за счет пожертвований от различных финансово-промышленных групп и партий. И все-таки главным источником финансирования является целевое и проектное финансирование из международных и иностранных государственных и негосударственных фондов.

Старейшими аналитическими центрами являются: Киевский международный институт социологии (КМИС, 1990), Киевский центр политических исследований и конфликтологии (1993), Центр Разумкова (1994), Украинский центр экономических и политических исследований им. Александра Разумкова, Институт трансформации общества (1994), Центр политико-правовых реформ (1996), Институт экономических исследований и политических консультаций (1999) [Якименко, 2007].

Отметим, что в условиях практически нулевого государственного заказа на политические исследования в 1990-е годы аналитические центры возникали стараниями энтузиастов и существовали, в общем-то, за счет личных контактов основателей с властью имущими. С обретением Украиной независимости в стране стали появляться аналитические центры, изначально создаваемыми иностранными компаниями и организациями. Пример – Киевский международный институт социологии, который был создан в 1990 г., т.е. еще до провозглашения независимости. Возрождались и традиционные аналитические центры, к примеру – Научное общество им. Т. Шевченка, которое ведет свою родословную еще с XIX в. (1873), основано во Львове. В 1940 г. НТШ было распущено с вхождением Галиции в состав СССР, а его возрождение стало возможным в 1989 г. Кстати, в послевоенный период НТШ также существовало, но в эзиле – в Канаде [Історія... 2015]. Его возрождение в Украине связывается с активностью украинской диаспоры в Канаде и активным финансированием различными международными фондами. Основное направление исследований – украиноведение, политика памяти, вопросы национализма и государственного гене-

зиса на украинских землях, вопросы евроинтеграции [Секції та комісії... 2015].

В 2000-е годы стало появляться большое количество значительно более мелких аналитических центров, ориентированных в основном на исследование проблем европейской, евро-атлантической интеграции Украины.

Аналитические центры в Украине создавались в три волны: начало 1990-х, конец 2000-х и в 2003–2005 гг. Значительная их часть изначально создавались как организации, направленные на легитимизацию евро-атлантического внешнеполитического выбора Украины и формирование соответствующего общественного мнения.

* * *

Политическая наука в Украине имеет весьма основательную институциональную инфраструктуру, представленную тремя основными сегментами:

- институтами Национальной академии наук;
- учреждениями высшего профессионального образования;
- негосударственными аналитическими центрами.

В институтах НАН Украины разрабатывается значительное количество теоретико-методологических проблем, осваиваются новые направления, происходит дифференциации научного знания. В то же время можно отметить весьма слабую связь академической политической науки с жизнью. А кроме того, несмотря на значительное увеличение государственного финансирования научных исследований, за 1990–2000-е годы государство не смогло стать главным заказчиком политических исследований.

Несколько иная ситуация в системе высшего образования. За редким исключением, политическая наука в вузах весьма слабо развивается, слабо дифференцируется. Главным фактором этого, на наш взгляд, является общая проблема системы высшего образования – она идет за рынком труда, реактивно реагируя на его требования. Как результат, отсутствие стимулов к самостоятельным научным поискам и многолетнее эксплуатирование одних и тех же теорий, формальное изложение материала, отсутствие стимулов к

научному поиску. За редким исключением, такую ситуацию удастся преодолеть.

Чаще всего, она преодолевается в тех вузах, в которых существуют давние традиции классического образования. Кроме того, как показывает практика, политическая наука развивается в тех регионах, где реально существует запрос на прикладные политологические исследования, результаты которых можно применить в реальной политической борьбе или в формировании соответствующего общественного мнения.

В сегменте аналитических центров многие занимаются исследованием проблем евро-атлантической интеграции. Хотя, как показывает практика, эта работа имеет прежде всего не исследовательский характер, а просветительский, направленный на формирование в обществе определенных настроений по отношению к данному вопросу. Вторая разновидность аналитических центров – это учреждения, выполняющие заказы различных политических акторов, что также создает искажения в первоначальных теоретико-методологических основаниях исследовательского поиска и ставит под сомнение принципы объективности и верифицируемости результатов исследований.

Список литературы

- Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Полис. – М., 1997. – № 6. – С. 176–183.
- Аналитические центры Украины в мировом рейтинге, 2007–2014 гг. / Сост. Фокин И.А. // Academia.edu. – М., 2015. – Режим доступа: https://www.academia.edu/12428363/Аналитические_центры_Украины_в_мировом_рейтинге._2007-2014 (Дата посещения: 14.05.2015.)
- В Академії наук готуються до ліквідації інститутів археографії та сходознавства // Корреспондент.net. – Київ, 2013. – 29 жовтня. – Режим доступа: <http://ua.korrespondent.net/ukraine/events/3201145-v-akademii-nauk-hotuuitsia-do-likvidatsii-instytutiv-arkheohrafi-ta-skhodoznavstva-> (Дата посещения: 14.05.2015.)
- Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Федеральный образовательный портал. ЭСМ: Экономика. Социология. Менеджмент / НИУ «Высшая школа экономики». – М., 2014. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/793/915/1217/2-Glotov_13-20.pdf (Дата посещения: 14.05.2015.)
- Закон України «Про освіту» // Верховна Рада України. – Київ, 2014. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1060-12> (Дата посещения: 14.05.2015.)

- Історія Наукового товариства ім. Шевченка // Наукове товариство ім. Шевченка. Онлайн-журнал Товариства. – Київ, 2015. – Режим доступу: <http://www.ntsh.org/history> (Дата посещения: 14.05.2015.)
- Кармазіна М. Політична наука в Україні: дисертаційний аспект // Український центр політичного менеджменту. – Київ, 2007. – Режим доступу: <http://www.politik.org.ua/vid/magcontent.php3?m=1&n=85&c=2090> (Дата посещения: 24.04.2015.)
- Кармазіна М., Шурбова О. «Інститут» та «інституція»: Проблема розрізнення понять // Політичний менеджмент. – Київ, 2006. – № 4 (19). – С. 10–19.
- Королев В.В., Зазнаев О.И. Социальный институт как предмет современных научных интерпретаций // Ученые записки Казанского государственного университета. – Казань, 2006. – Т. 148, кн. 1. – С. 68–76.
- Лейман И.И., Лейман И.И. Наука как социальный институт. – Л.: Наука, 1971. – 180 с.
- Мацієвський Ю. Між функціоналізмом та нормативізмом: академічна політологія в Україні на початку ХХІ ст. // Людина і політика. – Київ, 2004. – № 5. – С. 34–46.
- Мережа спеціалізованих вчених рад, станом на 10 березня 2015 року // Міністерство освіти та науки України. Офіційний сайт. – Київ, 2015. – С. 179–182. – Режим доступу: http://old.mon.gov.ua/img/zstored/files/мережа%20спец%20рад%20сайт%20станом%20на%2010_03_2015.doc (Дата посещения: 14.05.2015.)
- Мирская Е.З. Р. Мертон и его концепция социологии науки. – М., 2014. – Режим доступу: <http://www.courieredu.ru/pril/posobie/mert.htm> (Дата посещения: 14.05.2015.)
- НАН Украины ликвидировал Институт мировой экономики // NewsRu – Украина. – Киев, 2013. – 11 ноября. – Режим доступу: <http://rus.newsru.ua/ukraine/11nov2013/institut.html> (Дата посещения: 14.05.2015.)
- Наукова та інноваційна діяльність в Україні. Статистичний збірник. 2013 рік / Державна служба статистики України. – Київ: ДП «Інформаційно-видавничий центр Держстату», 2014. – 314 с.
- Наукові установи у відділеннях та секціях наук України // Національна академія наук України. – Київ, 2012. – Режим доступу: <http://www.nas.gov.ua/UA/Structure/Pages/Institutions.aspx> (Дата посещения: 14.05.2015.)
- Николко М.В. Институционализация политической науки в Украине: анализ периодических изданий // Політична думка в Україні: становлення і перспективи / За ред. д. филос. н. А. Габрієляна, д. филос. н. А.Д. Шоркіна. – Сімферополь, 2002. – С. 41–53.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с. – Режим доступу: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/index.php (Дата посещения: 05.05.2015.)
- Перелік наукових фахових видань України, в яких можуть публікуватися результати Міністерство освіти та науки України. Офіційний сайт. – Київ, 2015. – 252 с. – Режим доступу: [http://old.mon.gov.ua/img/zstored/files/Перелік%20наукових%20фахових%20видань%20\(6\).doc](http://old.mon.gov.ua/img/zstored/files/Перелік%20наукових%20фахових%20видань%20(6).doc) (Дата посещения: 14.05.2015.)
- Перелік наукових фахових видань // Міністерство освіти і науки України. Офіційний веб-сайт. – Київ, 2015. – Режим доступу: <http://old.mon.gov.ua/ua/activity/563/perelik-naukovikh-fakhovikh-vidan/> (Дата посещения: 14.05.2015.)

Секції та комісії НТШ // Наукове товариство ім. Шевченка. Онлайн-журнал Товариства. – Київ, 2015. – Режим доступу: <http://ntsh.org/commission> (Дата посещения: 14.05.2015.)

Тягло О. Українська наука про політику. Спроба оцінки потенціалу // Політичний менеджмент. – Київ, 2004. – № 1. – С. 3–18.

Фокин И.А. Политическая наука в высших учебных заведениях Украины // Academia.edu. – М., 2015 а. – 35 с. – Режим доступа: https://www.academia.edu/12424934/Фокин_И.А._Политическая_наука_в_высших_учебных_заведениях_Украины (Дата посещения: 14.05.2015.)

Фокин И.А. Политическая наука в институтах Национальной академии наук Украины // Academia.edu. – М., 2015 б. – 10 с. – Режим доступа: https://www.academia.edu/12424970/Фокин_И.А._Политическая_наука_в_институтах_Национальной_академии_наук_Украины (Дата посещения: 14.05.2015.)

Фокин И. Политическая наука в Украине. Сводные статистические данные. 1991–2013 // Academia.edu. – М., 2015 с. – 8 с. – Режим доступа: https://www.academia.edu/12413642/Фокин_И_Политическая_наука_в_Украине_Сводные_статистические_данные_1995-2013_гг (Дата посещения: 14.05.2015.)

Фортельний І. Розвиток політичної науки в Україні: між наукою та навчальною дисципліною // Розвиток політичної науки: європейські практики та національні перспективи: матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції студентів та аспірантів, Чернівці, 1 березня. – Чернівці: Букрек, 2012. – С. 12–19.

Якименко Ю. Неурядові аналітичні центри в Україні: можливості, виклики, перспективи // Громадянське суспільство. – Київ, 2007. – 26 жовтня. – Режим доступу: http://www.ucipr.kiev.ua/publications/neuriadovi-analitichni-tcentri-v-ukraini-mozhливosti-vikliki-perspektivi1/view_print (Дата посещения: 24.04.2015.)

2013 Global go to think tanks: Index report / Univ. of Pennsylvania. – Philadelphia, PA, 2014. – 117 p. – Mode of access: <http://gotothinktank.com/dev1/wp-content/uploads/2014/01/GoToReport2013.pdf> (Дата посещения: 02.05.2015.)

2014 Global go to think tanks index report / Univ. of Pennsylvania. – Philadelphia, PA, 2015. – 174 p. – Mode of access: http://csis.org/files/attachments/150122_2014_Global_Go_To_Think_Tank_Index_Report.pdf (Дата посещения: 02.05.2015.)

Е.А. ГЛУХОВА

**ПРАКТИКИ ИНТЕГРАЦИИ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ
В ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ
В РАМКАХ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

В современной России государственные органы инициируют создание различных общественных, экспертных и консультативных советов, которые впоследствии становятся для них единственными легитимными механизмами экспертного участия [Сунгуров, Распопов, Глухова, 2013]. Однако эти структуры трудно назвать эффективными, их члены «нередко сетуют на то, что полномочия этих органов носят совещательный характер, и если их рекомендации не устраивают власть, их просто игнорируют» [Институт гражданского участия... 2011]. В результате ограничивается количество информации о существующих проблемах и путях их решения, в то время как лица, принимающие решения, нуждаются в знаниях, которыми обладают представители гражданского общества, ученые и эксперты [Rhodes, 1997; Barnes, Store, 2004].

В результате власть оказывается изолированной от адекватной информации о проблемах. Однако лица, принимающие решения, нуждаются в наиболее актуальной информации и знаниях, которыми обладают ученые и эксперты [Rhodes, 1997; Barnes, Store, 2004]. Низкая эффективность существующих механизмов экспертного участия выражается в принятии краткосрочных неэффективных решений, не отвечающих потребностям общества. Критерии оценки эффективности принимаемых решений и деятельности государственных органов зачастую не отражают реального положения

дел, так как преимущественно сводятся к формальным количественным показателям. Таким образом, перед нами возникает проблема обеспечения функционирования механизмов независимого и легитимного участия экспертов в принятии политических решений, затрагивающих интересы общества.

Задача данной статьи – анализ возможностей и ограничений одного из формирующихся способов интеграции экспертного знания в процесс принятия решений, в рамках деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ (на примере Санкт-Петербурга и Свердловской области). Выбор данных субъектов обусловлен их контрастностью в сфере интенсивности взаимодействия омбудсменов с сообществом экспертов и ученых. В Санкт-Петербурге такое взаимодействие носит «точечный» характер, а в Свердловской области эксперты регулярно принимают участие в деятельности омбудсмена. Институт уполномоченного по правам человека представляет для нас особый интерес, так как он может рассматриваться как институт – медиатор между властью, жителями и гражданскими организациями [Сунгуров, Распопов, Глухова, 2013] и, как мы постараемся показать, экспертным сообществом.

В рамках данной статьи используется субъектно-ориентированный институциональный подход [Институт гражданского участия... 2011]. Применение данного подхода обусловлено тем, что при слабости имеющихся институтов экспертного участия в фокусе анализа оказываются отдельные акторы, принимающие участие в формировании «институтов экспертного участия» и представляющие эти так называемые «институты».

Анализ участия экспертов в деятельности института омбудсмена опирается на структурный контент-анализ публикаций, сайтов и экспертных интервью, включенное наблюдение и описательно-индуктивный метод.

Для начала нам необходимо пояснить, кого мы называем «экспертами». Н.А. Шматко определяет понятие «эксперт» как «агент поля политики, наряду с другими формирующий легитимные представления о той или иной социальной, экономической или политической проблеме, а также конструирующий новые социальные категории, предлагая свой специфический продукт – экспертизу» [Шматко, 2009, с. 107]. В этом определении обозначена одна из функций применения экспертного знания – легитимация представ-

лений о проблеме, в решении которой принимают участие эксперты, оно характеризует экспертов как участников политического процесса и субъектов социальных изменений. При этом важно отличать эксперта от ученого. Эксперт должен предложить такие решения, которые являются применимыми на практике.

Перечень вопросов в сфере прав человека, требующих экспертного заключения, довольно обширен. Проблемы, которыми занимаются эксперты, могут относиться к разным профессиональным областям: к гуманитарной, медицинской и т.д. Уполномоченные по правам человека, в отличие от других государственных институтов, не привлекают экспертов с целью легитимации уже сформулированной позиции или с целью отвлечения внимания акторов от сути проблемы и процесса принятия решения в силу функциональной особенности института омбудсмена, которая заключается в выполнении функции посредника между органами власти, гражданским обществом и сообществом экспертов.

Д. Гастон [Guston, 2000] в своих работах описывает принципы функционирования специфических пограничных структур (boundary organizations), возникающих на стыке различных социальных миров науки и политики. Подобные структуры обладают следующими свойствами:

- иницируют / обеспечивают возможность взаимно интегрировать науку и процесс принятия политических решений;
- вовлекают в обсуждение акторов из различных социальных миров (науки, политики, гражданского общества), а также привлекают профессиональных медиаторов;
- формируют общую идентичность у представителей экспертного сообщества и государственных органов и обеспечивают легитимацию совместно принятого решения.

Поскольку в рамках конструируемого пограничными структурами институционального пространства сами эти структуры занимают позицию независимого арбитра, у акторов, участвующих в дискуссии, появляется возможность выработать такое политическое решение, которое не будет нарушать баланс интересов этих принципиально разных миров [Guston, 2000].

В настоящее время существуют как институциональные формы участия экспертного сообщества в процессе принятия политических решений в сфере прав человека (экспертные и

консультативные советы при исполнительных органах власти и омбудсменах), так и незакрепленные институционально практики взаимодействия в виде экспертных консультаций [Guston, 2001].

Вовлечение в процесс принятия решений в сфере прав человека экспертного сообщества посредством пограничных структур позволяет выработать легитимное решение, направленное на соблюдение прав человека, и решить проблему привлечения адекватного экспертного знания. Н. Орескес [Oreskes, 2004] утверждает, что релевантным критерием для принятия суждения о проблеме обществом в качестве истинного является всесторонний консенсус экспертов и иных компетентных лиц. Согласно данной позиции, адекватным научным знанием является заключение, по которому достигнут интеллектуальный и социальный консенсус аффилированных экспертов, основанное на общедоступных эмпирических данных и полученное путем применения адекватной методологии.

Важно подчеркнуть, что представители власти, несущие персональную ответственность за принятые ими решения, должны оценивать при подборе экспертов их компетентность и объективность. В сфере прав человека эти вопросы становятся особенно актуальны в ситуациях, когда правозащитные организации информируют власть о системных нарушениях прав человека, обосновывая свою позицию ссылками не только на правовые акты, но и на мнения экспертов. Таким образом, представители власти сталкиваются с проблемой доверия подобным экспертным заключениям и коммуникации как с самим гражданским обществом, так и с теми, кто называют себя экспертами. Одним из вариантов выхода из сложившейся ситуации может быть выполнение функций пограничной структуры непосредственно самим институтом омбудсмена или создаваемым при нем консультативным (экспертным) советом. Ниже представлен анализ практик экспертного участия в решении проблем в сфере прав человека при выполнении институтом уполномоченного по правам человека функций пограничной структуры в Санкт-Петербурге и Свердловской области.

Санкт-Петербург

При уполномоченном в Санкт-Петербурге создан Консультативный совет, в который вошли эксперты из самых разных областей (медицины, гражданского общества, политической науки, культуры, экологии, эксперты по проблемам бездомности, профессора университетов и др.). Также омбудсменом привлекаются эксперты, не являющиеся членами Консультативного совета, для проведения экспертных консультаций, предоставления экспертных заключений, в том числе и в процессе совместной подготовки докладов. Эксперты могут сами инициировать обсуждение выявленной ими проблемы либо по инициативе омбудсмена выступать в качестве партнеров государственных органов при формировании политических решений в сфере прав человека. К сожалению, государственные органы в Санкт-Петербурге не мотивированы обращаться к омбудсмену для получения экспертных оценок.

Деятельность института омбудсмена как пограничной структуры в Петербурге сводится к следующим направлениям.

1. Привлечение экспертов и органов власти для формулирования адекватных объективных решений, легитимизованных в глазах власти за счет авторитета независимых экспертов.

2. Организация мероприятий при совместном участии экспертов и органов власти с целью их взаимной интеграции и содействия развитию между ними дальнейшего диалога.

Экспертное участие в процессе принятия политических решений в Петербурге реализуется по модели Коалиции общественных интересов («advocacy coalition») [Sabatier, Jenkins-Smith, 1993; Нечло, 2008]: заинтересованные группы предоставляют сведения и экспертные заключения о нарушении прав человека омбудсмену, он инициирует различные мероприятия с целью принятия властью мер, направленных на защиту нарушенных прав граждан. Рассмотрим несколько примеров.

1. Уполномоченному стали поступать многочисленные обращения от общественных организаций по вопросам защиты прав лиц, проживающих в психоневрологических интернатах Петербурга. В подобной ситуации решение проблемы требовало привлечения Комитета по социальной политике. Для того чтобы разобраться в ситуации с правовой и с медицинской точек зрения и обосновать

претензии НКО, омбудсменом был организован «круглый стол» с участием медиков и адвокатов. В результате для представителей власти точка зрения независимых экспертов прозвучала убедительнее, чем претензии НКО [Шишлов, 2015].

2. Уполномоченным был выявлен ряд проблем в сфере экологии, связанных с отсутствием должного взаимодействия надзорных ведомств и экспертного сообщества, а также с убежденностью государственных органов в том, что вопросы охраны окружающей среды – это прерогатива только контролирующих ведомств. Для решения этой проблемы омбудсмен выступил в качестве арбитра и организовал конференцию по экологии. В мероприятии приняли участие представители более 20 государственных органов, 15 НКО, 10 научно-исследовательских учреждений. В данной ситуации действия омбудсмента способствовали началу процесса интеграции науки в процедуру принятия политических решений в сфере соблюдения экологических прав [Шишлов, 2015].

Свердловская область

В Свердловской области при уполномоченном функционирует пять экспертных советов, куда входят исключительно ученые и эксперты. Результатами их деятельности являются: анализ ситуации, рекомендации для органов власти в специальных и ежегодных докладах, мониторинг основных тенденций в решении проблем органами власти по указанным направлениям. Таким образом, мнение экспертов при посредническом участии омбудсмента интегрируется в процесс принятия политических решений в сфере прав человека.

Институт омбудсмента в Свердловской области является своеобразной фабрикой мысли, на площадке которой объединяются ученые, эксперты и представители гражданского общества. Государственные органы при наличии какой-либо проблемы, требующей экспертного участия, привлекают омбудсмента.

По итогам I Уральского Демографического форума в 2012 г. издан Указ «О Совете при Губернаторе Свердловской области по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике», и омбудсмену поручено руководство группой

ученых. Результатом совместной работы омбудсмена и экспертов стали два специальных доклада: «О защите прав коренного малочисленного народа манси» [Мерзлякова, 2013] и «О сбережении народа и обеспечении гарантий права на жизнь населения Свердловской области» [Мерзлякова, 2014].

Другой пример вовлечения в дискуссию и формирования у акторов общей идентичности — это организация омбудсменом по просьбе исполнительной власти в 2014 г. круглого стола «Национальная идея как основа сплочения российского общества». Во встрече приняли участие первые лица области и представители сообщества ученых-гуманитариев. По итогам встречи губернатор предложил «сформировать постоянно действующее формальное объединение, например, “Фабрика мысли”, “Субботный клуб”, чтобы имели иногда возможность дискутировать, общаться»¹. В результате экспертное сообщество из изначально предполагаемого «агента» превратилось в ходе мероприятия в партнера органов власти.

Подводя итоги анализа участия экспертного сообщества в Свердловской области в процессе принятия политических решений, необходимо отметить невысокую востребованность органами власти участия экспертов в процессе принятия решений. Эксперты не привлекаются самими государственными органами: за исключением использования посреднической функции института омбудсмена и Уральского института регионального законодательства, нет других механизмов прямого взаимодействия экспертов и лиц, принимающих решения. В условиях отсутствия понимания структуры экспертного сообщества власть использует институт омбудсмена в качестве пограничной структуры. Также омбудсмен привлекает экспертов к решению проблем в сфере прав человека по собственной инициативе, т.е. взаимодействие акторов реализуется по модели governance [Rhodes, 1997; Barnes, Store, 2004].

* * *

По результатам проведенного сравнительного анализа двух субъектов необходимо отметить, что фактически институт уполномо-

¹ Экспертное интервью в Свердловской области с М.

моченного способен реализовывать функцию пограничной структуры для взаимной интеграции экспертного сообщества и государственных органов, развития диалога между акторами [Сунгуров, 1999], легитимации в органах власти заключений независимых экспертов, трансформировать научное знание в конкретные рекомендации для лиц, принимающих решения в сфере прав человека, посредством использования экспертного знания в своих ежегодных и специальных докладах, а также путем направления обращений в органы власти, тем самым выполняя функции института-медиатора. Рекомендации экспертов, направленные в государственные органы таким путем, обладают большей легитимностью для власти и значительно реже оказываются проигнорированы ввиду законных полномочий омбудсменов и их репутации. Кроме того, ответственность за решение, принятое властью на основе рекомендации государственного органа, становится уже коллективной, а не персональной.

Однако проведенный анализ показал, что реализация подобного способа экспертного участия также имеет существенные недостатки и сталкивается с проблемами, которые обусловлены отсутствием инициативы со стороны государственных органов (Санкт-Петербург), отсутствием в субъектах устойчивых механизмов экспертного участия, позволяющих экспертному сообществу выступать одновременно в качестве и «агента» и «принципала», несовершенство стратегий поиска независимых экспертов. Кроме того, эксперты привлекаются несистемно и нерегулярно. Как правило, государственные органы ограничиваются получением первичной экспертной консультации на стадии инициации, на иных стадиях эксперты не привлекаются, что прерывает начатый процесс выработки инноваций. Поэтому омбудсмены вынуждены постоянно держать на контроле вопросы, по которым уже был достигнут консенсус.

Список литературы

Институт гражданского участия: проверка деятельности субъектов / Какабадзе Ш.Ш., Зайцев Д.Г., Звягина Н.А., Карестелов В.Е. // Полис. – М., 2011. – № 3. – С. 88–108.

- Институты-медиаторы и их развитие в современной России. 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт / Сунгуров А.Ю., Захарова О.С., Петрова Л.А., Распопов Н.П. // Полис. – М., 2012. – № 1. – С. 165–178.
- Мерзлякова Т.* О защите прав коренного малочисленного народа манси // Информационный портал: Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Свердловской области. – Екатеринбург, 2013. – Режим доступа: http://ombudsman.midural.ru/uploads/library/spezdoklad/spezdoklad_26.pdf (Дата посещения: 04.03.2015.)
- Мерзлякова Т.* О сбережении народа и обеспечении гарантий права на жизнь населения Свердловской области // Информационный портал: Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Свердловской области. – Екатеринбург, 2014. – Режим доступа: http://ombudsman.midural.ru/uploads/library/spezdoklad/spezdoklad_29.pdf (Дата посещения: 04.03.2015.)
- Сунгуров А.Ю.* Экспертная деятельность и экспертные сети // Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – С. 98–124.
- Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Глухова Е.А.* Институты-медиаторы и их развитие в современной России. III. Институт Уполномоченного по правам человека // Полис. – М., 2013. – № 2. – С. 110–126.
- Шишилов А.В.* Доклад Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге за 2014 г. // Информационный портал: официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге. – СПб., 2015. – Режим доступа: http://ombudsmanspb.ru/files/files/doklad_2014/DOKLAD_2014_site_last.pdf (Дата посещения: 04.03.2015.)
- Шматко Н.А.* Феномен публичной политики // Социологические исследования. – М., 2001. – № 7. – С. 106–112.
- Barnes T.* Public participation and collaborative governance // Journal of social policy. – Cambridge, 2004. – Vol. 33, N 2. – P. 203–223.
- Guston D.H.* Boundary organizations in Environmental policy and science: An introduction // Science, technology & Human values. – L., 2001. – Vol. 26, N 4. – P. 399–407.
- Heclo H.* On thinking institutionally. – Oxford: Paradigm publ., 2008. – 232 p.
- Oreskes N.* Science and public policy: What's proof got to do with it? // Environmental science & policy. – Amsterdam, 2004. – Vol. 7, N 5. – P. 369–383.
- Rhodes R.A.W.* Understanding governance: Policy networks, governance, reflexivity and accountability. – Philadelphia: Open univ. press, 1997. – 252 p.
- Sabatier P., Jenkins-Smith H.* Policy change and learning: An advocacy coalition approach. – Boulder: Westview press, 1993. – 290 p.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛЫ

Е.А. ВАНДЫШЕВА

**ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ:
ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ В «ЖУРНАЛЕ ПУБЛИЧНОЙ
ПОЛИТИКИ» ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ**

**Journal of public policy. – L.; N.Y.: Cambridge univ. press,
2010–2015.**

Представляя в 1981 г. первый номер «Журнала публичной политики», его главный редактор доктор Брайн Хогвуд из Университета Стратклайда (Шотландия) так охарактеризовал основную идею и предназначение издания: «...примирить интересы ученых в сфере социальных наук, обладающих теоретическими знаниями, и интересы практиков в решении конкретных проблем» [Hogwood, 1981, p. 1].

На современном этапе журнал продолжает оставаться площадкой для междисциплинарного рассмотрения актуальных социально-политических вопросов и выработки подходящих для их анализа методологических средств. Он входит в категорию журналов с высокими показателями цитируемости. По данным портала SCImago Journal & Country Rank, в период с 1999 по 2013 г. он оказывался либо в первом (Q1), либо во втором квартиле (Q2).

Импакт-фактор журнала, согласно базе данных Web of Science, составляет 1,033 [Journal of public policy: Impact-factor, 2015]. Средний показатель SJR, который измеряет научный престиж журнала с учетом не только индекса цитируемости, но и веса (престижности) источников, в которых цитируются опубликованные в журнале научные статьи, с 2006 по 2013 г. – 0,61 [Journal of public policy, 2015].

Таблица*

Квартили, в которые «Журнал публичной политики» попал по основным библиометрическим данным с 1999 по 2013 г.

Категории		Менеджмент, мониторинг, политика и право	Государственное управление
квартили (Q1 означает наи- высшую оценку, Q4 – самую низкую)	годы		
	1999	Q2	Q2
	2000	Q1	Q1
	2001	Q1	Q2
	2002	Q1	Q1
	2003	Q2	Q2
	2004	Q2	Q2
	2005	Q2	Q2
	2006	Q2	Q2
	2007	Q2	Q2
	2008	Q1	Q1
	2009	Q1	Q1
	2010	Q1	Q1
	2011	Q1	Q1
	2012	Q1	Q1
	2013	Q2	Q2

* Данная таблица представляет дословный перевод аналогичной таблицы на портале SCImago Journal & Country Rank [Journal of public policy, 2015].

Для подготовки настоящего обзора были отобраны статьи, в которых представлены результаты исследований, отражающих современное понимание общественного участия в выработке и принятии решений, имеющих политическое значение.

В первом номере «Журнала публичной политики» за 2011 г. опубликована статья «Представительство и включенность местных сообществ: переосмысливая участие в управлении», автором которой является Робин Эверсоль – директор Института регионального развития Университета Тасмании.

Подход, применяемый Робин Эверсол для изучения участия местных сообществ в управлении, основан на этнографических данных, собранных ею за десять лет работы с сельскими общинами в Австралии. По ее мнению, партиципаторное управление – не просто единичный процесс с множеством участников, а наложение разных способов регулирования [Eversole, 2011, p. 51].

Статья начинается с обзора литературы по публичной политике. Р. Эверсол приводит основные вопросы, поиск ответов на которые определял содержание предыдущих исследований местных сообществ. Как установить связь с местным сообществом, вовлечь его, работать с ним и стимулировать реальное, а не формальное участие? Что должно быть сделано для улучшения способа, посредством которого органы власти взаимодействуют с местным сообществом? Делается предположение, что антропологический подход даст возможность определить новые пути решения названных проблем, поскольку именно он позволяет понять природу местных сообществ и противоречивые образы поведения [Eversole, 2011, p. 54]. Но какие еще аргументы приводятся в подтверждение?

Выбор в пользу антропологии сделан автором статьи после проведения этнографического исследования, в ходе которого с 2000 по 2009 г. собирались данные о жизни местных сообществ в трех региональных центрах: в Западной Австралии, Виктории и Тасмании. Цель исследования определялась следующим образом: понять, как люди и группы в разных сельских общинах Австралии высказываются и действуют в отношении актуальных для них проблем местного значения.

Исследование показало, что у многих жителей сельских регионов Австралии сформирована культура решения местных проблем и совместной выработки предложений для позитивных изменений. Для обозначения этой особенности используется термин «сообщество способных действовать» – «*can do community*» [Eversole, 2011, p. 60]. Как следствие фиксируется рост значения неформальных связей. Социальная поддержка молодежи, пожилых людей, лиц в кризисной ситуации во многих случаях осуществляется через неформальные сети друзей и соседей. Все меньше людей отдают предпочтение обращению к государственным структурам, призванным выполнять социальную функцию. Тем самым

Р. Эверсоль демонстрирует модель замещения государства местным сообществом, но предпочитает говорить о наслоении.

В качестве основной причины называется неудовлетворенность людей тем способом решения проблем, который используется на государственном (правительственном) уровне: забюрократизированность и формализм, высокие затраты на оплату государственных услуг, трудновыполнимые требования к отчетности. Интуитивно возникает желание согласиться с этим тезисом, но вызывает настороженность тот факт, что единственным обоснованием служат высказывания участников опросов и фокус-групп.

Статья Маргитты Метцке из Института социологии Гёттингенского университета о политической конкуренции и неравенстве в сфере социальных прав не относится напрямую к теме общественного участия. Автором предложена модель изучения динамики политического реформирования, в которой особое внимание уделяется анализу влияния различных акторов на формирование повестки социальных реформ [Mätzke, 2011]. Это влияние прослеживается на примере четырех реформ в социальной сфере, проводившихся в Германии в 1957, 1969, 1972 и 1992 гг.

М. Метцке делает вывод, что в ходе этих реформ влияние ассоциаций работодателей, предпринимательского сообщества, профсоюзов на принятие реформаторами решений существенно различалось. Объяснением служит партийная конкуренция: в том случае, когда в парламенте создается коалиция, ее члены будут ориентироваться не на интересы большинства избирателей, а на ту группу, поддержку которой они боятся потерять [Eversole, 2011, p. 16, 21].

С результатами исследования Оливера Нэя (Университет Лилля – Северной Франции) можно ознакомиться в первом номере журнала за 2012 г. Статья этого ученого представляет собой обоснование исследовательской проблемы: каким образом можно проверить политический перенос – распространение идей – на уровне международного управления, который опосредован действиями акторов, интересами и стратегиями [Nay, 2012, p. 53].

Для решения этой исследовательской задачи Оливер Нэй проводит анализ эмпирических данных о реализации объединенной программы ООН по ВИЧ / СПИД (UNAIDS) и приходит к выводу, что между развитием институтов, распространением идей и продвижением интересов существует тесная взаимосвязь [ibid., p. 54].

В центре внимания оказываются те, кого Кингдон именует «политическими предпринимателями» [Kingdon, 1984]: некоммерческие организации и другие акторы гражданского общества, фабрики мысли, консультанты, СМИ, бизнес-сообщество.

В заключительной части статьи обобщены данные о влиянии посредством распространения экспертных знаний и научной информации, а также через определение политических проблем, приведены предложения по их решению.

«Выработка политики, изменение парадигмы и политическое влияние: место и содержание системы политического консультирования» – так озаглавлена статья, написанная в соавторстве Джонатаном Крафтом и Мишелем Хоулеттом (сотрудниками Департамента прикладной политологии Университета Саймона Фрейзера, Канада), вышедшая во втором номере «Журнала публичной политики» за 2012 г. Важным представляется указание на недостаток знаний о роли неправительственных организаций в системе политического консультирования, если не считать фабрики мысли и исследовательские институты [Craft, Howlett, 2012, p. 80].

В статье обосновывается необходимость пересмотра традиционной концептуальной модели, применяемой к изучению системы политического консультирования, в которой приоритетным является определение места консультантов: внутри или за пределами правительства. Крафт и Хоулетт призывают дополнить существующую модель содержательным измерением. В противном случае невозможно получить объективную картину, классифицировать поведение консультантов (авторы выделяют «холодные» и «горячие» рекомендации, в зависимости от продолжительности и цели) и оценить роль различных политических акторов в процессе выработки политики.

Хенрик Зиберг (Департамент политологии Орхусского университета, Дания) провел количественный анализ возможностей оппозиции влиять на политику. Результаты исследования свидетельствуют о слабом влиянии социальных факторов на вероятность изменения политики, о том, что влияние рейтинга одобрения правительства не значимо статистически, а влияние СМИ значимо, но чрезвычайно слабо [Seeberg, 2013, p. 100].

В тексте профессоров трех американских университетов (Фредерика Бёмке, Сеана Гейлмарда и Джона Пэтти) проведено

сравнение представительства интересов в различных политических структурах: исполнительных и законодательных. В фокусе исследователей находятся институт лоббизма и процесс участия бизнеса в разработке и принятии политических решений. Эмпирическая база исследования включает 669 отчетов лоббистов.

Бёмке, Гейлмард и Пэтти обнаружили следующую закономерность: чем больше лоббистская структура участвует в деятельности исполнительного органа, тем она более активна в законодательном процессе [Boehmke, Gailmard, Patty, 2013, p. 25]. Однако объяснение этой закономерности авторами не предложено.

Сунг Еун Ким и Джоннас Урпелайнен (Департамент политологии Колумбийского университета) в статье, вышедшей в третьем номере за 2013 г., предприняли попытку разобраться, когда и какое влияние группы в защиту интересов (*advocacy groups*) оказывают на распространение новых технологий.

Обозначенная сфера анализируется с применением теории игр. Рассмотрены пять случаев продвижения технологий силами групп в защиту интересов, которые характеризуются большей или меньшей степенью успешности. Примеры взяты из практики четырех стран: Дании, Германии, Испании и США. Полученные данные свидетельствуют о том, что группы в защиту интересов имеют реальную возможность содействовать распространению новых технологий, но только в том случае, когда они эффективно используют двойную стратегию: политического лоббирования и целевых агитационных кампаний [Kim, Urpelainen, 2013, p. 286].

Первый номер «Журнала публичной политики» за 2015 г. открывает статья Петера Мэя (Вашингтонский университет), Криса Коски (Рид-Колледж, США) и Николаса Штрампа (Вашингтонский университет) о проблеме экспертизы в процессе выработки политических решений. Один из проблемных моментов, на которых останавливаются авторы статьи, связан с ростом числа потенциальных источников экспертизы. Выдвигается ряд гипотез:

- экспертиза, проводимая чиновниками, преобладает в числе других видов экспертиз;
- спрос и предложение экспертиз различаются в зависимости от экспертных вопросов;

– согласованность политики усиливается посредством привлечения одних и тех же игроков в разные места [May, Koski, Stramp, 2015, p. 4–7].

Проверка этих гипотез осуществляется на массиве экспертиз, которые поступили в Конгресс США в период с 1995 по 2009 г. По 19 ключевым словам были отобраны 750 слушаний. Анализ данных подтвердил, что экспертиза органов власти используется в законотворческой деятельности гораздо чаще остальных видов экспертиз. Востребованность экспертизы зависит от готовности и значимости обсуждаемой проблемы.

Новый методологический инструмент для оценки рамочных стратегий групп интересов предлагается Хайке Клувером (Университет Бамберга, Германия) и Кристин Махоней (Школа лидерства и публичной политики Франка Баттена, США). Этот инструмент основан на количественном анализе текстов, в которых выражается позиция групп интересов, и официальных документов. Апробирование нового методологического подхода Клувер и Махоней проводят с опорой на два тематических исследования, одно из которых относится к области экологии, а второе – к транспортной политике в странах Европейского союза [Klüver, Mahoney, 2015, p. 1]. Кластерный анализ и анализ соответствий с использованием программного пакета T-LAB дают возможность определить рамки выдвинутых заинтересованными группами требований и оценить степень их представленности в политических дебатах [ibid., p. 19].

В каких случаях общественное мнение трансформируется в государственную политику и какую роль в этом процессе играет проблема политизации в партийной конкуренции? Ответить на эти вопросы предлагают читателю первого номера 2015 г. Изабель Гуйнадье из Исследовательского центра Пакте, Гренобль, и Сильвейн Броуярд из Центра Эмиля Дюркгейма, Франция. Исследование касается французской политики в сфере ядерной энергетики.

Сосредоточение на влиянии партийной политики обусловливается недостаточным вниманием к этому фактору в научной литературе. Значительное место в тексте отводится также рассмотрению условий, при которых общественное мнение оказывает влияние на политический процесс.

Общественные настроения по отношению к ядерной политике Франции измерялись с помощью индикаторов, предложенных

Симсоном для анализа либеральных и консервативных настроений в Америке [цит. по: Brouard, Guinaudeau, 2015, p. 145]. Было проведено лонгитюдное исследование общественного мнения, в ходе которого зафиксировано сохранение разрыва между общественным мнением французов в отношении ядерной энергетики и выбором варианта политики [ibid., p. 163]. Последний во многом объясняется партийной политикой, в частности способностью образовывать коалиции [ibid., p. 164]. В доказательство приводится пример изменения политики – закрытие экспериментального ядерного реактора «Суперфеникс» в 1997–1998 гг., которого добились объединившиеся «Партия Зелёных», Социалистическая партия и Коммунистическая партия.

В апрельский номер 2015 г. вошла оригинальная статья Кристин Каутлер и Дэвида Мейера из Департамента политологии Университета Каролины, которые задаются вопросом: как громкие дела, рассматриваемые авторами в качестве «фокусирующих событий», помогают активистам в продвижении политических реформ?

Исследование построено с использованием стратегии кейс-стади и опирается на собранные эмпирические данные в отношении феминистского движения против сексуального насилия. В центре внимания исследователей оказываются 13 громких сексуальных скандалов, каждый из которых детально освещался в газете «New York Times» (издание федерального уровня). Общественный резонанс является важнейшим фактором, который обеспечивает активистам возможность добиваться социально-политических изменений.

Каутлер и Мейер дают оценку политических последствий каждого из рассмотренных громких дел. Кроме того, они выделяют два основных препятствия, с которыми активисты сталкиваются в ходе продвижения интересов представляемых ими групп:

- негативные факты о жертвах: общественность пытаются убедить в том, что жертва сама своими действиями спровоцировала сексуальное насилие, как в случае с домохозяйкой Гретой Редут, когда сторона защиты сослалась на ее заявление о возможности стать богатой и знаменитой и согласие подписать контракт на экранизацию событий;

- конкурентные рамки: когда один и тот же случай разные группы активистов используют для достижения собственных, зачастую не совпадающих, политических целей, примером чего слу-

жит дело об изнасиловании в Центральном парке в 1989 г., которое использовалось как феминистским, так и антирасистским движениями [Coulter, Meyer, 2015, p. 51–54].

Проведенный обзор показал, что в сфере изучения места и роли общественного участия в политических процессах вырабатываются новые модели и методологические приемы, которые применимы, в том числе, к исследованиям российских политических процессов. В частности, демонстрируется применимость антропологического подхода к изучению участия местных сообществ в управлении; рассмотрены факторы влияния ассоциаций работодателей. В одной из статей, вошедших в обзор, обоснована необходимость пересмотра концептуальной модели по традиции используемой в исследованиях системы политического консультирования. В исследовании Хенрика Зиберга заслуживают внимания выводы о влиянии социальных факторов на выбор варианта политики. В обзоре приводится также краткое описание методологии, основанной на количественном анализе текстов, содержащих позиции групп интересов. В одном из текстов рассмотрены условия, при которых проявляется влияние общественного мнения на политический процесс, а также факторы успеха и препятствия для продвижения стратегий групп интересов.

Список литературы

- Boehmke F.J., Gailmard S., Patty J.W.* Business as usual: interest group access and representation across policy-making venues // *Journal of public policy*. – L., N.Y.: Cambridge univ. press, 2013. – Vol. 33, N 1. – P. 3–33.
- Brouard S., Guinaudeau I.* Policy beyond politics? Public opinion, party politics and the French pro-nuclear energy policy // *Journal of public policy*. – L., N.Y., 2015. – Vol. 35, N 1. – P. 137–170.
- Coulter K., Meyer D.S.* High profile rape trials and policy advocacy // *Journal of public policy*. – L., N.Y., 2015. – Vol. 35, N 1. – P. 35–61.
- Craft J., Howlett M.* Policy formulation, governance shifts and policy influence: location and content in policy advisory systems // *Journal of public policy*. – L., N.Y., 2012. – Vol. 32, N 2. – P. 79–98.
- Eversole R.* Community agency and community engagement: re-theorising participation in governance // *Journal of public policy*. – L., N.Y., 2011. – Vol. 31, N 1. – P. 51–71.
- Hogwood B.* Introducing the journal of public policy // *Journal of public policy*. – L., N.Y., 1981. – Vol. 1, N 1. – P. 1–3.

- Kingdon J.* Agendas, alternatives and public policies. – Boston, MA: Little Brown and Co, 1984. – 240 p.
- Journal of public policy // SCImago journal & country rank. – 2015. – Mode of access: <http://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=27691&tip=sid&clean=0> (Дата посещения: 07.04.2015.)
- Journal of public policy: Impact-factor / Web of science. – 2015. – Mode of access: <http://proxylibrary.hse.ru:2237/action/displayJournal?jid=PUP> (Дата посещения: 07.04.2015.)
- Kim S.E., Urpelainen J.* When and how can advocacy groups promote new technologies? Conditions and strategies for effectiveness // Journal of public policy. – L., N.Y., 2013. – Vol. 33, N 3. – P. 259–293.
- Klüver H., Mahoney C.* Measuring interest group framing strategies in public policy debates // Journal of public policy. – L., N.Y., 2015. – Vol. 35, N 1. – P. 1–22.
- May P.J., Koski C., Stramp N.* Issue expertise in policymaking // Journal of public policy. – L., N.Y., 2015. – Vol. 35, N 1. – P. 1–24.
- Mätzke M.* Political competition and unequal social rights // Journal of public policy. – L., N.Y., 2011. – Vol. 31, N 1. – P. 1–24.
- Nay O.* How do policy ideas spread among international administrations? Policy entrepreneurs and bureaucratic influence in the UN response to AIDS // Journal of public policy. – L., N.Y., 2012. – Vol. 32, N 1. – P. 53–76.
- Seeberg H.B.* The opposition's policy influence through issue politicization // Journal of public policy. – L., N.Y., 2013. – Vol. 33, N 1. – P. 89–107.

М.А. СОКОЛОВ
ЕЖЕГОДНЫЙ АЛЬМАНАХ
«ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА»

Альманах «Публичная политика» ежегодно издается с 2004 г. Санкт-Петербургским гуманитарно-политологическим центром «Стратегия» под эгидой Исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки по публичной политике и гражданскому обществу. Начиная с 2008 г. в подготовке и издании альманаха активное участие принимает и кафедра прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Как указывают сами издатели альманаха, он посвящен осмыслению опыта и проблем российской публичной политики, а также анализу ее конкретных технологий и практик. Публичная политика понимается при этом как процесс подготовки и реализации властных решений, в который должны быть включены не только органы государственной власти и МСУ, но и структуры гражданского общества.

«Публичная политика» выпускается под редакцией А.Ю. Сунгурова и М.Б. Горного, рецензентами выступают Г.Л. Тульчинский и В.В. Костюшев. К настоящему моменту опубликовано десять выпусков (2004–2014), включающих около 200 статей более 200 авторов. Среди тем, отраженных в разделах выпусков, можно назвать следующие: публичная политика, центры публичной политики, сообщество политологов и гражданские организации, права человека, политические процессы на постсоветском пространстве, общество и власть в современной России, инновации и инновационное политическое развитие, политическая культура и др. Постоянные

рубрики: «Публичная политика», «Права человека», «Проба пера». В статьях, опубликованных в ежегоднике, в основном приводится сравнение нескольких политических процессов или описываются отдельные кейсы. Материалы ежегодника с начала его издания в 2004 г. в настоящее время размещаются в РИНЦ. Тираж – 500 экземпляров.

Структурно каждый выпуск состоит из нескольких разделов. Так, в выпуске «Публичная политика – 2007» содержатся следующие разделы: «Взаимодействие власти и НКО – национальный и региональный опыт», «Центр и школы публичной политики», «Ростки публичной политики в СССР и Болгарии»; в выпуске «Публичная политика – 2011» – «История и современность гражданского протеста», «Права человека: общество и власть», «Публичная политика».

Некоторые выпуски полностью посвящены отдельным событиям из общественно-политической жизни города или страны. Например, «Публичная политика – 2009» приурочена к 20-летию с начала работы Ленсовета XXI созыва. Материалы, посвященные работе Ленсовета / Петросовета, можно найти и в следующих выпусках альманаха благодаря тому, что М.Б. Горный и А.Ю. Сунгуров являлись его депутатами. Выпуском «Публичная политика – 2012» было отмечено 20-летие Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия», а последний из опубликованных пока выпусков «Публичная политика – 2014» посвящен памяти петербургского педагога, автора Петербургской модели гражданского образования профессора Н.И. Элиасберг.

Внимание в материалах ежегодника фокусируется на процессах взаимодействия основных акторов поля публичной политики. Одна из сквозных тем этого направления – механизмы и практики взаимодействия власти (прежде всего, исполнительной) и общественных организаций, в основном на региональном уровне. Так, выпуски альманаха позволяют проследить и проанализировать процесс подготовки и принятия Концепции взаимодействия исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга с общественными объединениями и иными негосударственными некоммерческими организациями «Общественно-государственное партнерство», принятой Правительством Санкт-Петербурга 12 февраля 2008 г. [Горный, 2009; Орлова, 2009]. Освещаются также и

обстоятельства, связанные с реализацией Концепции [Горный, 2011], причем как с позиции неправительственных организаций [там же], так и с позиции ответственных сотрудников Правительства Санкт-Петербурга [Немина, 2011].

Другой темой, постоянно находящей отражение на страницах альманаха, стала тема форм и практик влияния экспертного сообщества на процесс принятия властных решений. Так, в выпуске «Публичная политика – 2005» в разделах «Центры публичной политики и экспертное сообщество: российский опыт» и «Фабрики мысли и аналитические центры: Опыт стран СНГ и Восточной Европы» опубликовано 11 статей российских и зарубежных авторов; в следующем ежегоднике в разделах «Центры публичной политики, сообщество политологов и гражданские организации: опыт регионов России» и «Центры публичной политики и гражданские организации: опыт Чехии, Украины и Иркутской области РФ» – семь статей. Альманах «Публичная политика – 2007» содержит раздел «Центры и Школы публичной политики», в котором представлено четыре статьи, три из которых посвящены опыту деятельности проекта «Школы публичной политики», реализуемого неправительственной организацией «Открытая Россия». Тема влияния экспертных сообществ на процесс принятия политических решений получила дальнейшее развитие в статьях А.Ю. Сунгурова, опубликованных в двух последних выпусках альманаха [Сунгуров, 2015].

Некоторые аспекты современной публичной политики получали периодическое отражение на страницах обсуждаемого альманаха. Так, развитие институтов и практик защиты прав человека, а также развитие самой концепции прав человека были темой разделов в выпусках 2009 и 2011 гг. В частности, ей была посвящена статья А.Л. Нездюрова, рассматривающего институт Уполномоченного по правам человека в качестве специфического социального медиатора между обществом и властью.

Подчеркнем, что наряду с анализом современных процессов российской публичной политики во многих выпусках альманаха уделяется внимание недавней политической истории – деятельности правозащитных организаций в период СССР, новочеркасской трагедии 1962 г., событиям Перестройки, включая деятельность политических клубов, а также работе первого демократического регионального парламента – Ленсовета, избранного в 1990 г. Опи-

сываются также процессы публичной политики в других постсоветских и постсоциалистических странах – например, в Белоруссии, Болгарии, Казахстане, Украине и Чехии.

Последние выпуски альманаха содержат также материалы конференций, проводившихся отделением прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб., в том числе Международной конференции «Политическая культура как ресурс и барьер инновационного развития» (СПб., 23–24 октября 2009 г.) и три конференции цикла «Октябрьские чтения» (2012–2014).

В качестве заключения можно отметить, что ежегодный альманах «Публичная политика» является фактически единственным российским периодическим изданием, специализирующимся на вопросах публичной политики. Поэтому вполне логичным представляется решение учредителей ежегодного альманаха преобразовать его в полноценный научный журнал с представительной редакционной коллегией и международным консультативным советом.

Список литературы

- Горный М.Б.* Концепция взаимодействия исполнительной власти и общественных организаций в Санкт-Петербурге: первые шаги реализации // Публичная политика – 2008. – СПб.: Норма, 2009. – С. 8–20.
- Горный М.Б.* Взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти в Санкт-Петербурге // Публичная политика – 2010. – СПб.: Норма, 2011. – С. 25–42.
- Орлова А.* Как служащие органов исполнительной власти Санкт-Петербурга могут эффективно участвовать в реализации Концепции «Общественно-государственное партнерство» // Публичная политика – 2008. – СПб.: Норма, 2009. – С. 8–20.
- Немина В.Н.* Оценка сложившейся практики взаимодействия негосударственных некоммерческих организаций с органами исполнительной власти Санкт-Петербурга и пути повышения эффективности взаимодействия // Публичная политика – 2009. – СПб.: Норма, 2010. – С. 80–84.
- Немина В.Н.* Анализ взаимодействия органов власти Санкт-Петербурга с общественными объединениями и иными негосударственными некоммерческими организациями // Публичная политика – 2010. – СПб.: Норма, 2011. – С. 43–45.
- Сунгузов А.Ю.* О роли научного знания и научных сообществ в процессах публичной политики // Публичная политика – 2013. – СПб.: Норма, 2014. – С. 43–54.
- Сунгузов А.Ю.* Экспертное сообщество и инновации в публичной политике // Публичная политика – 2014. – СПб.: Норма, 2015. – С. 49–58.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И АННОТАЦИИ / KEY WORDS AND ABSTRACTS

А.С. Макарычев

Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти

Статья анализирует, как совместимые друг с другом подходы социального конструктивизма и постструктурализма можно использовать для изучения взаимоотношений государства и экспертных сообществ. Автор рассматривает аргументы каждой из двух названных выше моделей применительно к России и останавливается как на внутренних функциях различных режимов знания-власти, так и на их внешних проявлениях, в том числе связанных с «мягкой силой».

Ключевые слова: знание-власть; эпистемологические сообщества; мозговые центры; интеллектуалы.

A.S. Makarychev

State experts and modes of knowledge-power

The article analyzes how mutually compatible approaches of social constructivism and post-structuralism can be used for study of a relationship between the state and expert communities. The author examines the arguments of two power-knowledge models (sovereignty- and governmentality-based) in relation to Russia, and dwell upon on the internal functions of their various modes, contexts and functions, both domestic and external, including those related to soft power.

Keywords: knowledge-power; epistemic community; think tanks; public intellectuals.

В.С. Авдонин

Политическая наука в институтах РАН: Институциональное измерение и наукометрические показатели

В статье рассматривается состояние политической науки в институтах РАН. Отмечается роль представителей академических институтов в становлении и институционализации отечественной политической науки. Суммируется информация об организации политической науки в структурных подразделениях институтов, сравниваются их наукометрические показатели, отмечаются проблемы. Показано, что по многим параметрам институционализации науки (изданию профессиональных журналов, монографическим исследованиям, наличию ведущих ученых) институты РАН выступают ядром консолидации политической науки в России.

Ключевые слова: политическая наука; институты РАН; наукометрические показатели; институционализация науки.

V.S. Avdonin

**Political science at the institutes of RAS:
Institutional dimension and scientometric indicators**

The article considers the state of political science at the institutes of RAS in terms of institutional organization and scientometric indicators. The author reveals the role of scholars from the Russian Academy of Sciences in institutionalization of domestic political science. The article provides information on the organization of political science in the structural divisions of the Institute, compares them scientometric indicators, pointed out the problems. It is shown that in many respects the institutionalization of science (publication of professional journals, monographic studies, the presence of leading scientists) RAS institutes are the core of the consolidation of political science in Russia.

Keywords: political science; institutes of RAS; scientometric indicators; the institutionalization of science.

А.Ю. Сунгуров
**Социальные и политические функции академических
и экспертных сообществ**

Статья посвящена анализу представлений о роли научного знания и его носителей в процессе подготовки и принятия политико-управленческих решений. На основе анализа формулируются пять основных функций экспертных сообществ в этом процессе, а также рассматриваются примеры реализации этих функций в рамках зарубежного и российского опыта.

Ключевые слова: экспертное сообщество; публичная политика; государство; принятие решений; экспертные и консультативные советы.

A.Yu. Sungurov
Social and political functions of academic and expert communities

The paper analyzes different conceptions of the role of science knowledge in policy process. As result of this analysis five functions of expert communities are formulated. The examples of realization of these functions in Russia and other countries are presented.

Keywords: expert community; public policy; government and governance; decision making; expert and advisor councils.

А.Н. Кулик
**Между властью и обществом: К вопросу о роли
публичных интеллектуалов в установлении повестки дня
в современной России**

В статье предпринимается попытка найти подход к оценке возможностей участия публичных интеллектуалов в установлении национальной повестки дня России в условиях режима электро-авторитаризма, сформировавшегося в 2000-е годы. Рассматриваются также отношение власти к интеллектуалам и их положение в обществе.

Ключевые слова: публичные интеллектуалы; установление повестки дня; принятие решений; политическое участие; СМИ; общественное мнение.

A.N. Kulik

Between government and society: The role of public intellectuals in the national agenda setting in modern Russia

The article tries to give an assessment of public intellectuals' opportunities to participate in the national agenda setting for Russia under the regime of electoral authoritarianism, formed in 2000-ies. It also examines the attitude of the authorities to intellectuals and their position in society.

Keywords: public intellectuals; agenda setting; decision making; political participation; mass media; public opinion.

Д.В. Ефременко

Фабрики мысли и внешнеполитическая повестка современной России

Рассматривается роль экспертных сообществ в публичных дебатах по проблемам российской внешней политики и международной безопасности. Внимание фокусируется на взаимоотношениях между мозговыми центрами, политическими институтами, группами интересов и гражданским обществом. Анализируются идеологические и коммуникативные аспекты деятельности экспертных организаций.

Ключевые слова: экспертно-аналитические центры; экспертные сообщества; группы интересов; идеология; внешняя политика России.

D.V. Efremenko

Think tanks and foreign policy agenda of modern Russia

The article is devoted to the analysis the role of expert communities in the public debates on Russian foreign policy and international security issues. It is focused at the ties between prominent think tanks, political institutions, interest groups and civil society. Ideological and communicative aspects of the activity of Russian think tanks are considered.

Keywords: think tanks; expert communities; interest groups; ideology; Russia's foreign policy.

В.Н. Ефремова

Экспертные рейтинги как инструменты оценки деятельности глав регионов (на примере рейтингов эффективности губернаторов)

В статье рассматриваются основные особенности появления и методики составления экспертных рейтингов, посвященных оценке деятельности глав субъектов регионов в современной России. Выделены основные этапы развития системы оценки эффективности губернаторского корпуса и связанная с этим публичная активность экспертного сообщества. Автор заключает, что экспертные центры превратились в проводников принимаемых властью политических решений.

Ключевые слова: экспертно-аналитические сообщества; рейтинг эффективности; региональная политика.

V.N. Efremova

**Expert ratings as tools of evaluation region's governors
(the case of the efficiency rating of regional leaders)**

The article discusses the main features of appearance and methodology for expert ratings dedicated evaluation of heads of subjects of the regions in Russia. Author analyses a development evaluation system of governors and the related public activity of the expert community. The author concludes that the expert centers began to conduct authorities' decisions.

Keywords: political experts; think tanks; efficiency rating; the regional policy.

Л.В. Сморгун

**Региональные политологические сообщества
в советское время**

В статье анализируются особенности формирования политологических сообществ в советское время. Раскрываются организационные условия их создания в ходе развития Советской ассоциации политических наук (САПН) после IX Всемирного конгресса МАПН в Москве в 1979 г. Рассматриваются некоторые черты идейных трансформаций в среде исследователей политики в Со-

ветском Союзе; описываются некоторые сообщества, а также их лидеры. Делается вывод о том, что без активной деятельности таких сообществ развитие политической науки в постсоветской России было бы затруднено.

Ключевые слова: политологические сообщества; советское время; САПН; лидеры сообществ.

L.V. Smorgunov

Regional political science communities in the Soviet era

The paper analyzes the features of the formation of political science communities in the Soviet era. Disclosed organizational conditions of their creation during the development of the Soviet Association of Political Sciences (SAPS) after the 9 th World Congress of the IPSA in Moscow in 1979, some of the characteristics of ideological transformation in the sphere of political research in the Soviet Union are considered; it describes some of the communities and their leaders. The conclusion is that without active work of community development of political science in the post-Soviet Russia would be difficult.

Keywords: political science community; the Soviet era; the SAPS; community leaders.

Н.В. Борисова, К.А. Сулимов

Университетское сообщество между глобальностью и локальностью: Вызовы и ответы

Современные университеты находятся под серьезным глобализационным давлением и вынуждены самоопределяться в глобальном научном и образовательном пространстве. Параллельно имеет место движение в сторону «локального» – местных, городских сообществ. Локальный тренд называется по-разному – «социальная роль», «социальная функция», «третья роль» – и, соответственно, по-разному осмысливается. Взаимосвязь этих трендов рассматривается на материале Католического университета Лёвена (Бельгия), Гёттингенского университета (Германия) и Пермского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Ключевые слова: университет, локальные сообщества, глобальное образовательное пространство, модели социальных функций.

N.V. Borisova, K.A. Sulimov
University community between global and local:
Challenges and responses

Globalization and its effects in education and science are serious challenges for modern universities that are forced to define ourselves in global academic and educational space. At the same time, universities are moving to local urban communities. This movement has different names («social role», «social mission» or «third role») and different interpretations and meanings. The interconnection of these trends is discussed for cases of the Catholic university of Leuven (Belgium), the university of Göttingen (Germany) and Perm state university (Russia).

Keywords: university; local community; global educational space; the model of social functions.

Л.А. Фадеева, К.А. Пунина
Университет в региональной публичной политике:
Российские практики в сравнительной перспективе

Авторы статьи рассматривают университеты как акторов региональной публичной политики – актуальных или потенциальных. Публичная политика понимается в широком смысле этого слова – как включенность различных общественных групп, государственных и негосударственных акторов в политико-управленческий процесс посредством различных механизмов согласования интересов и культуры консенсуса. Авторы указывают на сложность кросс-национального и кросс-регионального анализа университетов и выбирают в качестве обоснования выбора такое значимое событие, как подготовка или празднование 100-летия университета. Они предлагают скоринговую карту таких российских университетов для демонстрации их потенциала в качестве акторов региональной публичной политики.

Ключевые слова: университет; публичная политика; третья роль; сообщества.

L.A. Fadeeva, K.A. Punina
University in the regional public policy:
The Russian practice in comparative perspective

The article is about university as the actor of regional public policy – the current or prospective. Public policy is understood by the authors in the broad sense of the word – as the inclusion of different social groups, state and non-state actors in the political and administrative process through a variety of mechanisms to coordinate the interests and culture of consensus. The authors point to the complexity of cross-national and cross-regional analysis of selected universities and as a justification for the choice of such an important event as the preparation and celebration of the 100 th anniversary of the university. They offer a scorecard of Russian universities to demonstrate their potential as actors of regional public policy.

Keywords: university; public policy; the third part; community.

А.Б. Макаров
Академическая политическая наука на Урале.
Обзор результатов важнейших философско-политических
исследований Института философии и права УрО РАН

Статья содержит обзор ключевых направлений исследований и наиболее важных результатов в области политической философии, политических наук и права за все время существования Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (ИФиП УрО РАН). Научная стратегия Института ориентирована на комплексное теоретико-методологическое и прикладное осмысление политических, философских и правовых трансформаций современных обществ в контексте глобального мира.

Ключевые слова: антропология; политическая философия; философии власти; модерн; постмодерн; секуляризация; тоталитаризм; теория и методология политической науки; дискурс-анализ; метаязык политической науки; марксизм; консерватизм; прямая демократия; идеология; утопия; гражданское участие; правосудие; федерализм; этнонационализм; электронное правительство; лоббизм; город.

A.B. Makarov

Academic political science in the Urals. A review of the most important results and achievements of the institute of philosophy and law, Ural branch of the Russian academy of sciences in philosophy and political studies

The article provides an overview of the main areas of research and the most important results in the field of political philosophy, political science and law of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (RAS) since its foundation. The scientific strategy of the Institute is focused on complex theoretical and methodological sophistication and applied research of political, philosophical and legal transformation of modern society in the context of a global world.

Keywords: anthropology; political philosophy; philosophies of power; Modernity; Post-modernity; secularization; totalitarianism; the theory and methodology of political science; the meta-language of political science; Marxism; conservatism; direct democracy; ideology; utopia; civic participation; justice; federalism; ethnic nationalism; e-government; lobbying; discourse analyses; urban studies.

В.А. Иноземцева, Е.И. Черненко

**Экспертное сообщество Республики Карелия:
Опыт участия в публичной политике**

Статья посвящена деятельности региональных экспертно-аналитических сообществ на примере Республики Карелия. Аналитические сообщества рассматриваются как акторы, участвующие в процессе принятия управленческих решений, прежде всего, на стадии их подготовки как модераторы публично-властной дискуссии на региональном уровне. В качестве признанных примеров выхода регионального экспертного сообщества на федеральный уровень приведены стратегическое планирование и развитие информационных технологий. Отмечается, что в Республике Карелия существует большое количество разрозненных экспертных структур и сетей разного уровня, а сама экспертно-аналитическая деятельность осуществляется, прежде всего, по «цеховому» признаку в рамках инсайдерских стратегий. Взаимодействия по линии «ре-

гиональная / муниципальная власть – экспертно-аналитические сообщества» в основном иницируются «сверху» и имеют формализованный характер.

Ключевые слова: Республика Карелия; экспертно-аналитические сообщества; публично-государственное управление; публичная политика; местное самоуправление.

V.A. Inozemtseva, E.I. Chernenkova

Interaction between the expert-analytical communities and municipal administration (Petrozavodsk urban district experience)

The article focuses on the interaction between the expert-analytical communities and municipal administration in the Petrozavodsk urban district. Such communities are viewed as actors participating in the public decision making process. It was mentioned that the interaction of «regional / municipal government – expert-analytical communities» is mainly initiated from «above» and has a formalized character. There is no system of communication or conventional agreements between the government and analysts. The article infers that there are analytical networks in the Republic of Karelia that are located in academic or university settings and adhere to the insider strategy. Following the governmental order, the representatives of the expert-analytical communities conduct expert evaluations of single governmental decisions at the stage of their preparation, but not during their realization or the assessment of the results.

Keywords: Republic of Karelia; expert-analytical communities; public governmental administration; public politics; local self-government.

Дж. Капано, Л. Верзичелли

Nemo profita in patria: Трудный путь итальянской политической науки к общественному влиянию

Целью статьи является обсуждение сегодняшнего общественного имиджа политической науки в Италии, где сильна традиция политического дискурса, а эмпирическое изучение политики было представлено с конца XIX в., если не с более ранних времен, когда итальянская школа элитизма подготовила почву для зарож-

дения нового направления политической науки. За последние два десятилетия у политологов был шанс изменить ситуацию их ограниченной заметности в общественной сфере (visibility). Пытаясь использовать в своих интересах появившийся в итальянском обществе спрос на изменения, они стремились стать более заметными за рамками научного сообщества и играть более существенную роль в общественных дискуссиях. Результаты анализа показывают, что, несмотря на институционализацию предмета в рамках университетской образовательной программы и относительно перспективный уровень интернационализации исследований, «политическая» и «социальная» роли итальянской политической науки существенно ограничены.

Ключевые слова: общественный имидж политической науки; статус и репутация академической дисциплины; институционализация политической науки.

G. Capano, L. Verzichelli

Nemo profita in patria: The difficult impact of Italian political science on the public sphere

The paper aims to discuss the current public image of political science in a country with a strong tradition in political discourse has been, where the empirical study of politics has been present since the end of XIX century if not longer, when the Italian elitist school paved the way for a new direction political science. Over the past two decades, political scientists have had the chance to reverse their scarce visibility, and have clearly attempted to take advantage of the new demand for change from within Italian society, by trying to achieve greater visibility outside the academic community and to play a stronger role in public debate. What our analysis reveals is that, notwithstanding the institutionalization of the subject within university curricula, and the relatively promising level of internationalisation of research, the «political» and «social» roles of Italian political science continue to be of a substantially limited entity.

Keywords: public image of political science; status and reputation of academic discipline; institutionalization of political science.

А.Ю. Беляев

Влияние фабрик мысли в условиях различной политической поляризации общества на примере США

В статье рассмотрена динамика влияния фабрик мысли в США с 1991 г. на фоне изменения политической поляризации общества. Описаны и классифицированы возможные каналы влияния фабрик мысли и способы их количественной операционализации, а также дано объяснение параметру политической поляризации. В результате сопоставления данных выявлена и интерпретирована прямая взаимосвязь между ростом политической поляризации и ростом активности фабрик мысли.

Ключевые слова: фабрики мысли; политическая поляризация; публичная политика; влияние фабрик мысли; группы интересов.

A.Yu. Belyaev

Influence of think tanks in conditions of changes in political polarization in United States

This article is considering the dynamics of the impact of think tanks on the background of changes in the political polarization in the United States since 1991. Possible channels of influence of think tanks were shortly described and classified, as well as methods for their quantitative operationalization. Article also gives an explanation to the parameter of political polarization. In result of comparison of the data was detected significant correlation between the increase in political polarization and increased activity of think tanks, which was explained in the conclusion part of text.

Keywords: think tank; political polarization; public policy; think tank influence; groups of interest; advocacy coalitions.

О.Ю. Малинова

**Кто формирует общественное «лицо» профессии:
Сравнительный анализ репрезентации «политологов»,
«экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ**

На основе публикаций 10 газет в течение одного года анализируются особенности репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ. Проводится

количественный и качественный анализ списков персоналий, в отношении которых приводятся такие характеристики. С помощью РИНЦ анализируется соотношение их публикационной активности в СМИ и профессиональных изданиях.

Ключевые слова: профессиональная идентификация; политолог; экономист; историк; репрезентация в СМИ; символическая борьба за номинацию.

O.Yu. Malinova

Who shapes the public «face» of the profession: A comparative analysis of the representations of «political analysts», «economists» and «historians» in the Russian print media

The article analyses quantitative and qualitative characteristics of media representations of «politologists», «economists» and «historians» in 10 Russian newspapers over a year. On the basis of the Russian Scientific Quotation Index the author compares publication profiles of the persons who are ascribed the respective identity in mass media and professional journals.

Keywords: professional identification; politologist; economist; historian; media representations; symbolic struggle for nomination.

И.А. Фокин

Институциональная инфраструктура политической науки в современной Украине

В статье предпринимается попытка оценить уровень и потенциал развития политической науки в Украине через призму рассмотрения институционализировавшихся практик политических исследований. На основе изучения обширного материала из открытых источников, таких как официальные сайты исследовательских учреждений, данных Государственной службы статистики Украины, а также на основе ранее опубликованных работ по вопросам развития политической науки в Украине предлагается авторское видение поднятой проблемы.

Ключевые слова: политическая наука; институты; инфраструктура; практики; Украина.

I.A. Fokin
The institutional infrastructure
of political science in modern Ukraine

The paper attempts to assess the level and the potential development of political science in Ukraine, considering the institutionalized practice of Political Studies. On the basis of extensive data from public sources, such as official websites of research institutions, the data of the State Statistics Service of Ukraine and on the basis of previously published work on the development of political science in Ukraine, it offers a vision of the author on this issue.

Keywords: political science; institutions; infrastructure; practices; Ukraine.

Е.А. Глухова
Экспертное сообщество как механизм общественного
участия в процессе принятия политических
решений в сфере прав человека

Статья посвящена анализу механизма вовлечения экспертного сообщества в процесс принятия решений в сфере прав человека посредством выполнения институтом омбудсмана функций пограничной структуры на примере двух субъектов Российской Федерации. В ней систематизированы различные практики вовлечения экспертного сообщества в процесс принятия решений, затрагивающих права человека, посредством выполнения институтом омбудсмана медиативной функции. Выявлены достоинства и проблемы использования такого механизма интеграции экспертного знания.

Ключевые слова: права человека; экспертное сообщество; пограничные структуры.

E.A. Glukhova
Expert community as mechanism of public participation in policy
decision-making process in the human rights sphere

Article is devoted to the analysis of involving of the expert society in the political decision making in human rights sphere through the achieving the boundary organization functions by the ombudsman institution on the example of 2 Russian regions. In article presented various

systemized practices of involving of experts in political decision making process in Human Rights sphere and discussed advantages and disadvantages of use of the ombudsman institution as an instrument for experts' integration in political process.

Keywords: human rights; expert society; boundary organizations.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдонин Владимир Сергеевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: avdoninvla@mail.ru

Беляев Александр Юрьевич – аспирант отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, член правления МО РАПН, e-mail: belazzbelazz@gmail.com

Борисова Надежда Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, e-mail: nadezhda2@yandex.ru

Вандышева Елена Александровна – старший преподаватель департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, e-mail: vandisheva@gmail.com

Верзичелли Лука – профессор политической науки университета Сиенны (Италия), e-mail: luca.verzichelli@unisi.it

Глухова Екатерина Александровна – аспирант департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, e-mail: katerinaglukhova@gmail.com

Ефременко Дмитрий Валерьевич – доктор политических наук, временно исполняющий обязанности директора ИНИОН РАН, e-mail: efdv@mail.ru

Ефремова Валентина Николаевна – и. о. научного сотрудника отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: efremova-valentina@mail.ru

Иноземцева Варвара Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института исторических, политиче-

ских и социальных наук Петрозаводского государственного университета, e-mail: zema@onego.ru

Капано Джилиберто – профессор политической науки и публичной политики, директор аспирантской программы по политической науке и социологии Института гуманитарных и социальных наук Высшей школы в Пизе (Италия), e-mail: giliberto.sarano@sns.it

Кулик Анатолий Никифорович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: an_kulik@mail.ru

Макаров Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии науки Самарского государственного университета, e-mail: makar.ab@mail.ru

Макарычев Андрей Станиславович – доктор исторических наук, профессор университета Тарту (Эстония), e-mail: asmakarychev@gmail.com

Малинова Ольга Юрьевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО (У) МИД России, e-mail: omalinova@mail.ru

Пунина Ксения Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, e-mail: puninaka@psu.ru

Сморгунов Леонид Владимирович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: lvsmorgunov@gmail.com

Соколов Михаил Антонович – студент 1 курса магистерской программы «Политика и управление» НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, e-mail: miansokolov@gmail.com

Солодянкина Светлана Александровна – бакалавр 4 курса НИУ ВШЭ, e-mail: s.a.solodyankina@gmail.com

Сулимов Константин Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, e-mail: ksulimov@yandex.ru

Сунгуров Александр Юрьевич – доктор политических наук, руководитель департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, e-mail: asungurov@mail.ru

Фадеева Любовь Александровна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Фокин Иван Алексеевич – аспирант отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: ivan.fokin.2014@mail.ru

Черненко Елена Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института исторических, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, e-mail: chernenkova_lena@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
Научный журнал
2015 № 3

**Социальные и политические функции академических
и экспертных сообществ**

Редакторы-составители номера
д-р полит. наук *В.С. Авдонин*,
д-р философ. наук *О.Ю. Малинова*

*Издание рекомендовано Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные ре-
зультаты диссертации на соискание ученой степени доктора и
кандидата наук» по политологии*

Адрес редколлегии: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект 51/21.
ИНИОН РАН. Отдел политической науки.
E-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Дизайн Л.А. Можяева
Компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор Н.И. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 14/IX – 2014 г. Формат 60 х 84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 19,25 Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 450 экз. Заказ № 76

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел. / Факс: (499) 120-45-14
E-mail: inion@bk.ru
E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02) 9